

МГЛУ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

13

Выпуск (881)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2023

1930

MSLU

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

13

Issue (881)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2023

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 13 (881)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

Зам. главного редактора
Е. И. Карпенко

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 13 (881)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief

GALINA G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

Deputy Chief Editor

ELENA I. KARPENKO

PhD in Philology

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPEI)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Феномен коммуникативной неудачи: коммуникативно-прагматический аспект БЫКОВА О. А.	9
Обрядовое письмо: системообразующие признаки и этнокультурная специфика ДМИТРИЕВА О. А., ГУЛИНОВ Д. Ю.	15
Концепция нормативного словаря во исполнение закона «О государственном языке Российской Федерации» ЕВТУШЕНКО О. В.	23
Функции дискурсивных маркеров в устной диалогической речи (на примере французских уличных опросов) ЗУЕВА Е. С.	30
Семиотика женской французской моды: от Средневековья до современности КАЛЬЩИКОВА А. А.	37
Языковая креативность в художественном тексте Рэмона Кено КУЗНЕЦОВ В. Г., СЕМИНА И. А.	43
Немецкоязычный православный дискурс: исторический аспект МИЛЕЕВА О. А.	51
Модель массового реципиента в персональном немецкоязычном интервью НЕСТЕРЮК Ю. В.	57
Тенденции употребления французских предлогов <i>à, en, dans</i> в пространственно-топонимических конструкциях (на примере географических названий французской метрополии) НИКОЛАЕНКО А. В.	65
О некоторых компонентах немецкоязычного музыкального дискурса (на примере речи дирижера оркестра) НОЗДРИНА А. С.	72
Визуально-ассоциативное цветовое восприятие гласных русского языка ПОТАПОВА Р. К., ПОТАПОВ В. В., ПОМЕРАНЦЕВ Н. Д.	80
Сферы-источники и специфика употребления концептуальной метафоры в медиатекстах РОМАНОВСКИЙ А. В., ШЁНЛЕБЕН М. М.	89
Основные функции интенсивности в англоязычном автобиографическом дискурсе САЛТАНОВА П. А.	96
Некоторые особенности устного перевода социально-ритуальных текстов ФИРСТОВ М. С.	102

СОДЕРЖАНИЕ

Использование паронимов в заголовках статей
(на материале современной французской прессы)

ШУМАКОВА А. Н. 109

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мифологемы мифа и типологемы истории

БОНДАРЕВ А. П. 114

Автобиографический миф Виктора Сосноры: к постановке проблемы

ЗЕЙФЕРТ Е. И. 123

Поэтические прошения Уильяма Данбара

ИБРАГИМОВА К. Р. 131

Проблематика индивидуально-авторской картины мира
в трудах отечественных и французских лингвистов

РОЗАНОВА Н. Ф. 138

Особенности репрезентации этничности в повести Дениса Осокина «Овсянки»

ХРОМОВА Д. А. 145

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Понятия «ренессанс» и «неоренессанс»: сущность, содержание, границы значений

НОРМАНСКАЯ А. В. 150

Французские рейтары на службе русского царя
(историческая связь России и Франции в XVI–XVII веках)

СДОБНОВА Ю. Н., МАНУХИНА А. О. 158

LINGUISTICS

The Phenomenon of Communicative Failure: Communicative and Pragmatic Aspect BYKOVA O. A.	9
Ritual Letter: Backbone Features and Ethno-Cultural Specifics DMITRIEVA O. A., GULINOV D. Y.	15
The Concept of the Standard Dictionary in Pursuance of the Law “On the State Language of the Russian Federation” EVTUSHENKO O. V.	23
Functions of Discourse Markers in Oral Dialogical Speech (based on French street interviews) ZUEVA E. S.	30
Semiotics of French Women’s Fashion: from the Middle Ages to the Present KALSHCHIKOVA A. A.	37
Language Creativity in Artistic Work of the French Writer Raymond Queneau KUZNETSOV V. G., SEMINA I. A.	43
German-Language Orthodox Discourse: Historical Aspect MILEEVA O. A.	51
The Mass Recipient Model in the Personal German-Language Interview NESTERYUK YU. V.	57
Trends in the Use of French Prepositions <i>à, en, dans</i> in Spatial and Toponymic Constructions (based on geographical names of the French metropolis) NIKOLAYENKO A. V.	65
On Some Components of German Musical Discourse (based on conductors’ speech) NOZDRINA A. S.	72
Visual-Associative Color Perception of Russian Vowels POTAPOVA R. K., POTAPOV V. V., POMERANTSEV N. D.	80
Spheres-Sources and Specifics of Use of Conceptual Metaphor in Media Texts ROMANTOVSKY A. V., SCHOENLEBEN M. M.	89
Main Functions of Intensity in the English-Language Autobiographical Discourse SALTANOVA P. A.	96
Interpreting Socio-Ritual Texts. Some Features FIRSTOV M. S.	102
The Use of Paronyms in the Titles of Articles (based on the present-day French news magazines) SHUMAKOVA A. N.	109

LITERARY STUDIES

Mythologemes of Myth and Typologemes of History BONDAREV A. P.	114
The Autobiographical Myth of Viktor Sosnora: to the Formulation of the Problem SEIFERT E. I.	123
William Dunbar's Poetic Petitions IBRAGIMOVA K. R.	131
Problems of Author's Individual Worldview in the Works of Russian and French Linguists ROZANOVA N. F.	138
Peculiarities of Ethnicity Representation in Denis Osokin's story «Yellowhammers» KHROMOVA D. A.	145

CULTUROLOGY

The Concepts of "Renaissance" and "Neo-Renaissance": the Essence, Content, Boundaries of Meanings NORMANSKAYA A. V.	150
French Reitars in the Service of the Russian Tsar (historical connection between Russia and France in the 16 th –17 th centuries) SDOBNOVA YU. N., MANUHINA A. O.	158

Феномен коммуникативной неудачи: коммуникативно-прагматический аспект

О. А. Быкова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bykoolya@yandex.ru*

Аннотация. В статье обобщаются различные точки зрения на феномен коммуникативной неудачи в теории коммуникации и прагматике. Предлагается типология коммуникативных неудач на основе двух основных типов критериев: процессуального (т. е. на каком этапе построения интеракции произошел сбой) и структурного (т. е. с каким именно компонентом схемы коммуникации он связан). Прагматический подход рассматривает коммуникативную неудачу как феномен, обусловленный некоторыми универсальными законами.

Ключевые слова: коммуникативная неудача, коммуникация, теория коммуникации, кооперативное общение, прагматика, теория речевых актов

Для цитирования: Быкова О. А. Феномен коммуникативной неудачи: коммуникативно-прагматический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 9–14.

Original article

The Phenomenon of Communicative Failure: Communicative and Pragmatic Aspect

Olga A. Bykova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
bykoolya@yandex.ru*

Abstract. This article attempts to summarize points of view on the phenomenon of communication failure in communication theory and pragmatics. The author establishes a typology of communication failures based on two types of criteria: procedural (i. e. at what stage of constructing the interaction the failure occurred) and structural (i. e. with which component of the communication scheme it is associated). The pragmatic approach considers failure as a phenomenon depending on some universal laws.

Keywords: communication failure, communication, communication theory, cooperative communication, pragmatics, speech act theory

For citation: Bykova, O. A. (2023). The phenomenon of communicative failure: communicative and pragmatic aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 9–14

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникация как комплексный процесс регулируется значительным количеством факторов, влияющих на ее успешность. Идеальная коммуникативная ситуация, где интерактанты предпринимают совместные усилия для достижения общей цели, верно декодируют эксплицитные и имплицитные смыслы, иллюкутивную направленность речевых актов, при этом не испытывая негативного влияния экстралингвистических компонентов ситуации общения, – скорее, исключение в условиях как реального, так и виртуального общения. Следовательно, изучение условий успешности коммуникации, выявление и описание закономерностей, помогающих верно идентифицировать или даже предвидеть коммуникативную неудачу, – актуальная задача современной теории коммуникации. Особенную актуальность она приобретает в условиях зарождения и развития новых форм коммуникации.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ НЕУСПЕШНОГО ОБЩЕНИЯ

Результаты акта общения непредсказуемы: в зависимости от случайных факторов и их сочетания взаимодействие может быть успешным или неудачным. Очевидно, что успешный исход общения представляется наиболее благоприятным, поэтому необходимо изучение условий, которые могут помешать успеху взаимодействия. Для понимания природы коммуникативной неудачи следует обратиться к вопросу конфигурации коммуникативного взаимодействия и описанию основных компонентов коммуникации.

Прежде всего, на наш взгляд, необходимо различать коммуникативные неудачи, вызванные

объективными факторами (например, шумы, «перекрытие» реплик собеседников (*chevauchement*), присоединение к разговору новых собеседников и др.) и субъективными факторами, связанными с говорящими. Говоря об осечках и злоупотреблениях, двух разновидностях коммуникативных неудач, Дж. Остин подчеркивает важность объективных факторов, обусловленных ситуацией общения [Austin, 1962]. К. Кербрат-Ореккиони предлагает различать коммуникативные неудачи, вызванные намеренно (например, те, которые связаны с различиями в целях и установках собеседников) и ненамеренно (например, недопонимания (*malentendus*), связанные с проблемой интерпретации (извлечения означаемого из означающего) [Kerbrat-Orecchioni, 2005]. Представляя такой случай коммуникации, как «диалог глухих», автор уточняет, что в данном случае «глухота» касается означаемого, а не означающего, и подчеркивает, что в отличие от некоторых других форм несогласия (например, двусмысленность (*ambiguïté*)), недопонимание носит интерактивный характер. Недопонимание, безусловно, является лишь частным случаем коммуникативных неудач, которые носят ненамеренный характер, однако ярко представляет эту группу.

Соответственно, коммуникативные неудачи можно разделить не только на субъективные или объективные, но и на преднамеренные (стратегические) и непреднамеренные (нестратегические).

Для выявления причин коммуникативной неудачи, на наш взгляд, может использоваться одна их наиболее полных и детализированных схем коммуникации, разработанная К. Кербрат-Ореккиони на основе схемы коммуникации Р. Якобсона (рис. 1) [Kerbrat-Orecchioni, 1980]. Она может быть представлена в следующем виде:

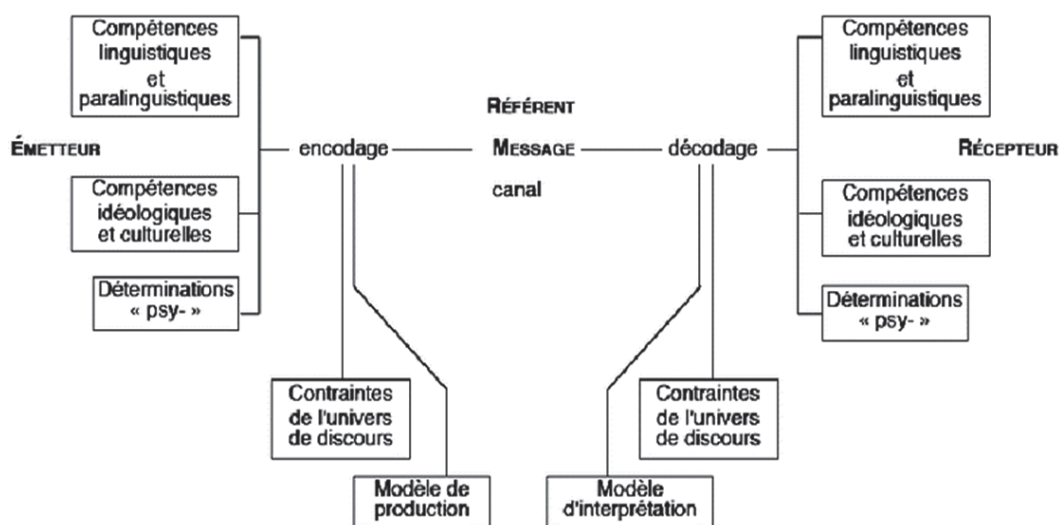

Рис. 1. Схема коммуникации К. Кербрат-Ореккиони

Утверждая, что общение – это непростой обмен информацией, которая «идеально» передается между двумя партнерами, исследователь подчеркивает комплексный характер речевого обмена. Кроме того, согласно К. Кербрат-Орекиони, сам факт присоединения к общению означает, что говорящий принял определенное стратегическое решение относительно своего вступления в коммуникацию и занял определенную позицию. Подобная точка зрения противоположна информационной концепции вербального обмена и рассматривает речевой акт как действие.

Согласно предложенной схеме, каждый из собеседников, выстраивая свою линию коммуникативного поведения, действует в рамках определенной модели, следовательно, обмен между двумя индивидами, принадлежащими к одному и тому же сообществу, зависит от их собственных «идиолектов», что создает взаимопонимание. Идиолекты разнятся в силу индивидуальных особенностей языковых личностей коммуникантов, которые носят постоянный или временный характер.

К. Кербрат-Орекиони описывает эти индивидуальные особенности в терминах «компетенций», которые перекликаются с уровнями языковой личности в модели Ю. Н. Караулова. При этом каждый из компонентов предложенной схемы потенциально может быть источником коммуникативной неудачи, как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего: и психологические особенности коммуникантов, и идеологические / культурные компетенции, и владение лингвистическим/паралингвистическим кодом [Виноградов, 2006]. С учетом конкретных факторов коммуникативные неудачи разделяются и в зависимости от того, кто за них ответственен, – говорящий или слушающий [Городецкий, 1985].

Как модель порождения высказывания, так и модель интерпретации включают в себя некие сценарии коммуникативного взаимодействия, преимущественно направленные на успешную координацию общения. Эти сценарии регулируются особыми правилами, к которым относятся каноны конвенциональности и нормы применения тактик к внешнему и ментальному состоянию собеседника; в свою очередь, эти правила являются продуктами механизма схематизации опыта общения [Шляхов, 2010].

Помимо продуктивной и рецептивной моделей, коммуникация регулируется также «коммуникативным контрактом», имеющим социальную природу. Понятие контракта, разработанное П. Шародо, предполагает, что индивиды, имеющие общность социальных практик, скорее всего, договариваются о языковых репрезентациях этих

социальных практик [Maingueneau, 1996]. Следовательно, нарушение подобных договоренностей приводит к неуспешности коммуникации, так как у собеседников есть некое конвенциональное представление о той линии коммуникативного поведения, которой должен придерживаться собеседник.

Коммуникативная неудача может рассматриваться также в процессуальном аспекте. Обобщая наблюдения многочисленных исследователей, изучающих теорию коммуникации, С. Е. Бугрова создает схему, состоящую из шести уровней [Бугрова, 2013]:

- 1) имплицитный (термин Г. В. Колшанского), превербальный (термин Е. С. Кубряковой), внелингвистическая фаза, включающий мотивационно-побудительный этап (термин И. П. Зимней), этап внутреннего представления смысла генерируемого высказывания – денотативный, дознаковый (термины Т. А. Апполонской и Р. Г. Пиотровского), а также этап прогнозирования;
- 2) этап внутренней речи, десигнативный (термин Т. А. Апполонской и Р. Г. Пиотровского);
- 3) этап перехода к внешней речи;
- 4) вербально-смысловой уровень, непосредственный обмен репликами;
- 5) оценка результатов реализации интенций, соотнесение с реальным результатом коммуникативной интеракции;
- 6) положительный или отрицательный эффект от коммуникативного взаимодействия.

Предложенная модель дает представление об основных этапах коммуникации и может применяться для анализа коммуникативных неудач с целью установления той фазы общения, в которой произошел сбой.

УСПЕШНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ В ПРАГМАТИКЕ

Одной из наиболее значимых теорий, в рамках которой разрабатывалась проблематика успешности коммуникации, является теория речевых актов.

Несмотря на то что поиск верного смысла, прежде всего, это задача адресанта, т. е. итог процесса интерпретации, успешность коммуникации зачастую обусловлена теми усилиями, которые прилагает адресат для того, чтобы быть понятым. Поэтому многие определения коммуникативной неудачи подчеркивают первоочередное значение иллокутивного компонента высказывания в общей оценке коммуникации как успешной или неуспешной. Так, согласно К. Эредиа, коммуникативная неудача проявляется в том, что говорящий

субъект не достигает иллокутивной цели коммуникативного акта, и этот акт не вызывает желаемых последствий, в частности желаемого перлокутивного эффекта [Hérédia, 1986].

Дж. Серль и Д. Вандерверкен формулируют ряд теоретических положений, касающихся *условий успешности* иллокутивного акта, т. е. условий, которые должны быть выполнены в возможном контексте акта высказывания для того, чтобы говорящему удалось совершить этот акт в данном контексте, а также *условий удовлетворения* иллокутивного акта, т. е. условий, которые должны быть выполнены в контексте высказывания, для того чтобы этот акт был удовлетворен в реальной ситуации этого контекста [Костюшкина, 2005]. Данные условия в первую очередь касаются соотношения сказанного с изменением положения вещей в реальном мире, а также с намерением автора сделать так, чтобы сказанное не расходилось с действием.

Таким образом, всякий речевой акт, являющийся одной из составляющих дискурса, в свою очередь предполагает необходимость соблюдения особых правил [Кудрявцева, 2009].

Кооперативная природа коммуникации как универсальный принцип лежит в основе теории Г. П. Грайса [Грайс, 1985]. Исследователь формулирует основной принцип, который должен соблюдаться участниками коммуникации как *принцип кооперации*: «Твой коммуникативный вклад на данном этапе / шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [там же, с. 232]. Успешность коммуникации зависит от соблюдения ряда максим, которые выполняют «направляющую» функцию при декодировании смысла высказывания. Так, максима отношения, согласно которой собеседники не должны отклоняться от темы, может позволить избежать коммуникативной неудачи в ситуации, когда содержание высказывания собеседника не очевидно связано с общей темой разговора и требует от слушающего дополнительных усилий по декодированию содержания сообщения.

Максима отношения принимает в работах Дэна Спербера и Дейдры Сьюзан Мойр Уилсон вид теории релевантности [Sperber, Wilson, 1989]. Согласно данной теории, языковое общение может быть представлено в двух основных моделях: кодовой и инференционной. В первой модели происходит кодирование и декодирование сигнала с использованием идентичных копий кода. Во второй модели акцент сделан на инференции коммуникативного намерения, которое автор сообщения стремится сделать очевидным для слушающего. Спербер и Уилсон рассматривают интерпретацию высказывания как двухфазовый процесс: фаза

модулярного декодирования характеризуется как ступень, на которой закодированная с помощью языка логическая форма обогащается за счет контекста и используется в инференционной фазе для построения гипотезы об информативной интенции говорящего [Сусов, 2006].

Таким образом, релевантность высказывания, рассматриваемая авторами в когнитивном аспекте, может сводиться к следующим правилам: предоставление информации о том пропозициональном содержании, которым должен оперировать собеседник, и о том конкретном способе, которым он должен им оперировать.

Нарушение различных типов правил как коммуникативно-прагматического, так и дискурсивного характера лежит в основе типологии неудач Н. К. Къневой. Автор выделяет группы коммуникативных неудач, возникающих: 1) вследствие нарушения правил организации речевого взаимодействия; 2) в случае нарушения правил организации дискурса; 3) из-за нарушения правил информационного обмена; 4) как несоблюдение правил учета статусных ролей коммуникантов в общении [Кънева, 1999].

Вместе с тем при оценке успешности коммуникативного акта перлокутивный уровень имеет решающее значение, так как он является индикатором реализации иллокутивной силы. Исследуя перлокутивную семантику ответных реплик, Н. Ф. Карягина приходит к выводу, что коммуникативные неудачи вызваны как целым рядом психологических факторов, так и несовпадением прагматических пресуппозиций. Коммуникативные неудачи обусловлены субъективным желанием-нежеланием адресата выполнять ожидаемое от него вербальное / невербальное действие, т. е. намеренным игнорированием иллокутивной силы высказывания говорящего [Карягина, 2002]. Таким образом, даже при соблюдении максимального количества условий, необходимых для успешности речевого акта, ожидаемый перлокутивный эффект может не быть достигнут.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование коммуникативной неудачи предполагает комплексный подход к анализу данного феномена. С коммуникативной точки зрения это явление может рассматриваться как в структурном аспекте (т. е. в его зависимости от определенного компонента ситуации общения), так и в процессуальном аспекте (т. е. в связи с определенным этапом коммуникации). Второй ракурс рассмотрения коммуникативной неудачи близок к прагматическому подходу, в котором речевой

акт рассматривается как трехуровневая структура, где основное внимание уделяется условиям успешной реализации иллокутивного намерения коммуникантов, индикатором которой служит перлокутивный эффект.

С прагматической точки зрения важно различать преднамеренные (стратегические) и непреднамеренные (нестратегические) коммуникативные неудачи. Первые представляют наибольшую опасность с точки зрения успешности коммуникации,

так как они носят субъективный характер и часто основаны на фундаментальных разногласиях, разнице во мнениях, мотивациях, идеологических установках и др. Вторая группа коммуникативных неудач может носить как субъективный, так и объективный характер и представляет меньшую опасность для исхода коммуникации, ситуация может быть разрешена посредством реализации репаративных стратегий и тактик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962.
2. Kerbrat-Orecchioni C. *Le discours en interaction*. Paris: Armand Colin, 2005.
3. Kerbrat-Orecchioni C. *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage*. Paris: Armand Colin, 1980.
4. Виноградов С. И. *Культура русской речи*. М.: Норма: ИНФРА-М, 2006.
5. Городецкий Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач // *Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. ст.* Новосибирск: СО АН СССР, 1985. С. 64–78.
6. Шляхов В. И. *Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении*. М.: КРАСАНД, 2010.
7. Maingueneau D. *Les termes clés de l'analyse du discours*. P.: Seuil, 1996.
8. Бугрова С. Е. *Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в неофициальном англоязычном общении*: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013.
9. Hérédia de C. *Incompréhension et malentendus. Étude d'interaction entre étrangers et autochtones* // *Langue française*. 1986. № 71. P. 48–69.
10. Костюшкина Г. М. *Современные направления во французской лингвистике*. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2005.
11. Кудрявцева Н. Б. *Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка*: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
12. Трайс Г. П. *Логика и речевое общение* // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1985. №16. С. 217–237.
13. Sperber D., Wilson D. *La pertinence*. Paris: Minuit, 1989.
14. Сусов И. П. *Лингвистическая прагматика*. М.: Восток – Запад, 2006.
15. Кънева Н. К. *Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999.
16. Карягина Н. Ф. *Перлокутивная семантика ответных реплик: на материале драматургических произведений современных французских авторов*: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

REFERENCES

1. Austin, J. L. (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press.
2. Kerbrat-Orecchioni, C. (2005). *Le discours en interaction*. Paris: Armand Colin.
3. Kerbrat-Orecchioni, C. (1980). *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage*. Paris: Armand Colin.
4. Vinogradov, S. I. (2006). *Kul'tura russkoj rechi*. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russ.)
5. Gorodeckij, B. Yu. (1985). *K tipologii kommunikativnyh neudach = To the typology of communicative failures. Dialogovoe vzaimodejstvie i predstavlenie znaniy (pp. 64–78): digest of articles*. Novosibirsk: SO AN SSSR. (In Russ.)
6. Shlyahov, V. I. (2013). *Rechevaya deyatel'nost': Fenomen scenarnosti v obshchenii = Speech activity. The phenomenon of scenarity in communication*. Moscow: KRASAND. (In Russ.)
7. Maingueneau, D. (1996). *Les termes clés de l'analyse du discours*. Paris: Seuil.
8. Bugrova, S. E. (2013). *Kommunikativnye neudachi i sposoby ih preodoleniya v neoficial'nom angloyazychnom obshchenii = Communicative failures and ways to overcome them in informal English-speaking communication*: PhD in Philology. Nizhnij Novgorod. (In Russ.)
9. Hérédia de, C. (1986). *Incompréhension et malentendus. Étude d'interaction entre étrangers et autochtones. Langue française*, 71, 48–69.
10. Kostyushkina, G. M. (2005). *Sovremennye napravleniya vo francuzskoj lingvistike = Modern trends in French linguistics*. Irkutsk: Baykalsky State University of Economics and Law. (In Russ.)
11. Kudryavceva, N. B. (2009). *Diskurs i sistema sochinitel'nyh soyuzov sovremennogo francuzskogo yazyka = Discourse and the system of compositional unions of the modern French language: SeniorDoctorate in Philology*. Moscow. (In Russ.)

12. Grice, G. P. (1985). Logika i rechevoe obshchenie = Logic and speech communication. Novoye v zarubezhnoy lingvistike (vol. 16, pp. 217–237). Moscow: Progress. (In Russ.)
13. Sperber, D., Wilson, D. (1989). La pertinence. Paris: Minuit, 1989.
14. Susov, I. P. (2006). Lingvisticheskaya pragmatika = Linguistic pragmatics. Moscow: Vostok – Zapad. (In Russ.)
15. K"neva, N. K. (1999). Integral'nyj podhod k probleme kommunikativnyh neudach = Integral approach to the problem of communicative failures: abstract of PhD in Philology. Tver'. (In Russ.)
16. Karyagina, N. F. (2002). Perlokutivnaya semantika otvetnyh replik: na materiale dramaturgicheskikh proizvedenij sovremennykh francuzskikh avtorov = Perlocutive semantics of retaliatory remarks: based on the material of dramaturgical works of modern French authors: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Быкова Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук

и. о. заведующего кафедрой лексикологии и стилистики французского языка

факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bykova Olga Alekseyevna

PhD (Philology)

Acting Head of the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.09. 2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	26.10.2023	approved after reviewing
принята к публикации	28. 10.2023	accepted for publication

Обрядовое письмо: системообразующие признаки и этнокультурная специфика

О. А. Дмитриева¹, Д. Ю. Гулинов²

^{1,2}Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия

¹dmoa@yandex.ru, ²satellite74@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются системообразующие признаки обрядового письма, разновидности «письма счастья», к которым относятся принудительная трансмиссия писем, наличие инструкции провести определенный обряд – приготовить «святой хлеб» из «святой закваски», в строго фиксированном порядке, манипуляция религиозными чувствами адресата посредством вербального и невербального компонентов. Материалом для исследования послужили обрядовые письма на русском, английском, французском и немецком языках, полученные авторами в период с мая 2020 г. до мая 2023 г., а также размещенные на тематических сайтах, отражающих мошенничество в Интернете.

Ключевые слова: «письмо счастья», обрядовое письмо, прескриптив, манипуляция ценностями, этнокультурная специфика

Для цитирования: Дмитриева О. А., Гулинов Д. Ю. Обрядовое письмо: системообразующие признаки и этнокультурная специфика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 15–22.

Original article

Ritual Letter: Backbone Features and Ethno-Cultural Specifics

Ol'ga A. Dmitrieva¹, Dmitry Y. Gulinov²

^{1,2}Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

¹dmoa@yandex.ru, ²satellite74@yandex.ru

Abstract. The article discusses the system-forming features of ritual letter, varieties of “letter of happiness”, which include the forced transmission of letters, the presence of instructions to conduct a certain ceremony – to prepare “holy bread” from “holy leaven”, in a strictly fixed order, manipulation of the recipient's religious feelings through verbal and non-verbal components. The material for the study was ritual letters in Russian, English, French and German, received by the authors from May 2020 to May 2023, as well as posted on thematic sites dedicated to Internet fraud.

Keywords: “letter of happiness”, ritual letter, prescriptive, manipulation of values, ethno-cultural specificity

For citation: Dmitrieva O. A., Gulinov D. Yu. (2023). Ritual letter: backbone features and ethno-cultural specifics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 15–22.

ВВЕДЕНИЕ. ПИСЬМО КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Письмо представляет собой дополнительное средство общения при помощи системы графических знаков, выступает способом сохранения речевых произведений во времени, является хранилищем человеческих знаний и накопленного опыта, зеркалом культуры и традиций каждой страны.¹ Письмо рассматривается и как литературный жанр, эпистолярная литература – это изданные письма частного характера.²

И. Р. Гальперин выделяет функциональную направленность письма, то есть ориентацию на выполнение какой-либо заранее намеченной цели сообщения, что определяет прагматичность письменного текста, его важное место в жизни человека [Гальперин, 2020, с. 16]. В связи с этим выделяются различные типы писем, а также их структурное своеобразие. В настоящее время предпринято научное осмысление различных типов писем, в том числе «писем счастья» в работах Г. В. Бойчиук (2018), А. А. Панченко (2002), В. Ф. Лурье (1993), Т. П. Сухотиной (2014), Д. Ю. Гулинова, О. А. Дмитриевой (2021), И. С. Бутова (2022), D. W. Van Arsdale (1998, 2002, 2007) и др.

ОБРЯДОВОЕ ПИСЬМО КАК РАЗНОВИДНОСТЬ «ПИСЬМА СЧАСТЬЯ»: НОМИНАЦИИ ОБРЯДОВЫХ ПИСЕМ

Обрядовое письмо является вариантом «писем счастья», получившим широкое распространение и узнаваемость в разных лингвокультурах, и отличается этнокультурным своеобразием. Характерная структура «письма счастья»: анонимность или наличие фикционального автора, инструкция (требование распространить письмо), манипуляция ценностями адресата (угроза и обещание благ). В структуре обрядового письма заложен обряд, ритуал приготовления хлеба.

Цель данной статьи заключается в описании обрядового письма, выявлении его системообразующих признаков и установлении специфики подобных писем, написанных на русском, английском, французском и немецком языках.

В статье использованы следующие методы: метод наблюдения и целенаправленной выборки для сбора фактического материала и его

последующей обработки, анализ определений для обеспечения широкого понимания понятий «письмо», «письмо счастья», «обрядовое письмо»; описание конкретных языковых фактов, направленное на выявление основных системообразующих признаков обрядового письма; семиотический анализ системы вербальных знаков, используемых в текстах обрядового письма; сравнительный анализ для установления сходств и различий между обрядовыми письмами, написанными на разных языках, интерпретация полученных данных.

За долгий период существования «писем счастья» данный жанр привлек внимание многочисленных исследователей, посвятивших свои труды анализу причины происхождения данного формата посланий, классификации и типологии «писем счастья», а также их трансформации в связи с появлением новых средств коммуникации.

Основоположником типологии «писем счастья» выступает исследователь Daniel Van Arsdale, который предложил следующие категории писем: «богоудное дело», «удача», «милостыня», «петиция», «обогащение», «обмен», «мировой рекорд», «пародия» и «электронные письма»³.

Позже В. А. Мартинович, после углубленного изучения прототипа первого «письма счастья» – «древней молитвы», которое со временем трансформировалось в «письмо удачи», «письмо процветания», «счастье по почте», «смерть 20», «лотерею удачи», «смерть-лотерею», установил, что первоначальный текст «древней молитвы» постепенно превратился в классическое «письмо счастья», повсеместно узнаваемое и получаемое посредством различных коммуникационных систем [Мартинович, 2007].

Представленные в различных странах, «письма счастья» получили следующие номинации (см. табл. 1):

Таблица 1

НАИМЕНОВАНИЯ «ПИСЕМ СЧАСТЬЯ»

Язык	Наименование
Русский	письмо счастья, магическое письмо, письмо-цепочка, святое письмо
Английский (США, Великобритания)	chain letter (письмо счастья), chaine-mail (письмо-цепочка), chain message (письмо-послание), celestial letter (небесное письмо), luck letter (письмо удачи)

¹Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004.

²Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1993.

³Van Arsdale D. W. Chain Letter Evolution. 1998/2002/2007. URL: <http://pascalfroissart.free.fr/3-cache/2002-vanarsdale.pdf> (дата обращения: 11.08.2023).

Язык	Наименование
Французский (Франция)	chaîne de lettres (цепочка писем), chaîne d'email (электронная цепочка), lettre du Ciel (небесное письмо), lettre de St-André (письмо святого Андре), chaîne de bonnes fortunes (цепочка счастья), chaîne de mauvaises fortunes (цепочка несчастья)
Немецкий (Германия)	Himmelsbrief (небесное письмо), Kettenbrief (письмо счастья), Kettengebet (письмо молитва), Glückskette, Wunderbrief (чудо-письмо)

Как следует из таблицы, «письма счастья» получили различные наименования в русском, английском, французском и немецком языках. Общим для всех рассматриваемых языков является принцип распространения «письма счастья» – по цепочке, от одного получателя к другому. Отсюда наименования: *письмо-цепочка* в русском языке, *chain letter* в английском языке, *chaîne de lettres* во французском языке и *Kettenbrief* в немецком языке. Кроме этого, во всех языках, кроме русского, встречается номинация *небесное письмо* (*celestial letter*, *lettre du Ciel*, *Himmelsbrief*). Считалось, что подобные письма были посланы с неба самим Богом и призывали их получателей встать на путь истинный. В русском языке аналогом номинации *небесное письмо*, вероятно, является словосочетание *святое письмо*, символизирующее связь с Богом. Обращает на себя внимание наличие в английском и французском языках такого наименования, как *письмо удачи* (*luck letter* и *chaîne de bonnes fortunes*), которую обещали при условии выполнения определенной инструкции.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ «ПИСЕМ СЧАСТЬЯ»

Несмотря на многообразие «писем счастья», данный жанр имеет универсальную структуру:

- повествование какой-либо истории, которая может подчеркнуть достоверность и важность письма: чаще всего такое повествование расположено в начале послания, и оно должно быть интересным, чтобы адресат продолжил читать письмо и распространил его после прочтения;
- неожиданность;
- требование к получателю, к примеру, не удалять письмо, а дочитать его до конца;
- манипуляция ценностями, которые определяются в зависимости от тематики письма;
- инструкция с жестким прескриптивом;

- обещание успеха, удачи и прочих благ при выполнении инструкции;
- угрозы при игнорировании письма или его требований;
- убеждение в достоверности действия послания: обычно приводят примеры несуществующих или существующих личностей, которые стали успешными благодаря тому, что переслали письмо, или указываются неудачи тех, кто проигнорировал послание.

Исследователи A. Dobele, A. Lindgreen, M. B. Beverland, J. Vanhamme, R. van Wijk отмечают, что апелляция к человеческим эмоциям заставляет дочитать и переслать сообщение [Dobele et al., 2007, с. 296]:

Канал распространения «письма счастья» может быть типичным – почтовая пересылка «бумажного» варианта письма или посредством электронной связи коммуникации, к таким письмам относятся сообщения и посты в социальных сетях. Ряд писем имеют и бумажный, и электронный вариант, но встречаются и такие, которые распространяются в одном из названных форматов. Необходимо заметить, что цифровизация общества свела к минимуму так называемые «бумажные» письма.

Для создания эффекта правдоподобности в письмах приводятся прецедентные имена – имена известных людей как в одной стране, так и во всем мире: Олег Попов, Рональд Рейган, а также выдуманные имена адвокатов, юристов и прочих фикциональных авторов писем. Характерно упоминание числительных для создания эффекта статистики с целью подтверждения достоверности приведенной в письме информации.

В связи с тем, что анонимные составители писем имеют низкий уровень образования, не владеют иностранными языками, прибегают к использованию автоматического перевода, в текстах писем встречаются грубые ошибки.

Тематика «писем счастья» многообразна. В зависимости от ценностей, которыми манипулирует составитель письма (религия, безопасность, семья, любовь, юмор и т. д.), а также антиценностей (смерть, увольнение, потеря близких и т. д.) выделяются шуточные и пародийные письма, религиозные, мошеннические письма и т. д. [Гулинов, Дмитриева, 2021].

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ОБЯДОВЫХ ПИСЕМ

В ряде «писем счастья» выделяются письма, содержащие инструкцию не только распространить послание, но и провести определенный обряд – приготовить «святой хлеб» из «святой закваски».

Мы относим подобные письма к обрядовым письмам, т.к. обряд является единой системой и, по мнению О. В. Кречетовой, включает в свою структуру следующие элементы: цель (прагматика обряда), хронотоп, участников-деятели, участников-реципиентов, вспомогательные предметы обряда, сценарии исполнения (акциональный код) [Кречетова, 2015]. Соответственно, обрядовое письмо содержит как вербальные, так и невербальные компоненты.

Таким образом, обрядовое письмо является одной из разновидностей «писем счастья» – такая же принудительная трансмиссия писем, как и классических «писем счастья»; содержание письма манипулятивно, в тексте присутствует инструкция, как, в частности, провести обряд, который совершается дома на протяжении 10 дней. «Участники-деятели и участники-реципиенты» фактически представляют собой одно целое – авторы письма или лица, распространяющие письмо, производят действия вербального характера – переписывают письмо и произносят молитву при приготовлении хлеба и невербального характера – пересылают письмо, делят закваску на части, готовят хлеб в строго фиксированном порядке, создавая уже известную речевую ситуацию согласно предписанным правилам и ритуальным формулам. Участниками-реципиентами могут также выступать закваска и хлеб, а также посуда и некие абстрактные потусторонние силы, в случае, когда говорящий читает молитвы высшим силам. В качестве вспомогательных предметов обряда выступают посуда и продукты, сценарии исполнения отражены в инструкции: рецепте и последовательности распространения рецепта и потребления готового продукта.

Помимо стандартного требования – распространить письма окружающим, в инструкции содержится рецепт приготовления хлеба, то есть, добавляется обрядовость – приготовление пищи в течение нескольких дней, распространение закваски, употребление продукта в торжественной обстановке, в узком кругу близких людей, с пониманием, что этот продукт можно (согласно инструкции) есть один раз в жизни (или один раз в год, как в случае с ватиканским пирогом).

Приведем пример обрядового письма (тексты писем приведены в оригинальном виде).

Хлеб из Почаевского монастыря

Снимает порчу, исцеляет, приносит в дом здоровье. Этот хлеб едят только раз в жизни:

- 1 день. Открыть крышку в банке, банку поставить в кастрюлю. Тесто привыкает в доме.
- 2 день. 3-литровую кастрюлю сполоснуть молоком (молоко вылить). Закваску переложить в кастрюлю и добавить не перемешивая (только

в этом порядке) 1 стакан сахара, 1 стакан молока, 1 стакан муки.

3 день. Перемешать деревянной ложкой.

4 день. Добавить, не перемешивая то же, что и во 2-й день.

5 день. Перемешать деревянной ложкой.

6 день. Тесто разделить на 4 части в банки. В свое добавить 1 стакан муки, 1 столовую ложку подсолнечного масла, 0,5 чайной ложки соды, 2 яйца. Вымесить тесто и испечь в духовке.

Три части закваски отдать в хорошие руки, желая добра. Есть хлеб только в своем доме тем, кто в нем живет, никого не угощать, не выбрасывать, съесть до последней крошки. Просить у Бога счастья, здоровья, удачи, исполнения желаний. Денег не просить.¹

Как мы видим, анонимный составитель рецепта манипулирует религиозными чувствами человека – приготовление хлеба и его потребление сравнивается с молитвой, богообщением. Лексема *порча* свидетельствует об апелляции к суеверным чувствам адресата. Указание на тот факт, что съесть такой хлеб можно только один раз в жизни, подчеркивает важность данного обряда. Как и в классических «письмах счастья», мы видим обещание здоровья, минимизацию неприятностей (снятие порчи).

Для того, чтобы усилить эффект воздействия на получателя письма, в рецепте акцентируется внимание на духовном аспекте (*денег не просить!*), обряд должен совершаться в узком кругу, манипуляция суеверным сознанием происходит посредством лексем *порча*, *проклятие*. В обрядовых письмах происходит смешения религиозной и суеверной картины мира. К тому же, религия формирует обрядность [Лю Си, Старикова, 2023], а обрядность часто сопровождается суеверными воззрениями.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРЯДОВЫХ ПИСЕМ

Отношение к письмам данного типа в России отличается категоричностью. Это объясняется тем, что текст письма и само действие – приготовление хлеба – адресовано людям с религиозным или суеверным мышлением. Если суеверные люди ожидают благополучия, избавления от порчи и прочих чудес, то верующие получатели писем (речь идет о православном христианстве) и представители духовенства крайне негативно оценивают данные письма и приготовление хлеба по предлагаемому рецепту. В оценке писем и содержания мы

¹URL: <https://archeba.livejournal.com/2077.html>

находим следующие выражения: *чародейство, кощунство, магический ритуал, языческий обряд, бесовщина, ложь, духовная подмена*.

Исследователь «письма счастья» и «пирога счастья» И. А. Бессонов сообщает, что первые обнаруженные им упоминания о практике распространения обрядовых писем в России относятся к 1940-м гг. на юге Калужской области [Бессонов, 2011].

В 1970-е гг. в Прибалтике фиксируется передача закваски для изготовления *пирога Германа*. Существует мнение о том, что в Прибалтику традиция выпечки *пирога Германа* пришла из европейских стран. Там традиция передачи «пирога счастья» известна несколько десятилетий. Однако выяснить страну происхождения обрядовых писем на данный момент пока не удалось. Некоторые утверждают, что это эльзасская выпечка. Другие считают, что это изобретение амишей. В целом обе гипотезы правдоподобны, поскольку община амишей фактически была основана в Эльзасе.

В конце XX – начале XXI в. обычай передавать подобные письма фиксируется в США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Польше, Венгрии, Хорватии, Чехии.

Приведем краткую хронологию распространения обрядовых писем в странах Центральной и Восточной Европы, США, Германии, Франции, Великобритании и России.

В Центральной и Восточной Европе наиболее популярными названиями являются *пирог Германа* и *ватиканский хлеб*.

В США он называется *Amish friendship bread* (*амманитский хлеб дружбы*), а его происхождение связывается с амманитами – направлением меннонитов, переселившихся в США в XVIII в. из Германии и Швейцарии и до сих пор придерживающихся традиционного образа жизни. В Германии пирог называется *Der Hermann Teig*, *Glückskekchen*, *Glücksbrot oder Vatikanbrot*.

Во Франции наиболее популярные названия – *le gâteau de l'amitié*, *gâteau du Bonheur*, *Herman cake* (или *Herman*). В Великобритании также распространено название *German friendship cake*. Можно предположить, что американское *Amish friendship bread* в Британии было заменено на более понятное – *German friendship cake*, поскольку амманиты являются этническими немцами. В континентальной Европе *German* (немецкий) могло быть переосмыслено как собственное имя, как и в России, получив название *письмо Германа*.

Таблица 2

НАИМЕНОВАНИЯ ОБРЯДОВОГО ПИСЬМА

Язык	Наименование
Русский	Почаевский хлеб, почаевское тесто, хлеб из Почаевского монастыря, хлеб из Киево-Печерского монастыря, киево-печерская закваска, тесто из Печерского монастыря, тесто из Багаевского монастыря, иерусалимская закваска, иерусалимский пирог, иерусалимский хлеб из пекарни Храма Гроба Господня, закваска из Израиля, афонский хлеб, хлеб из монастыря, оптинское тесто, тесто от Матронушки, тесто счастья, закваска благополучия, пирог счастья, пирог Германа
Английский (США, Великобритания)	Herman cake (пирог Германа), German friendship cake (пирог немецкой дружбы), Amish friendship bread (хлеб дружбы амишей)
Французский (Франция)	Le gâteau de l'amitié (пирог дружбы), gâteau du bonheur (пирог счастья), Herman cake (пирог Германа)
Немецкий (Германия)	Der Hermann Teig (Пирог Германа), Glückskuchen (Пирог счастья), Glücksbrot (Хлеб счастья), Vatikanbrot (хлеб Ватикана)

Как следует из таблицы, во всех сравниваемых языках присутствуют схожие наименования: *пирог Германа*, *Herman cake*, *Der Hermann Teig*, и если во Франции, Германии, США и Великобритании номинация пирога апеллирует к этносу, то в русском языке произошло переосмысление лексемы *Herman*: транслитерация *Герман* созвучна с именем *Герман*, это привело к тому, что в коммуникативно-массовом сознании наименование *пирог Германа* или *письмо Германа* ассоциируется с неким мужчиной по имени *Герман*. В русском, французском и немецком языках обращает на себя внимание наличие такого наименования, как *пирог счастья* (фр.: *gâteau du bonheur*, нем.: *Glückskekchen*). В английском языке обрядовое письмо ассоциируется с дружбой, поскольку символизирует добрые отношения между людьми, отсюда наименования *German friendship cake* (*пирог немецкой дружбы*), *Amish friendship bread* (*хлеб дружбы амишей*). Наряду с этим большинство наименований обрядового письма в русском языке связано с историческими православными монастырями (*хлеб из Почаевского монастыря*, *хлеб из Киево-Печерского монастыря*, *тесто из Багаевского монастыря*) и главной святыней христианского мира (*иерусалимский хлеб из пекарни Храма Гроба Господня*). Анализируя номинацию обрядовых писем в русском языке,

отмечаем ассоциативную связь с религиозными «письмами счастья» посредством использования ономастических единиц, связанных с христианскими святынями:

- топонимов – *почаевский хлеб, почаевское тесто, хлеб из Почаевского монастыря, хлеб из Киево-Печерского монастыря, Киево-Печерская закваска, тесто из Печерского монастыря, тесто из Багаевского монастыря, иерусалимская закваска, иерусалимский пирог, иерусалимский хлеб из пекарни Храма Гроба Господня, закваска из Израиля, афонский хлеб, хлеб из монастыря, оптинское тесто;*
- антропонимов – *тесто от Матронушки;*

Ряд обрядовых писем ассоциируется с классическими «письмами счастья / несчастья», получив название *тесто счастья, закваска благополучия, пирог счастья*.

Особняком выступает обрядовое письмо *пирог Германа*.

В России существует история, откуда произошел рецепт приготовления *пирога Германа* и почему он так назван:

Это специальный пирог для достатка и любви в доме. По легенде, был у одной женщины непутевый муж Герман. И не было денег в доме; хоть шаром покати! Герман не работал и пил, не везло ему. Они жили очень бедно.

Женщина накануне праздника поскребла по сусям, как в сказке про «Колобка». Наскребла муки и замесила тесто. Хоть теста и мало было, она все же отделила два кусочка для своих соседок. Они тоже были бедные. И мужья у них были вроде Германа. Женщина испекла пирог и угостила мужа с любовью, все ему простив. Вот такая была кроткая и терпеливая жена.

И Герман, поев пирога, стал хорошим! Он вдруг изменился, словно зачатие спало с него. И деньги пришли в дом – муж стал много работать и заботиться о семье.

А соседки в свои кусочки теста добавили своей муки и своих дрожжей. И тоже испекли пироги для непутевых сыновей и мужей, но предварительно каждая от своего теста отделила по два кусочка для своих знакомых. А знакомые добавили в тесто свою муку и свои дрожжи, тоже испекли пироги.

Образовалась такая сеть, группа обмена. Кто пек пирог счастья, тот два кусочка теста отдавал двоим несчастным и бедным. А те добавляли свою муку и тоже пекли пироги счастья. К ним в дом приходили достаток и любовь, а мужья исправлялись. Но два кусочка теста надо непременно отдать тем, кто плохо живет. Чтобы и они пекли пирог¹.

Европейские инструкции по выпечке пирога демонстрируют идентичность с русскоязычными. Пирог также готовится 10 дней, в определенные дни его нужно помешивать, добавлять в закваску муку, сахар, молоко. Сообщается также, что готовить пирог можно только один раз в жизни, он не должен соприкасаться с металлом, мешать его можно только деревянной ложкой и т. д.

Проанализировав иноязычные сайты, мы обнаружили вполне позитивное отношение к распространению обрядовых писем и приготовлению хлеба. Однако отметим, что помимо многообразия рецептов приготовления *пирога Германа*, которые можно найти в любой книге рецептов или на любом ресурсе Сети, пирог можно заказать в кафе или ресторане. На наш взгляд, конститутивные признаки «писем счастья» размываются, если рецепт и закваску не передают по аналогии «писем счастья», само приготовление хлеба не сакрализуется, не сопровождается молитвами и прошениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мистическое сознание существует и в наши дни, и продолжает аккумулировать суеверия, которые во многом определяют успешность классических «писем счастья», анонимные авторы которых прибегали к манипулированию ценностными приоритетами читателей. Иррациональные и необъяснимые страхи перед неизвестным лежат в основе суеверных представлений, не имеющих научного обоснования. Не контролируя ситуацию, при отсутствии уверенности в моменты кризиса, индивид обращается к суевериям.

Обрядовое письмо представляет собой один из типов «писем счастья». В структуре письма выделяется сочетание вербального и невербального компонентов: инструкция приготовления хлеба, манипуляция с закваской. Системообразующий признак «писем счастья» – принудительная трансмиссия и сакрализация содержания текста письма. Релевантным признаком, позволяющим выделить обрядовое письмо как отдельный тип – наличие обряда в содержании письма.

Получая обрядовое письмо, адресат стоит перед выбором: принять содержание и поступить согласно инструкции; отвергнуть содержание, забыть о письме; принять содержание, но не следовать инструкции; отвергнуть содержание, но поступить согласно инструкции. Выбор полностью зависит от психологических особенностей адресата и его суеверности.

Широкая география распространения обрядового письма отражена в различных языках, анализ

¹URL: <https://dzen.ru/a/XpmD22A-hQ8f5-5i>

номинаций позволил установить этнокультурное своеобразие данного типа писем. В России из 17 номинаций обрядового письма 13 ассоциируются с Православием (*Почаевский хлеб, почаевское тесто, хлеб из Почаевского монастыря, хлеб из Киево-Печерского монастыря, киево-печерская закваска, тесто из Печерского монастыря, тесто из Багаевского монастыря, иерусалимская закваска* и др.), два – с классическими «письмами счастья» (*тесто счастья, пирог счастья*) и один с историей жизни некоего Германа (*пирог Германа*). В США и Великобритании наименования обрядового письма связаны с дружеским жестом (*German friendship cake*), а также с дружеским жестом и этносом (*Amish friendship bread*). В Германии из четырех наименований два ассоциируются с классическими «письмами счастья» (*Glücksuchen, Glücksbrot*), один – с этносом (*Der Hermann Teig*), один – с католической религией (*Vatikanbrot*). Во Франции фигурируют наименования, имеющие отношения к дружбе и счастью (*le gâteau de l'amitié, gâteau du bonheur*), а также используется англицизм, указывающий на этнос (*Herman cake*).

В России обрядовое письмо максимально сохранило системообразующие признаки классического «письма счастья»: инструкцию, манипулирование религиозными ценностями или суеверным мировоззрением адресата, принудительную трансмиссию, сакральность. В западной культуре данные системообразующие признаки размываются, несмотря на то, что первоначально обрядовые письма появились именно в западной культуре. В настоящий момент в США, Великобритании, Германии и Франции рецепт пирога счастья крайне спорадически передается из рук в руки, а непосредственно сам продукт – результат предполагаемого обрядового действия – можно приобрести в ресторане или кафе или приготовить самостоятельно, скачав рецепт с кулинарного сайта, соответственно, в этом случае сакральность нивелируется. В редких случаях, обнаруженных нами в ходе исследования, при принудительной трансмиссии обрядового письма в западных странах отношение к пирогу не сопровождается мистическим ореолом, передача рецепта и закваски рассматривается как сетевая коммуникация, привычная в современном обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования // М.: КомКнига. 2020.
2. Мартинович В. А. Письма счастья как элемент оккультной среды общества // Минские Епархиальные Ведомости. 2007. № 1. С. 72–76.
3. Dobelev A. et al. «Why pass on viral messages? Because they connect emotionally» // Business Horizons. 2007. № 4. Р. 291–304.
4. Гулинов Д. Ю., Дмитриева О. А. Типология «писем счастья» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 10 (163). С. 171–176.
5. Кречетова О. В. Когнитивно-матричный анализ в исследовании обряда // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 4 (13). С. 30–32.
6. Лю Си, Старикова Г. Н. Конфессиональная языковая личность и аспекты ее репрезентации в бытовых старообрядческих рукописях // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 81. С. 92–112. doi: 10.17223/19986645/81/5
7. Бессонов И. А. Традиции передачи «святого хлеба» и «пирога счастья» в XX–XXI вв. // Живая старина. 2011. № 3. С. 5–8.

REFERENCES

1. Galperin, I. R. (2020). Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
2. Martinovich, V. A. (2007). Pis'ma schast'ya kak element okkul'tnoy sredy obshchestva = Letters of happiness as an element of the occult environment of society // Minsk Diocesan Vedomosti, 1, 72–76. (In Russ.)
3. Dobelev, A. et al. (2007). «Why pass on viral messages? Because they connect emotionally» // Business Horizons, 4, 291–304.
4. Gulinov, D. Yu., Dmitrieva, O. A. (2021). Typology of "chain letters" // Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University, 10 (163), 171–176. (In Russ.)
5. Krechetova, O. V. (2015). Cognitive matrix analysis in ritual study // Baltic Humanitarian Journal, 4 (13), 30–32. (In Russ.)
6. Liu Si, Starikova, G. N. (2023). Confessional language personality and its representational aspects in old believer domestic manuscripts // Tomsk State University Journal. Philology, 81, 92–112. doi:10.17223/19986645/81/5 (In Russ.)
7. Bessonov, I. A. (2011). Traditsii peredachi «svyatogo khleba» i «piroga schast'ya» v XX–XXI vv. = Traditions of the transfer of "holy bread" and "pie of happiness" in the 20th – 21st centuries // Zhivaya starina, 3, 5–8. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитриева Ольга Александровна

доктор филологических наук, профессор
 заведующий кафедрой русского языка как иностранного
 Волгоградского государственного социально-педагогического университета

Гулинов Дмитрий Юрьевич

доктор филологических наук, профессор
 заведующий кафедрой романской филологии
 Волгоградского государственного социально-педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitrieva Olga Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Head of the Department of Russian as a Foreign Language
 Volgograd State Social and Pedagogical University

Gulinov Dmitry Yuryevich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Head of the Department of Romance Philology
 Volgograd State Social and Pedagogical University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	04.09.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	04.10.2023	
	08.11.2023	

Концепция нормативного словаря во исполнение закона «О государственном языке Российской Федерации»

О. В. Евтушенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
o.evtushenko@linguanet.ru

Аннотация. В статье обсуждаются состав и структура нормативного словаря, создание которого предписано законом «О государственном языке Российской Федерации». Рассматривается та часть задач, которая связана с представлением в словаре иноязычных заимствований. В качестве метода исследования использован анализ эмпирического материала и лексикографической практики. Делается вывод о необходимости создания словаря активного типа с зонированием словарных статей, а также электронного ресурса для оперативного обсуждения языковых инноваций.

Ключевые слова: языковая политика, государственный язык Российской Федерации, нормативный словарь, заимствованные слова, аналог, словарные пометы, зоны словарной статьи

Для цитирования: Евтушенко О. В. Концепция нормативного словаря во исполнение закона «О государственном языке Российской Федерации» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 23–29.

Original article

The Concept of the Standard Dictionary in Pursuance of the Law “On the State Language of the Russian Federation”

Olga V. Evtushenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
o.evtushenko@linguanet.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of the vocabulary and the structure of the dictionary entries of the Standard Dictionary, the creation of which is provided for by the law “On the state language of the Russian Federation”. The author considers the tasks associated with the representation of foreign borrowings in the dictionary. The research method is the analysis of empirical material and lexicographic practice. The author concludes that it is necessary to create an active type dictionary with zoning of dictionary entries, as well as an electronic resource for prompt discussion of language innovations.

Keywords: language policy, state language of the Russian Federation, standard dictionary, borrowed words, analogue, dictionary marks, dictionary entry zones

For citation: Evtushenko, O. V. (2023). The concept of the Standard Dictionary in pursuance of the law “On the state language of the Russian Federation”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 23–29.

ВВЕДЕНИЕ

Новые шаги в языковой политике обычно являются реакцией на перестройку идеологических оснований жизни страны. За провозглашением поворота от глобализации к регионализации¹, от всеобщих к национальным ценностям² последовало принятие документов, обязывающих обеспечить деглобализацию и на уровне языка.

Принятый 28 февраля 2023 года Федеральный закон № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»» поставил лингвистов перед необходимостью оперативно решать задачи, требующие серьезного теоретического осмысления. Речь прежде всего идет о части 6 статьи 1: «При использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, которые не имеют общепотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях, предусмотренных частью 3 настоящей статьи»³. До сих пор при составлении толковых словарей и словарей иностранных слов приходилось решать вопрос, вошло ли новое заимствование «в широкое употребление или же появление его в речи случайно», оно «обращается в узком кругу говорящих, ограниченном профессионально, социально или как-либо иначе» [Крысин, 2006, с. 67]. В новых условиях возник вопрос, не какие лексические единицы ввести в словарь, а какие из него вывести.

При формулировании части 6 статьи 1 законодотворцы имели в виду слова, вошедшие в русский язык в последние 30 лет под влиянием глобализации. Такие лексические единицы, как *сейл* (распродажа), *сплит* (рассрочка), *дедлайн* (крайний срок) не обозначают новых или экзотических реалий, они вошли в русский язык как часть универсального кода, используемого носителями разных языков при осуществлении международных торговых операций и взаимодействии международных

компаний. Вместе с тем закон не устанавливает ограничения на время заимствования, проблему отбора должны решать лингвисты, вводя то или иное иноязычное слово в нормативный словарь. Цель данной статьи – показать, какие подводные камни могут встретиться при нормотворческой работе, и предложить вариант решения поставленных перед кодификаторами задач. В наших рассуждениях мы опирались на эмпирический материал, собранный в процессе многолетних наблюдений за выбором русскоязычных эквивалентов, осуществляемым разными переводчиками при работе с одним текстом.

СОСТАВ СЛОВНИКА

Прежде всего остановимся на трудностях, которые возникнут при составлении словаря. Оставим в стороне задачу отграничения литературной лексики от внелитературной и сосредоточимся на вопросе, какие заимствования отвечают букве закона, а какие нет. Первыми в фокус внимания попадут иностранные слова, давно укоренившиеся в русском языке. Рассмотрим лексему *реализовать*. У нее есть собственно русский аналог *осуществить* и заимствование из старославянского языка *воплотить* (попутно заметим, что заимствования из славянских языков разработчики закона во внимание не принимали). Слово *реализовать* отмечается параллельным корпусом Национального корпуса русского языка⁴ с 1860-х годов. Оно не может быть заменено исконным аналогом, если выступает в сочетании с другим заимствованием: *Некоторые молодые спортсмены не могут за рубежом реализовать свой потенциал*. Очевидно, что замене подвергнется и слово *потенциал*, и тогда рассматриваемое высказывание должно будет звучать так: *Некоторые молодые спортсмены не могут за рубежом полностью раскрыть свои возможности*. Из этого следует, что составители словаря должны будут принимать во внимание наличие не только узусных, но и контекстуальных аналогов. Масштабная чистка языка не может на первом этапе не вызвать трудностей речепорождения у работников тех сфер, на которые распространяется закон о государственном языке. Для облегчения адаптации к новым нормам можно разработать систему словарных помет. Например, слова *реализовать* и *потенциал* внести в нормативный словарь, снабдив пометой *доп.* (*допустимое*). Она будет означать, что судебные разбирательства по поводу использования таких

¹Раксина А.С. Что ждет глобализацию: конец или изменение // ТАСС. 23.05.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14680517>

²Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=llzb4m83qy614971213>

³Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028>

⁴Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

слов проводиться не будут, но при коммуникации в тех сферах, которые обозначены в законе, этих лексических единиц следует по возможности избегать. Такое решение, кроме прочего, позволит сохранить источник синонимических замен, спасающих текст от навязчивых повторов.

Другая сторона этой проблемы – недавние заимствования из английского языка, которые имеют хоть и не русский, но уже давно укоренившийся в русском языке иноязычный аналог, например *тренд*, появившийся в конце 1990-х годов при существовавшем с 1840-х годов варианте *тенденция*. Далеко не во всех контекстах *тренд* может быть заменен исконными словами *направление*, *стремление*, *путь*, ср.: *опыт анализа демографических трендов / тенденций*, но **демографических направлений / *стремлений / *путей*; возможен *опыт анализа демографического развития*, но с расширением значения. Если *тренд* будет выведен за рамки нормы, в словарь кроме исконно русских аналогов, которые можно будет использовать в части контекстов, нужно будет ввести еще и *тенденцию* с пометой *доп.*

Следующий аспект – оценка тождественности русского аналога. Во многих случаях заимствование имеет более узкое значение, чем исконное слово, оно фокусирует внимание на деталях или новых сторонах реалии [Крысин, 2006]. Те, кто использует заимствование *лук*, могут возразить, что оно не заменяется словом *образ*, поскольку относится к сочетанию одежды и аксессуаров, но не затрагивает природную наружность человека, т. е. *образ* – более широкое понятие. То же касается *коуча* в соотношении с *наставником*: коуч раскрывает внутренний потенциал обучаемого, а наставник делится опытом. Можно возразить, что в восточных практиках тот, кто раскрывает внутренний потенциал подопечного, именуется *учителем*, а значит, средства русского языка все-таки позволяют обойтись без леммы *коуч*. Другой вопрос – насколько носители языка, с чьим мнением лингвисты не могут не считаться, готовы смириться с расширением понятия из-за включения новой реалии в уже имеющуюся категорию.

Поясним, насколько это тонкая проблема, на примере. Поисковый запрос на картинки к слову *толстовка* показывает, что в эту категорию включены трикотажные изделия, обозначаемые также заимствованными словами *худи* и *свитшот*. Эти два вида одежды имеют существенные различия, не говоря уже о том, что не похожи на рубашку, которую носил Л. Н. Толстой. Молодежная аудитория не имеет ничего против такого расширения понятия *толстовка*, но, как показал опрос наших студентов, а также слушателей Летнего института – 25

молодых преподавателей дисциплины «Реклама и связи с общественностью», они не согласны причислить к толстовкам *лонгсливы*, как, впрочем, отказываются считать их и *водолазками*. Зато все три вида трикотажных изделий они готовы отнести к категории *кофта*. Отсутствие у лонгслива воротника, как у водолазки, оказывается релевантным, а отсутствие застёжки, как у классической кофты, – нет. Можно констатировать, что *кофта* из видового понятия превратилась в родовое (см. дефиницию в БТС¹). Подобные казусы категоризации заслуживают специального изучения. В рамках же нашей статьи подытожим, что широкое обозначение новой реалии нельзя исключать, но такому решению должно предшествовать публичное обсуждение.

Далее возникает вопрос, считать ли двух-, а тем более трехсловные замены однословного наименования полноценным аналогом. Ученые отвечают на него положительно, если сложное наименование прижилось в языке, стало регулярно воспроизводиться [Крысин, 2004, с. 31]. К таким заменам можно отнести *дедлайн* – *последний или крайний срок*, *скриншот* – *снимок экрана*, *геймификацию* – *использование игровых технологий* и т. п. По традиции фразеологические выражения располагаются в статье со входным ключевым словом. Нелингвисты не сразу сообразят, к какой статье обратиться, чтобы проверить, есть ли аналог у слова *геймификация*. Это заставляет задуматься о введении в нормативный словарь заимствованных слов, имеющих не однословный аналог, с пометой *недоп.* (*недопустимое*) и отсылкой к статье, описывающей аналог, например:

дедлайн *недоп.*, см. **срок**

При последующих переизданиях словаря такие заимствования должны из него выводиться по мере их устаревания.

Отдельный вопрос вызывают слова, производные от исключаемых из нормативного словаря заимствований. Может так получиться, что производящая единица не будет допущена к употреблению в государственном языке как имеющая исконный или давно освоенный аналог, а производная будет кодифицирована за отсутствием такового. Примером может служить *стрим*. Если кодификаторы и остальные носители языка придут к согласию, что *стрим* можно отнести к категории *трансляция* и при необходимости уточнять *интернет-трансляция*, что *стримить* можно заменять глаголами *транслировать*, *показывать* или *передавать*, а *стримозрителей* достаточно назвать

¹Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004.

просто *зрителями*, то этих неолексем в словаре не окажется, в то время как *стример*, не имеющий аналогов, войдет в словник. Это приведет к умножению нестандартных парадигм и осложнит овладение русским языком как иностранным.

Следует добавить, что лексические единицы, созданные на базе словообразовательной системы русского языка, заимствованиями не считаются [Крысин, 2004], и потому наличие аналога для них нерелевантно. Разберем, чем это чревато. Такое слово, как *сплит*, не попадет в нормативный словарь, а вот от неологизма *сплитануть*, рожденного разработчиками рекламы Яндекс Маркета, русский язык может спасти только его бурная критика в Интернете, поскольку она залог того, что из окказионализма он не превратится в общеупотребительное слово. Интересно, что *масштабировать*, несмотря на иноязычные морфемы, сложилось в русском языке в начале 2000-х годов, судя по данным НКРЯ, и имеет законные основания на использование в государственном языке.

И еще одна трудность. Если тематическая область сформировалась под влиянием определенного языка, она продолжает пополняться из того же языка для сохранения системности. В итоге даже популярные лекции, например об информационных технологиях, звучат сейчас скорее как лекции на английском языке, чем на русском. В процессе коммуникативного освоения лексики таких сфер деятельности складываются русские аналоги, которые функционируют параллельно с англицизмами, например *дистант* – удаленный формат (удаленка разг.), *онлайн* – в сети, *аккаунт* – учетная запись, *блог* – сетевой дневник, *логин* – имя пользователя, *пост* – сообщение и т. д. Кроме того, переводятся наиболее употребительные термины, такие как *большие данные*. Между тем вывод англоязычных лексических единиц сферы информационных технологий за рамки нормативного словаря нам представляется неэффективным. Во-первых, большинство их русскоязычных аналогов неоднословны, во-вторых, помимо сфер, регулируемых законом «О государственном языке Российской Федерации», обсуждаемые заимствования употребляются в частной интернет-коммуникации, на которую закон не распространяется. Чтобы не порождать ситуацию двуязычия, мы предлагаем ввести в нормативный словарь заимствованную лексику некоторых сфер (информационные технологии, экономика и т. п.), получившую русские аналоги, с пометой *не рекомендов.* (*не рекомендуется*), которая будет жестче, чем *доп.*, ограничивать употребление слова и в то же время будет избавлять от судебных разбирательств.

ЗОНИРОВАНИЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Особых решений лексикографов потребует вывод за рамки нормы модных калек. В качестве примера можно проанализировать широко распространившийся с недавних пор фразеологизм-конструкцию (термин введен Д. О. Добровольским [Dobrovolskij, 2011, с. 114]) *Adj + образом* (*основополагающим образом, серьезным образом*). Эта калька с английского языка имеет однословные русские аналоги – *в корне, серьезно*, а потому ее использование противоречит букве закона. То же можно сказать и о кальке *на + Adj + основе*: *разрешить людям отдыхать в последний день года на постоянной основе, чтобы договариваться на долгосрочной основе* (НКРЯ) при исконных *постоянно, надолго вперед*. Вместе с тем словарь не приспособлен для того, чтобы запрещать фразеологизмы-конструкции. Решение этой задачи нам видится в зонировании словарной статьи, на необходимость которого указывал Л. П. Крысин [Крысин, 2006, с. 67], и, в частности, введении зоны «Конструкции». Тогда в соответствующей зоне статей *Образ* и *Основа* можно будет разъяснить, что употребление описанных выше калек не рекомендуется.

Зонирование понадобится и для семантических калек. Не все новые значения легко приживаются. В 2015 году, когда в ООН принимался стратегический план «Цели устойчивого развития», Русская служба перевода искала эквивалент английскому слову *sustainable*, имеющему кроме значения «устойчивый» также значение «не причиняющий вреда окружающей среде»¹. Вначале пытались отталкиваться от дефиниции и предлагали переводить *неистощительный*, однако это слово не прижилось: НКРЯ дает всего 21 текст с его использованием начиная с романа Л. М. Леонова «Русский лес», вышедшего в 1953 году, и кончая выпусками журнала «Лесное хозяйство» от 2004 года. Тогда решили использовать семантическую кальку. Однако опрос современных студентов, как они понимают выражения *устойчивый городской транспорт* и *цели устойчивого развития*, показал, что они декодируют *устойчивый* как *стабильный*. Если контекст допускает подстановку привычного значения, неосемема в нем без специальных просветительских усилий не актуализируется. Чтобы семантические кальки верно понимались, необходимо в зоне иллюстраций к ним дать те клишированные обороты с их использованием, которые часто встречаются в подзаконных сферах.

Еще одна особенность семантических калек – на выработку их сочетаемости требуется время. Простая подстановка кальки *вызов*, которая должна

¹Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/?ysclid=llzg3b7olh401662723>

была заменить деморализующее слово *проблема*, в его контекстное окружение породила уродливые гибриды, например: *Какими бы ни были вызовы, за которые нам нужно взяться, у нас больше возможностей решить их сообща*¹ – при корректной сочетаемости *вызовы, которые встают перед нами и ответить на вызовы*. Очевидно, что нормативный словарь должен рекомендовать еще и сочетаемость – не с помощью единичной иллюстрации, а в отдельной зоне «Сочетаемость» (впервые зонирование словарной статьи было воплощено в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»²). Для оптимизации работы составителей словаря зона сочетаемости должна вводиться избирательно.

Нельзя оставить без внимания и зону грамматических форм. По современным толковым словарям трудно определить, имеет ли отвлеченное имя существительное форму множественного числа. Ее использование для передачи смыслов «повторяемость», «разновидности», «распространенность в пространстве» и т. п. является грамматической калькой с английского языка. Некоторые из таких инноваций, например *уязвимости, озабоченности*, уже можно считать освоенными русским языком, однако при тех единицах, которые окказионально используются во множественном числе, – *неравенство, сотрудничество, прогресс* – в словаре должна стоять помета *только мн.*

НОРМОТВОРЧЕСТВО И ЖИЗНЬ ЯЗЫКА

Обсуждение в конце 2022 – начале 2023 года поправок в закон «О государственном языке Российской Федерации» вызвало серьезные опасения, что новая волна пуризма остановит развитие языка, поскольку обозначений для появляющихся новых реалий в нормативном словаре не будет, и об инновациях не смогут сообщать ни СМИ, ни работники сферы образования. Переиздание словаря осуществляется, согласно закону, раз в пять лет, а за это время много чего может появиться на рынке усилиями отечественной и зарубежной науки и промышленности. Это заставляет поставить вопрос об организации площадки для оперативного обсуждения возможных аналогов иноязычным словам.

Обратимся к недавнему прецеденту – так называемому Крымскому словарю «Говори по-русски»³. Он подвергся нападкам в Интернете, пре-

жде всего потому, что принципы подбора замены заимствованному неологизму не были разъяснены обществу. Авторы не уточнили во введении к словарю или во время его презентации, что аналогами неологизмам могут быть не только исконно русские слова, но и давно освоенные заимствования. В этом случае не подверглись бы осмеянию в Интернете⁴ такие предложенные замены, как *лобби – вестибюль, холл или фронтмен – лидер*. Очевидно, что традиционная словарная форма непригодна на начальном этапе взаимодействия кодификаторов и общества. Требуется интерактивная площадка национального уровня. При ее создании можно использовать опыт Франции.

Функционал портала, на котором будут обсуждаться русские аналоги новым иноязычным словам, должен давать возможность разместить ограниченное количество предлагаемых профессионалами вариантов замен (не более четырех), возможность проголосовать за один из них, рейтинг замен, строку для предложения вариантов со стороны пользователей. Последняя опция важна для естественного развития языка. Поясним этот тезис. При обсуждении в Летнем институте МГЛУ в августе 2023 года возможности замены слова *лонгслив* словами *водолазка* или *фуфайка*, выдвинутыми профессионалами⁵, одна из слушательниц предложила жизнеспособное, на наш взгляд, решение – кальку *длиннорукавка*, которая может стать системной парой *безрукавке*. Собственно, так язык себя и очищает: калька *беседа* для русификации *чата* была предложена не лингвистами, а неизвестным носителем языка, и вот уже исконное слово в коммуникации молодежи вытеснило заимствованное. Впрочем, даже совместные усилия лингвистов и общества не исключают единичных побед англицизмов, как это показывает опыт Франции [Котлярова, 2020], и это залог гармоничного развития русского языка в кругу других мировых языков.

Остается ответить на два существенных вопроса. Во-первых, не остановится ли русский язык в развитии из-за правовых ограничений. Залогом того, что этого не произойдет, служит существование больших нерегулируемых зон интернет-коммуникации [Русский язык коронавирусной эпохи, 2021] и устного бытового, а отчасти и профессионального (например, внутриафисного) [Шмелева, 2017] общения. В них будут реализовываться основные тенденции развития лексической

¹General Assembly of the United Nations. General Debate. URL: <https://www.un.org/ru/ga/73/>

²Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997

³Крымский словарь по замещению англицизмов назвали «Говори по-русски» // РИА Новости. 06.06.2022. URL: <https://ria.ru/20220606/>

slovar-1793499173.html

⁴Говори по-русски. URL: https://pikabu.ru/story/govori_porusski_9172115

⁵Северская О.И., Жукова А.Г. Заимствования или слова-«иноагенты»? URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UizHiWjBk2Y>

и грамматической системы, апробироваться номинации для новых предметов и понятий. Научная фиксация подобных языковых явлений также не подвергается правовому регулированию. В случае если новации окажутся жизнеспособными, они могут оперативно узакониваться публикацией на национальном портале, а позже вноситься в очередное издание нормативного словаря. Во-вторых, не будет ли обеднен язык из-за утраты возможности использовать заимствования в стилистических и игровых целях, например *расшарить* вместо *поделиться*. Эти опасения тоже чрезмерны, с одной стороны, потому, что производные слова, на которых нередко и строится языковая игра, не являются, как уже говорилось, заимствованиями, с другой – потому, что ограничения для тех сфер, где используется стилистический и игровой потенциал языка, введены с оговоркой «с учетом особенностей осуществления деятельности в указанных сферах» (ст. 3, п. 1.1)¹.

¹Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202302280028>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная лексикография выработала удобные инструменты не только портретирования языковых единиц, но и управления языком. Мы показали, что задачи, поставленные перед кодификаторами государством, могут быть решены щадящим и для общества, и для языка способом. Однако это потребует значительных усилий большого научного коллектива и немалых затрат времени. Имеющиеся толковые словари являются пассивными словарями, т. е. своего рода складами языковых богатств, тогда как для порождения текстов на государственном языке необходимы словари активного типа [Апресян, 2009], значительно менее объемные по составу, но расширенные за счет большего количества зон. Учитывая масштабность предстоящей работы по составлению нормативного словаря активного типа, зонирование на предстоящем этапе должно осуществляться избирательно: только для исключения противоречащих закону иноязычных влияний. Помимо нормативного словаря и грамматик должен быть создан не оговоренный в законе цифровой инструмент общественного обсуждения новых заимствований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крысин Л. П. Новые иноязычные заимствования в нормативных словарях // Русский язык в школе. 2006. № 1. С. 66–72.
2. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Dobrovol'skij, D. Phraseologie und Konstruktionsgrammatik // Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze / Lasch A., Ziem A. (Hrsg.). Tübingen: Stauffenburg, 2011. S. 111–130.
4. Котлярова Т. Я. Вкрапления и заимствования из английского языка во франкоязычном интернет-пространстве: языковая политика и узус // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 254–258. doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.52.
5. Русский язык коронавирусной эпохи: коллективная монография / Т. Н. Буцева и др. СПб.: ИЛИ РАН, 2021.
6. Шмелева Е. Я. Язык «эффективных менеджеров»: общий жаргон или русский язык XXI века? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 13. С. 192–199.
7. Апресян Ю. Д. О проекте Активного словаря русского языка // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2009. № 3 (56). С. 118–130.

REFERENCES

1. Krysin, L. P. (2006). Nov-yye inoyazychn-yye zaimstvovaniya v normativnykh slovaryakh = New Foreign Borrowings in Standard Dictionaries. Russian Language at School, 1, 66–72.
2. Krysin, L. P. (2004). Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike = Russian Word, Own and Alien: Studies in the Modern Russian Language and Sociolinguistics. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
3. Dobrovol'skij, D. (2011). Phraseologie und Konstruktionsgrammatik // Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze / Lasch A., Ziem A. (Hrsg.). Tübingen: Stauffenburg. S. 111–130.
4. Kotlyarova, T. Ya. (2020). The English Inclusions and Borrowings in the French-Language Internet Space: Language Policy and Customary Usage. Philology. Theory & Practice, 13(1), 254–258. doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.52. (In Russ.)

5. Buceva, T. N. et al. (2021). Russkij yazyk koronavirusnoj epohi = Russian Language of the Coronavirus Era. Saint Petersburg: Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
6. Shmeleva, E.Ya. (2017). Language of Effective Managers: Common Jargon or Russian of the XXI Century? Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 13, 192–199. (In Russ.)
7. Apresyan, Yu.D. (2009). About the Active Russian Dictionary Project. Bulletin of the Russian foundation for humanities, 3(56), 118–130. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евтушенко Ольга Валерьевна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры русского языка и теории словесности переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evtushenko Olga Valeryevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor at the Russian Language Department

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

06.09.2023
02.10.2023
02.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.133.1

Функции дискурсивных маркеров в устной диалогической речи (на примере французских уличных опросов)

Е. С. Зуева

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lenok.zs98@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются функции дискурсивных маркеров, их роль в обеспечении эффективной коммуникации. Приводятся примеры использования дискурсивных маркеров носителями-франкофонами в уличных опросах с целью выявления и иллюстрации основных и второстепенных функций данных прагматических единиц. Автор предпринимает попытку определить статус и установить прагматический потенциал дискурсивных маркеров как особых языковых единиц, возникших в результате процесса прагматикализации и выполняющих ряд важнейших функций.

Ключевые слова: французский язык, прагматикализация, дискурсивный маркер, устная диалогическая речь, французские уличные опросы, функции прагматических маркеров

Для цитирования: Зуева Е. С. Функции дискурсивных маркеров в устной диалогической речи (на примере французских уличных опросов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (881). С. 30–36.

Original article

Functions of Discourse Markers in Oral Dialogical Speech (based on French street interviews)

Elena S. Zueva

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lenok.zs98@gmail.com*

Abstract. This article examines the functions of discourse markers, their role in providing for effective interaction. In the article some specific examples of the use of discourse markers by French natives are given in order to determine and illustrate their main and secondary functions. The objective of the article is to reveal the status, the role and the pragmatic potential of discourse markers which constitute very special language units that appeared as a result of pragmaticalisation and that perform a range of highly important functions.

Keywords: the French language, pragmaticalisation, discourse marker, oral dialogical speech, French street interviews, the functions of discourse markers

For citation: Zueva, E. S. (2023). Functions of discourse markers in oral dialogical speech (based on French street interviews). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 30–36.

ВВЕДЕНИЕ

Дискурсивные маркеры как объект лингвистического анализа вызывают особый интерес исследователей ввиду их важной роли в структурировании дискурса. В зарубежной лингвистике изучению данного языкового феномена посвящено множество работ таких исследователей, как G. Dostie (2006), B. Fraser (1999), F. Lefeuve (2012), M.-B. M. Hansen (1998), M. Fernandez (1994), D. Schiffrin (1987), J.-C. Anscombre, L. Rouanne (2016), O. Ducrot (1980), J.-M. Adam (1989) и многих других. В отечественной лингвистике данному вопросу посвящены работы К. М. Шилихиной (2015), В. В. Смирновой (2018), К. Д. Зайдес (2020), О. Н. Путиной (2021) и др.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных изучению этих языковых единиц, проблема их классификации и описания их функционирования не решена. Даже сам термин «дискурсивный маркер» получает различные интерпретации в разных источниках, а многочисленные синонимы, используемые для номинации данной единицы, вызывают определенную терминологическую путаницу.

Так, в литературе можно встретить целый ряд терминов, которые употребляются для обозначения одних и тех же единиц: *дискурсивные маркеры, прагматические маркеры, дискурсивные операторы, прагматические операторы, прагматические связки, прагматема, дискурсивная единица* и множество других [Зайдес, 2020; Богданова-Бегларян, 2014].

Под дискурсивными маркерами мы понимаем коммуникативные, сугубо функциональные единицы языка, прошедшие процесс прагматикализации и относящиеся к разным частям речи, роль которых – привнести дополнительную информацию в высказывание, облегчить его понимание и помочь реципиенту верно его интерпретировать [Зайдес, 2020; Шустова, Царенко, 2018].

ФУНКЦИИ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ

Дискурсивные маркеры играют значительную роль в организации коммуникации, облегчая процесс взаимодействия интерактантов.

По мнению С. В. Шустовой и Н. М. Царенко, они обеспечивают логическое выстраивание дискурса, а также помогают распознать намерения коммуникантов. Обладая когнитивной нагрузкой, дискурсивные маркеры управляют ходом коммуникативного взаимодействия, а также влекут за собой изменения в характере интерпретации высказывания [Шустова, Царенко, 2018].

В. Д. Иванов выделяет ряд функций дискурсивных маркеров, направленных на обеспечение когерентности диалога. Так, дискурсивные маркеры организуют спонтанную диалогическую речь, характеризующуюся незапланированностью, непредсказуемостью и значимостью невербальных средств коммуникации, и позволяют: структурировать диалог; подхватывать разговор; переходить от одной темы к другой; указывать на завершение эпизода / разговора; маркировать границы предложения; обеспечивать непрерывность диалога, а также его тематическую связность и смысловую последовательность; ввести ответную реплику на сказанное; обратить внимание собеседника на более значимую информацию, выделить важные фрагменты; выразить сигнал достоверности благодаря многократному повторению дискурсивных маркеров, обозначающих понимание и согласие собеседника; выделить тему или ремю, сфокусировать внимание реципиента на новой или старой информации [Иванов, 2020].

Основная функция дискурсивных маркеров заключается в обеспечении связного и последовательного движения информации, структурированного обмена мыслями, что позволяет сделать интеракцию эффективной и легкой для ее участников.

Интерактивная функция дискурсивных маркеров имеет целый ряд подфункций: проверки информации; продолжения мысли; подхвата; обратной связи; исправления предыдущего высказывания.

ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Специфические черты, присущие спонтанной устной повседневной речи, обуславливают прагматико-лингвистические особенности функционирования маркеров в подобных коммуникативных ситуациях. Для устной речи, в отличие от письменной, характерны такие черты, как: спонтанный характер, неподготовленность, необратимость речевого потока, высокая роль жестов, мимики, интонации, а также определенный автоматизм в том, что касается ситуативного отбора языковых средств, что связано с ограниченным количеством времени, которое говорящий может выделить на обдумывание и конструирование своих высказываний, ведь процессы продуцирования речи и ее обдумывания происходят параллельно [Зайдес, 2020; Касаева, 2014]. Со спонтанностью устной речи также связаны такие ее черты, как нерегламентированность и раскрепощенность, отсутствие жесткой структуры, обилие самоперебивов и повторов-хезитаций [Касаева, 2014].

Кроме того, устная диалогическая речь, в отличие от письменной, представляет собой непосредственное общение, следовательно, интерактанты имеют возможность задать уточняющий вопрос, переспросить, наблюдать реакцию собеседника, учесть ее с целью дальнейшей корректировки хода коммуникации. В процессе непосредственного общения задействованы сразу несколько каналов восприятия: слуховой, зрительный, иногда тактильный, на которые и распределяется информационная нагрузка [Касаева, 2014].

По мнению Н. В. Богдановой-Бегларян, для устной речи повседневного общения являются типичными следующие процессы [Богданова-Бегларян, 2014, с. 9]:

- 1) расширение круга значений единиц;
- 2) появление новых единиц;
- 3) изменение соотношения значений единицы;
- 4) ослабление семантической составляющей;
- 5) утрата единицей лексического значения и приобретение прагматического.

Перечисленные характеристики устной речи во многом определяют функционирование прагматических маркеров в диалогическом дискурсе, в частности, в жанре устных опросов «микро-троуар», которые послужили материалом для анализа, приведенного в данной статье.

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ УЛИЧНЫХ ОПРОСАХ

Одним из самых распространенных дискурсивных маркеров, которые можно встретить в разговорной устной речи франкофонов, является междометие *voilà*. Действительно, по подсчетам К. Шане, *voilà* занимает 13-е место в списке самых употребимых в разговорной французской речи дискурсивных маркеров [Deng, 2016].

Приведенный ниже отрывок уличного опроса иллюстрирует частотность маркера *voilà*: говорящий использует его абсолютно в каждом предложении, а иногда даже несколько раз в рамках одного высказывания:

- 1) L1 : Qu'est-ce que vous prenez comme petit-déjeuner ?
L2 : Euh, je prends des biscottes avec du beurre et du miel et un café évidemment parce que je suis un peu droguée au café, *voilà*.
L1 : Combien par jour ?
L2 : Hmm, je suis bien à cinq hein, voire six...*ouais, voilà*.
L1 : Vous travaillez chez vous, *du coup*, si j'ai compris ?
L2 : Oui, *voilà*, je travaille de chez moi et *bon euh voilà, en plus* avec ce monde de télétravail *donc euh voilà*,

maintenant on est tous *un peu* pareils *mais* moi, j'ai toujours travailler chez moi. Parce que j'ai, je, je suis auto-entrepreneur *donc euh voilà*.

Во многих случаях дискурсивный маркер *voilà* служит сигналом согласия, синонимичным с маркером *oui*. Так, по мнению С. Хеддесхаймера, используя данный дискурсивный маркер, говорящий дает понять, что мог бы сказать то же самое, что и его собеседник [там же]. В примере (1) говорящий использует оба дискурсивных маркера (*oui, voilà*), при этом маркер *voilà* служит интенсификатором выражения согласия со словами собеседника.

Зачастую дискурсивный маркер *voilà* используется говорящим в конце высказывания [там же].

Рассмотрим следующий отрывок:

- 2) L1 : Qu'est-ce que vous faites en premier le matin après vous être levé ?
L2 : Je vais sur les réseaux, *voilà*. [...] Je remonte sur le... mes fils et sur mon mur *quoi*, de Facebook et Instagram, *voilà*.

Как мы видим, в обоих случаях *voilà* располагается в конце предложения, тем самым выполняя еще одну функцию – маркируя конец высказывания. Этот дискурсивный маркер позволяет структурировать диалог, направляет процесс коммуникации, помогая собеседнику четко различить границы высказываний и более мелких смысловых единиц.

Интересно заметить, что в ряде случаев в примере (1) говорящий комбинирует сразу несколько дискурсивных маркеров: *donc euh voilà*, а также *bon euh voilà*, что позволяет привнести в высказывание дополнительные смыслы. Так, по мнению М.-Б. Хансен, *bon* имеет смягчающую функцию, выражает определенную долю сдержанности в оценке степени достоверности высказывания [Beeching, 2007]. Аналогичную функцию в приведенном отрывке (1) выполняет дискурсивный маркер *un peu*, помогающий говорящему сделать высказывание менее категоричным, показать, что его слова носят субъективный характер и могут не соответствовать действительности [Deng, 2018].

Стоит также обратить внимание на используемый в примере (1) дискурсивный маркер *du coup*, который настолько часто употребляется в устном дискурсе, что исследователи уже говорят о «засилье» этого слова-паразита во французском языке, называя этот процесс термином *ducouïsation*. Действительно, этот дискурсивный маркер употребляется в самых разных контекстах, вытесняя другие логические коннекторы. *Du coup* может выполнять обобщающую функцию, заменяя привычные *en fait*, *bref*, а также выражать временные

(*désormais, dorénavant*) или причинно-следственные отношения (*ainsi, donc, en conséquence*) [Stenkløv, 2015].

В примере (1) дискурсивный маркер *du coup* в вопросе интервьюера обеспечивает связность двух частей предложения, а также служит маркером выражения причинно-следственных связей и близок по смыслу коннектору *donc*. Сама форма дискурсивного маркера *du coup* содержит две ключевые идеи, которые формируют его семантику: предлог *de* связан с образом источника, причины чего-либо, а существительное *coup* в своем основном значении удара, столкновения выражает идею неожиданно свершившегося действия, несущего определенные последствия [Stenkløv, 2015].

В примере (3) в роли дискурсивного маркера выступает наречие *déjà*. Располагаясь в начале предложения, оно выполняет связывающую и упорядочивающую функции [Haßler, 2016].

3) L1 : Qu'est-ce que vous faites le matin ? Quelle est votre routine ?

L2 : Euh le matin, *bah déjà*, je me réveille, *forcément*, je déjeune euh...*puis ensuite* je prends ma douche et *ensuite* je regarde mes mails et euh et comme je suis dans un milieu artistique, *euh voilà*, je commence à dessiner, *des choses comme ça*.

В таком употреблении этот дискурсивный маркер обязательно предполагает какое-то продолжение, в данном случае – перечисление дел, которые говорящий выполняет по утрам.

Патрик Моренси обозначает подобное использование наречия *déjà* с целью подчеркнуть значимость последующих за этим дискурсивным маркером слов термином «*déjà argumentatif*». После маркера *déjà* говорящий зачастую упоминает самый убедительный, значимый пункт своей аргументации или же приводит первый пришедший в голову аргумент. *Déjà argumentatif* служит индикатором важности выдвигаемых говорящим гипотез и предположений, подчеркивает их обоснованность [Morency, 2009].

Однако в анализируемом отрывке речь скорее идет не об аргументах, используемых с целью убедить собеседника в чем-либо, а о простом перечислении. Для характеристики такого употребления *déjà* Патрик Моренси использует термин «*déjà de suggestion*». *Déjà* в этой функции используется говорящим для обозначения того, с чего необходимо начать, и его можно с легкостью заменить на *commencer par* или *d'abord* [Morency, 2009].

Таким образом, в примере (3) дискурсивный маркер *déjà*, а также временные коннекторы *puis*

и *ensuite* помогают говорящему выстроить логику предложения, организовать четкое перечисление его частей, что, в свою очередь, облегчает понимание предложения слушающим.

Заслуживает внимания и функциональный потенциал частотного маркера *enfin*, в устном дискурсе принимающего редуцированную форму *'fin*.

4) L1 : Est-ce que le matin vous avez une routine particulière ?

L2 : Euh...*préparation, douche, 'fin la routine du matin quoi* et euh « go » au travail. Et sortir mes chiens *surtout, voilà*.

В примере (4) *'fin* выполняет синтезирующую функцию – говорящий обобщает сказанное ранее, дает общий термин «*la routine du matin*» действиям, упомянутым до этого – «*préparation, douche*». Помимо чисто временного и уже упомянутого обобщающего значения, дискурсивный маркер *enfin* очень часто используется с целью исправить, переформулировать, скорректировать сказанное или же смягчить слишком сильное высказывание [Beeching, 2007].

Что же касается дискурсивного маркера *quoi*, также одного из самых частотных в устной разговорной речи, он отражает определенную долю неуверенности говорящего в сказанном. Кроме того, по словам Катрин Шане, он указывает на желание говорящего «резонировать с теми словами, которые может сказать собеседник», что позволяет говорящему выстраивать сообщение вместе с собеседником и с его помощью. Кейт Бичин называет дискурсивный маркер *quoi* в таком употреблении «частицей соучастия» [Beeching, 2007]. Действительно, *quoi* помогает войти в коммуникацию с собеседником, вовлечь его в диалог, а также зачастую функционирует как хедж, помогает защитить негативное и позитивное лицо говорящего и звучать вежливо [Beeching, 2007].

Пример (5) также иллюстрирует использование уже рассмотренных маркеров *voilà, du coup, quoi*.

5) L1 : Qu'est-ce que vous faites le matin ? Quelle est votre routine du matin ?

L2 : Euh je me brosse les dents.

L1 : Vous êtes le premier à nous dire ça.

L2 : Ah *c'est vrai, bah voilà*, je *n'sais pas* l'hygiène c'est important. *Ouais du coup*, je me brosse les dents, avant je mange un *p'tit truc* et euh *ouais*, après j'y vais *quoi*. Je pars au boulot, *ouais, tout simplement*.

L1 : La douche ?

L2 : La douche, *oui quand même*, on n'oublie pas la douche, *ouais ouais*, je me douche *ouais*, je me brosse les dents *et puis c'est parti quoi euh...ouais*.

- L1 : Et vous prenez quoi comme petit-déjeuner ?
 L2 : Un *p'tit* café et puis un *p'tit* Belvita et c'est parti, *quoi euh*.
 L1 : C'est quoi un Belvita ?
 L2 : Ah un Belvita, c'est un *p'tit* gâteau sec au miel, au chocolat.

Особый интерес с точки зрения прагматикализации представляет в приведенном примере прилагательное *petit*, используемое говорящим в фонетически редуцированной форме *p'tit* целых четыре раза. В результате прагматикализации десемантизированное прилагательное *petit* перестает быть индикатором размера и приобретает новое дискурсивное значение – помогает говорящему звучать более вежливо и мягко, смягчить категоричность и прямолинейность высказывания. Как отмечает Н. Б. Кудрявцева, это прилагательное помогает смягчить ликоугрожающие и ликольствующие речевые акты, а потому его можно часто встретить в вопросах и просьбах [Кудрявцева, 2018].

В примере (5) использование прилагательного *p'tit* не представляется однозначным: оно выполняет дискурсивную функцию смягчения высказывания, однако в то же время может указывать на размер перечисляемых объектов.

Из приведенных примеров видно, что еще одним часто используемым дискурсивным маркером является наречие *oui / ouias*, которое в коротком отрывке (5) встречается восемь раз. Это наречие выполняет функцию дискурсивного маркера-регулятора, помогающего организовывать дискурсивный поток и регулировать взаимодействие между интерактантами [Никишина, 2022].

Например, как видно из цитируемого диалога, *oui / ouias* может употребляться в конце смысловой группы или всего высказывания, обозначая тем самым их окончание (*je me brosse les dents et puis c'est parti quoi euh... ouais*) [Deng, 2016].

Кроме того, *oui / ouias* является одним из самых употребимых маркеров согласия, одновременно подчеркивая вовлеченность говорящего в коммуникацию. Однако речь идет не только о согласии говорящего с собеседником. Используя *oui / ouias*, говорящий также подтверждает свои собственные слова, соглашаясь с ними и давая оценку сказанному [Lefeuve, Legallois, 2020]. Интересно,

что в сочетании с другими маркерами, например, *quand même*, как в примере (5) (*oui quand même*), дискурсивный маркер согласия *oui / ouias* является отображением имплицитного сомнения говорящего в правильности и адекватности своих слов. Этот дискурсивный маркер в некотором роде показывает скрытый от собеседника ход мысли говорящего, который в конце концов находит обоснованное и соглашается с ним [Lefeuve, Legallois, 2020].

Стоит также отметить, что данный дискурсивный маркер значительно подвержен процессу прагматической редупликации (*on n'oublie pas la douche, ouais ouais*), которая увеличивает силу и интенсивность воздействия дискурсивного маркера и придает ему дополнительные смыслы. Экспрессивность связана с отклонением от определенной языковой нормы, от типичного употребления. Так, экспрессивными являются как редуцированные конструкции (например, безглагольные предложения), так и распространенные (например, дательный этический) [Lefeuve, Legallois, 2020]. Следовательно, чем длиннее последовательность маркеров, тем большее воздействие они оказывают на собеседника.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль дискурсивных маркеров долгое время недооценивалась исследователями, рассматривавшими эти десемантизированные и столь часто употребляемые носителями единицы как слова-паразиты, загрязняющие речь, бессмысленные и лишённые каких бы то ни было функций.

Однако проведенный анализ дискурсивных маркеров, используемых носителями французского языка в устной спонтанной речи, позволил сделать вывод о том, что данные языковые единицы имеют большой прагматический потенциал, выполняют ряд важнейших для эффективной коммуникации функций. Выполняя функции регуляции и организации диалога, направляя ход коммуникации и структурируя ее, дискурсивные маркеры также красноречиво свидетельствуют о коммуникативном намерении интерактантов, о выбранных ими речевых тактиках и стратегиях и оказывают определенное влияние на восприятие слов собеседником.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зайдес К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020.
2. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.

3. Шустова С. В., Царенко Н. М. Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 2. С. 21–29.
4. Иванов В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020.
5. Касаева З. В. Об основных чертах устной спонтанной речи (общие замечания) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 2. С. 60–68.
6. Deng D. Oui, voilà: analyse des deux marqueurs discursifs utilisés par les locuteurs du français d'origine chinoise en France // Cahiers AFLS eJournal. 2016. Vol. 20 (1). P. 45–69.
7. Beeching K. La co-variation des marqueurs discursifs bon, c'est-à-dire, enfin, hein, quand même, quoi et si vous voulez : Une question d'identité ? // Langue française. 2007. No. 154(2). P. 78–93.
8. Deng D. « Comme c'est un peu langage des jeunes quoi » : analyse du marqueur discursif quoi dans le discours des Chinois résidant en France // SHS Web Conf. 2018. Vol. 46. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2018/07/shsconf_cmlf2018_13001/shsconf_cmlf2018_13001.html
9. Stenkløv N. F. Du coup : Un connecteur plus ou moins « logique » de l'argumentation orale // Synergies Pays Scandinaves № 10, 2015. P. 11–22.
10. Haßler G. Pragmaticalisation parallèle des marqueurs discursifs : le cas de déjà // CMLF. 2016.
11. Morency P. Déjà : un marqueur procédural de subjectivisation // Tranel, 51: 19–43. 2009.
12. Beeching K. Gender, politeness and pragmatic particles in French. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2002. (Pragmatics & Beyond New Series).
13. Кудрявцева Н. Б. Явление прагматикализации во франкоязычном диалогическом дискурсе (на примере прилагательного petit) // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации: Материалы международной научной конференции. 2018. С. 197–202.
14. Никишина Е. А. Дискурсивные маркеры-регуляторы устной речи (по)слушай, (по)смотри, (по)стой и особенности их употребления // Русская речь. 2022. № 5. С. 47–63.
15. Lefeuve F., Legallois D. Les marqueurs discursifs rédupliques : le cas de oui oui oui oui // Représentations du sens linguistique : modalité intra- et extra-phrastique, pp.181–198, 2020.

REFERENCES

1. Zajdes, K. D. (2020). Pragmatische markery` predikativnogo tipa v russkoj ustnoj spontannoj rechi = Predicative pragmatic markers in Russian oral spontaneous speech: PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
2. Bogdanova-Beglaryan, N. V. (2014). Pragmatic items in everyday speech: definition of the concept and general typology // Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 3(27), 7–20. (In Russ.)
3. Shustova, S. V., Tsarenko, N. M. (2018). Discursive markers as a means of forming pragmatic linguistic competence. Research results. Theoretical and Applied Linguistics, 4(2), 21–29. (In Russ.)
4. Ivanov, V. D. (2020). Funkczii diskursivny`kh chasticz v nemeczkom yazy`ke yazy`ke = Functions of discursive particles in German: PhD in Philology. My`tishhi. (In Russ.)
5. Kasaeva, Z. V. (2014). On the main aspects of studying of the spontaneous speech (general comments). Bulletin MRSU. Russian Studies in Philology, 2, 60–68. (In Russ.)
6. Deng, D. (2016). Oui, voilà: analyse des deux marqueurs discursifs utilisés par les locuteurs du français d'origine chinoise en France. Cahiers AFLS eJournal, 20(1), 45–69.
7. Beeching, K. (2007). La co-variation des marqueurs discursifs bon, c'est-à-dire, enfin, hein, quand même, quoi et si vous voulez : Une question d'identité ? Langue française, 154(2), 78–93.
8. Deng, D. (2018). « Comme c'est un peu langage des jeunes quoi » : analyse du marqueur discursif quoi dans le discours des Chinois résidant en France. SHS Web Conf, 46. https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2018/07/shsconf_cmlf2018_13001/shsconf_cmlf2018_13001.html
9. Stenkløv, N. F. (2015). Du coup : Un connecteur plus ou moins « logique » de l'argumentation orale. Synergies Pays Scandinaves, 10, 11–22.
10. Haßler, G. (2016). Pragmaticalisation parallèle des marqueurs discursifs : le cas de déjà. CMLF.
11. Morency, P. (2009). Déjà : un marqueur procédural de subjectivisation. Tranel, 51, 19–43.
12. Beeching, K. (2002). Gender, politeness and pragmatic particles in French. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins. Pragmatics & Beyond New Series.

13. Kudryavceva, N. B. (2018). Yavlenie pragmatikalizacii vo frankoyazychnom dialogicheskom diskurse (na primere prilagatel'nogo petit) = The phenomenon of pragmaticalisation in French dialogical discourse (on the example of the adjective petit). E`volyuciya romanskix yazy`kov: ot yazy`ka narodnosti k yazy`ku nacji (pp. 197–202): Proceedings of the International Scientific Conference. (In Russ.)
14. Nikishina, E. A. (2022). Discursive Markers-Regulators of Communication (po)slušaj, (po)smotri, (po)stoj and Their Usage Characteristics. Russian Speech, 5, 47–63. (In Russ.)
15. Lefeuve, F., Legallois, D. (2020). Les marqueurs discursifs rédupliques : le cas de oui oui oui oui. Représentations du sens linguistique : modalité intra- et extra-phrastique (pp. 181–198).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зуева Елена Сергеевна

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zueva Elena Sergeevna

Post-graduate Student, Department of Lexicology and Stylistics of the French Language
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	07.09.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	06.10.2023	
	09.11.2023	

Семиотика женской французской моды: от Средневековья до современности

А. А. Кальщикова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
anastasia_kalshchikova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются семиотические свойства женского костюма в аспекте исторического развития французской моды. Также раскрывается семиотический статус костюма как функционально взаимосвязанного ансамбля предметов одежды. Проведенный анализ раскрывает разнообразие знаковых характеристик женской моды, что, в свою очередь, раскрывает костюм как выдающийся пример коммуникативной структуры. Выбор темы определен высокой социальной и этической значимостью одежды и моды.

Ключевые слова: семиотика, знак, мода, женский костюм, семиотика костюма

Для цитирования: Кальщикова А. А. Семиотика женской французской моды: от Средневековья до современности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 37–42.

Original article

Semiotics of French Women's Fashion: from the Middle Ages to the Present

Anastasia A. Kalshchikova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
anastasia_kalshchikova@mail.ru*

Abstract. The article presents results the analysis of semiotic properties inherent to women's costume within the framework of the historical evolution of French fashion. Additionally, it elucidates the semiotic status of costume as a functionally interrelated ensemble of clothing articles. The conducted analysis unveils a diversity of symbolic characteristics within women's fashion, consequently presenting the costume as an outstanding example of a communicative structure. The choice of topic is determined by the high social and ethical significance of clothing and fashion.

Keywords: semiotics, sign, fashion, women's attire, semiotics of costume

For citation: Kalshchikova, A. A. (2023). Semiotics of French women's fashion: from the Middle Ages to the present. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 37–42.

ВВЕДЕНИЕ

В одежде, являющейся неотъемлемой принадлежностью человека, органично соединяются утилитарный и эстетический смыслы. К тому же, она представляет собой также социальный, психологический и культурный феномен, обладающий способностью передавать разнообразную информацию о своем носителе посредством различных знаков и символов. Знаковая функция одежды является предметом исследования семиотики.

Следует отметить, что современный человек существует не только в реальном мире, но и в мире знаков и символов, которые представляют собой своего рода код, содержащий информацию о различных областях окружающей среды. С развитием человеческого общества увеличиваются и усложняются окружающего его знаковые системы, поэтому в настоящее время возрастает значимость семиотических исследований.

О СЕМИОТИКЕ ОДЕЖДЫ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Значительное влияние на развитие семиотики оказал Ролан Барт – французский философ, литературовед, эстетик и семиотик, представитель структурализма и постструктурализма. Проявив интерес к работам Л. Ельмслева, Р. О. Якобсона, П. Г. Богатырева, К. Леви-Строса и др., он пришел к выводу о важности семиотического анализа культурно-социальных явлений. Значительным событием в культурной сфере Франции стала его книга «Система моды» (1967), представляющая собой семиотико-структурный подход к анализу моды. Используя модель знака Ф. де Соссюра, Р. Барт представил моду как своего рода систему двусторонних знаков – означающих и означаемых. Он обосновал, что знаковая система костюма является неотъемлемой частью социокультурного информационного поля. Заслуга Р. Барта в том, что благодаря его работам проблематика одежды как знаковой системы выделилась в отдельный раздел семиотики.

В своей более поздней работе «Семиотика как приключение» (*L'aventure sémiologique*) Р. Барт представил конкретные рассуждения о семиологии объекта, подразумевая под объектами материальные структуры с определенной функциональностью и узнаваемой внешней формой. Он предлагает рассматривать объекты не только как материальные предметы, но и как знаковые системы, которые взаимодействуют с культурой и обществом, сообщая определенные смыслы и значения [Barthes, 1985].

Р. Барт выделяет два важных аспекта: «переходную ценность» и «значимую ценность». Понятие переходной ценности (*valeur transitive*) означает ситуацию, когда знак может иметь несколько разных значений или интерпретаций в зависимости от контекста. Это понятие связано с тем, что знаки и символы не имеют фиксированных и однозначных значений, а их смысл может меняться в разных ситуациях или культурных контекстах. Значимая ценность (*valeur signifiante / valeur valorisée*) указывает на то, что значение знака может быть усилено или изменено в определенной ситуации или контексте благодаря взаимодействию с другими знаками. Это связано с тем, что знаки в языке или системе культуры имеют не только собственное значение, но и могут приобретать дополнительные значения в зависимости от того, как они сочетаются с другими знаками.

Таким образом, объекты обладают способностью создавать смысл, выражать идеи, чувства или намерения, стремясь привлечь наше внимание. Р. Барт определяет объект как продукт, созданный обществом, которому дано имя, соответствующее его функции. Эти объекты, предназначенные для конкретного использования, являются невербальными средствами коммуникации, которые эффективно передают информацию; аналогично нашей речи, они несут в себе смысл.

В любой форме коммуникации ключевыми фигурами являются отправитель и получатель. Отправитель стремится передать информацию и воздействовать на других через свой объект, который в данном случае представляет одежду и все его компоненты, такие как форма, фактура, стиль, выбор цвета и т. д. Сообщение становится понятным и осмысленным благодаря определенным критериям, которые утверждаются обществом и культурой и информируют получателя. Одежда несет в себе разнообразные знаки, которые люди дешифруют и интерпретируют, чтобы получить информацию о носителе (например, его личность, возраст, профессия и т. д.).

Каждый знак, включая костюм, обладает двойственностью, т. е. представляет собой сочетание означающего (сама одежда) и означаемого (социальный смысл одежды). Если анализировать только визуальные аспекты знака (в данном случае материальные компоненты костюма), то теряется смысловая составляющая (идея, которую он несет). Поскольку в знаке они сливаются в нераздельное целое, ограничение анализа только материальными элементами не дает полного представления о костюме.

Согласно Р. Барту, объект, в данном случае одежда, приобретает значение как знак только в контексте общества и согласования между его

членами [Барт, 2003]. Именно общество придает объекту коммуникативную способность. Р. Барт указывает на исторический пример римских солдат, которые использовали покрывало на плечах в качестве защиты от погодных условий. В этот момент покрывало еще не являлось предметом одежды, не имело имени и значения, оно просто служило практической цели. Однако позднее оно было названо «пенула» и получило значение, связанное с военным статусом. Таким образом, в этом смысле можно сказать, что объект лишен значения вне социального контекста.

Знаковая система и социокультурные аспекты одежды эволюционировали постепенно на протяжении всей ее истории. С течением времени, по мере перехода от примитивных обществ к обществам с более сложной экономической структурой, стили одежды менялись, становились более изысканными, и появились первые признаки социальных дифференциаций посредством одежды. Анализируя одежду сквозь призму множества эпох, мы имеем дело с конкретной преобладающей формой, характеризующей определенный период времени.

СЕМИОТИКА ФРАНЦУЗСКОГО ЖЕНСКОГО КОСТЮМА В ДИАХРОНИИ

Средневековая культура основывается на трех аспектах: христианство, разложение античной культуры и наступление варваров. Стремление отойти от обыденности, от привычных форм человеческого тела и приблизиться к духовному и недостижимому можно увидеть в атрибутах средневековой одежды. Отсюда происходит использование множества завязок и шнуровок, способных сдавить тело, узкой обуви, сжимающей ступни и придающей движениям особый ритм, а также высоких головных уборов, формирующих определенное положение головы [Boucher, 1987].

В женской одежде эпохи Средневековья можно увидеть диалектику между земным и духовным, ведь, с одной стороны, согласно церковным стандартам одежда обязана символизировать аскетичность и отсутствие телесности, а с другой – выражать женственность и материнство. Эта оппозиция находит свое выражение в выборе определенных цветов, покрытии головы, ног и рук при открытии плеч, а также симметричной аранжировке геральдических элементов.

Как известно, несмотря на сложившийся стереотип об изменчивости женского костюма, в исторической перспективе женская одежда демонстрирует значительно большую степень стабильности, чем мужская. Йохан Хейзинга

аргументирует стабильность основных форм женского платья как результат воздействия социокультурной системы норм и ценностей. С другой стороны, постоянные изменения в мужской одежде обусловлены отсутствием подобных строгих ограничений для мужчин [Хейзинга, 1997].

Костюм Средневековья в условиях четкого разделения общества на сословия и жесткой ритуальности был насыщен высоким уровнем семиотической значимости и жестко установленной системой символов. Так, символическое значение имели цвета. Например, пурпурный цвет мог быть связан с королевской властью, белый – с чистотой и духовностью, черный – со смирением или сожалением. Цвет был также знаком определенного сословия. Средневековые правила исключали возможность применения чужой цветовой палитры в одежде, например, запрещая яркие цвета тканей для простолюдинов. Нарушение подобных норм подвергалось строгим санкциям [Boucher, 1987].

Положение в социальной иерархии также определялось по головному убору: в то время как простолюдинки особым образом покрывали голову и шею тканью (сооруженная конструкция именовалась *la guimpe*), представительницы высших сословий носили колпаки (*hennin*), по высоте которых определялся социальный статус и титул. Такую же информацию несла длина шлейфа платья и даже длина носка обуви. Известно, что представители Церкви порицали ношение платьев с длинными шлейфами (*robes à queues traînantes*). Так, настоятель из Вижюа (*prieur de Vigeois*) говорил, что «этот хвост придает женщинам вид змей» (другое название шлейфов было *queue de serpent*) [Challamel, 1881].

В эпоху Возрождения происходило новое развитие знаковой системы. Античность становилась центральной идеей, вокруг которой вырабатывалась эстетическая направленность. В этот период формировались индивидуальный рост, свобода выбора, независимое мышление. Разнообразные знаковые системы, включая костюм, живопись, архитектуру, способствовали формированию личности, созданию нового облика человека, соответственно, новой манеры поведения. Переход от связи «человек – Бог» к «человек – человек» изменил костюм. Эпоха Возрождения впервые позволила костюму выразить индивидуальность. Ренессансный человек определял себя через общение, творчество и науку.

В рамках новой семиотической парадигмы костюм перестает служить выражением общей стандартизованности индивида и начинает функционировать как инструмент идентификации, зависящий от контекста, такого как социальный

статус, семейное положение, гендерная роль и т. д. Так, например, юбка (*cotillon*) и фартук (*tablier*) были предметами гардероба исключительно у крестьянок и служанок. Маркером более высокого положения были кружевной воротник (*fraise*) и каркасы для подола платья (*vertugadin*).

Тем не менее основной задачей костюма в этой новой эпохе становится выражение уникального облика индивида и подчеркивание его индивидуальности. Это событие в мире костюма способствовало развитию феномена моды.

Согласно Ж. Бодрийяру, мода возникает в период Возрождения, когда проявляется «открытое состязание в знаках отличия» [Бодрийяр, 2000, с. 114]. В кастовом обществе моды не возникало, поскольку каждый человек был привязан к своему социальному статусу, межклассовые перемещения были исключены. Знаки моды были ограничены запретами, обеспечивая тем самым их четкую интерпретацию; каждый символ служил индикатором социального положения. Таким образом, согласно Ж. Бодрийяру, «с концом обязательного знака наступает царство знака эмансипированного, которым могут теперь одинаково пользоваться все классы» [там же]. Новые знаки больше не выражали дискриминацию, а скорее конкуренцию, и они были освобождены от каких-либо принудительных ограничений, став общедоступными. Например, упомянутые ранее кружевной воротник (*fraise*) и каркас (*vertugadin*) могли носить как представители высшего класса, так и среднего, что стирало прежнюю жесткую дифференциацию между сословиями.

Более того, посредством использования знаков престижа, ассоциированных с разнообразными социальными стратами, автоматически инициируется явление подделки. Этот процесс представляет собой переход от лимитированного числа знаков, производство которых подвержено ограничениям, к массовой продукции символов в соответствии со спросом. Такой реплицируемый символ уже не имеет ничего общего с обязательным и ограничено распространяемым знаком. Его создание не происходит за счет искажения «оригинала», а путем экстенсивного использования материала, прежде полностью ограниченного [Бодрийяр, 2000].

Подделка существовала на всех уровнях, от одежды до интерьеров. Так, в женском костюме это были ложные накладные рукава, надевающиеся под рукава основного платья, накладные воротники, стомак (*la pièce d'estomac* – декоративная вставка для корсажа).

В последующие эпохи в связи с увеличением ассортимента новых моделей одежды разнообразие форм и наименований начало отражать

различные социальные коннотации. Некоторые из этих ассоциаций унаследовали свои значения из прошлого. Например, каждое новое коронационное женское платье создается с учетом традиций и символических значений, которые связаны с монархией. Оно может содержать элементы, отсылающие к предыдущим монархам, а также символизировать единство и стабильность королевства. В этом смысле коронационное платье является важным знаком власти и континуитета, подчеркивающим историческое и культурное наследие монархии.

Со временем развивались и эволюционировали новые уникальные социокультурные интерпретации, а также активно пересматривались традиционные представления, соответствующие духу сменяющейся эпохи. В культурной парадигме новой эпохи происходит существенное изменение в межличностных отношениях, конструируемых не столько под воздействием авторитарного религиозного канона, сколько в силу вновь установленных этикетных нормативов. Этот процесс вызывает метаморфозу семиотического компонента знаковости в сфере моды.

Так, в эпоху барокко язык, зашифрованный в символах вееров и мушек, являющихся частью костюма, предоставлял женской половине общества беспрецедентную возможность для невербального общения, тайной переписки с представителями противоположного пола. Это был способ, которым они могли выразить свои эмоции, намерения, чувства и даже личные убеждения и взгляды, не прибегая к словесной речи, и в то же время создать уникальный и недоступный для многих язык.

Шнуровка корсажа, изначально предназначенная для функционального удобства, при более тщательном анализе приобретает глубокие семантические значения. В контексте моды XVIII века в эпоху рококо она становится символом искусства аранжировки арабесок и орнаментов, выражая эстетическую идеальность женского костюма. Практически этот элемент переводит аспекты образа женщины в семантическую плоскость, демонстрируя особое положение женской элегантности в контексте эстетических ценностей. С семиотической точки зрения шнуровка представляет собой маркер, от которого зависит конструкция определенного смысла женщиной.

В конце XIX века наблюдалось формирование более сложной социокультурной системы, что сопровождалось размыванием границ классовой дифференциации и социальной идентификации индивида. В данном контексте одежда стала функциональным символом, представляющим экономическую систему, в которой функционирует

индивид, и отражающим его социальный статус в этой социально-экономической структуре. Профессиональные атрибуты индивида в экономике могут быть анализированы через концепции *cols blancs* (белые воротнички) и *cols bleus* (синие воротнички). Таким образом, деловой костюм представляет собой разновидность униформы, которая визуально отражает экономическое и профессиональное положение индивида.

Введение брюк (*pantalons*) в женский гардероб во Франции XIX века представляет собой значимый семиотический сдвиг. Несмотря на то, что этот предмет одежды не был массовым (ввиду указа от 29 октября 1793 года, предписывающего соблюдать различие) и чаще носился под платьем, он символизировал освобождение женщин от традиционных общественных ролей и подчеркивал стремление к равноправию и независимости в сфере одежды и самовыражения. Это явление было частью общего движения к освобождению женщин и изменению их статуса в обществе [Steele, 2003].

В XX веке, который характеризовался «глобальной неустойчивостью», расплывчатостью традиций, моральных норм и образцов поведения, акцент начинает перемещаться с индивидуального «Я» на конфликт между индивидуальностью и окружающей средой, как это отмечено российским философом И. С. Коном [Кон, 1984]. Однако этот конфликт рассматривается как всеобщий и неизбежный. В стремлении разрешить эту дилемму человек начинает утрачивать свою психологическую целостность и оказывается запутанным в сложной сети символов и образов, что постепенно приводит к потере его индивидуальности.

Костюм нового человека знаково олицетворяет адаптацию к быстро меняющейся общественной динамике. Смена в массовом обществе проявляется в увеличенном потребительском спросе на одежду, формировании новых стандартов престижа и образа жизни. Однако эта эволюция приводит к потере индивидуальности в пользу социальной принадлежности. Вместе с тем доминирующей семиотической моделью становится серийный костюм.

Массовая репродукция костюма и его автономия в символическом контексте обусловлены распространением новых семиотических знаков и артефактов в период промышленной революции. Ж. Бодрийяр детально анализирует это явление, выделяя особенности новых знаков, свободных от кастовых ограничений и создаваемых в массовых масштабах [Бодрийяр, 2000]. Теперь костюм формируется на основе заранее заданного и запрограммированного

кода, опережающего индивидуальные запросы. Мода становится кодификатором потребностей, предпочтений и образа жизни, устанавливая монополию. Реклама, СМИ, культурная индустрия и прочие медийные средства активно поддерживают и распространяют этот код.

В современной культуре модная одежда воздействует не столько на личность, сколько на потребителя. Люди, приобретая вещи, стремятся к идеалу моды, который постоянно меняется. Сегодня нет необходимости предсказывать будущую моду, потому что она неустанно сменяется новыми тенденциями в зависимости от требований рынка. Знаки старой моды разрушаются и сменяются новыми произвольно. Эти смены не обусловлены заменой символических систем, как в Средневековье, а представляют собой акты «бесконечного создания симулякров», подчиненных формальному коду, что ведет к «пустой, безответной комбинаторной свободе», как отмечает Бодрийяр [Бодрийяр, 2000, с. 129].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ костюма продемонстрировал эволюцию семиотических моделей в различные исторические эпохи, основываясь на культурных установках и принципах, характерных для соответствующих эпох. В средневековом обществе с жесткой социальной структурой существовала относительно унифицированная система знаков с устойчивыми и непреложными семиотическими значениями костюма. С течением времени костюм превратился в гетерогенную семиотическую систему, адаптированную к более сложному социокультурному контексту современного общества. Костюм постепенно становится многообразным и вариативным в своем семиотическом применении, а также предоставляет большую свободу в интерпретации его смысла.

Костюм представляет собой комплексную семиотическую систему, которая обеспечивает коммуникацию между индивидуумами не только на уровне вербального языка, но и через визуальные аспекты одежды и ее ношения как на осознанном, так и на бессознательном уровне. Одежда выступает в роли коммуникативного артефакта, выполняющего функции не только защиты и украшения, но также обладающего социокультурным смыслом. Этот смысл в основном базируется на общепринятых семиотических кодах и соглашениях, существующих внутри данного социума.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Barthes R. L'aventure sémiologique. Paris: Seuil, 1985.
2. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. С. Зенкина. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2003.
3. Boucher F. 20 0000 years of fashion. The history of costume and personal adornment. New York: Harry N. Abrams, INC., Publishers, 1987.
4. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Пер. Д. В. Сильвестрова. М.: Прогресс – Традиция, 1997.
5. Challamel A. Histoire de la mode en France la toilette des femmes depuis l'époque Gallo-Romaine jusqu'à nos jours. Paris: Hennuyer, 1881.
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
7. Steele V. The corset: a cultural history. Yale: Yale University Press, 2003.
8. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.

REFERENCES

1. Barthes, R. (1985). L'aventure sémiologique. Paris: Seuil.
2. Barthes, R. (2003). Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury = The fashion system. Articles on the semiotics of culture. Moscow: Sabashnikovs Publishing House. (In Russ.)
3. Boucher, F. (1987). 20 0000 years of fashion. The history of costume and personal adornment. New York: Harry N. Abrams, Inc. Publishers.
4. Huizinga, J. (1997). Homo ludens. Stat'i po istorii kul'tury = Homo ludens. Articles on the history of culture. Moscow: Progres – Tradicija. (In Russ.)
5. Challamel, A. (1881). Histoire de la mode en France la toilette des femmes depuis l'époque Gallo-Romaine jusqu'à nos jours. Paris: Hennuyer.
6. Baudrillard, J. (2000). Simvolicheskij obmen i smert' = Symbolic exchange and death. Moscow: Dobrosvet. (In Russ.)
7. Steele, V. (2003). The corset: a cultural history. Yale: Yale University Press.
8. Kon, I. S. (1984). V poiskakh sebja: lichnost' i jeje samosoznaniye = In search of oneself: personality and its self-awareness. Moscow: Politizdat.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кальщикова Анастасия Александровна

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка

факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kalshchikova Anastasia Aleksandrovna

Lecturer at the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language

Faculty of the French language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.09.2023
27.10.2023
28.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Языковая креативность в художественном тексте Рэмона Кено

В. Г. Кузнецов¹, И. А. Семина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹vgk.avamo@mail.ru, ²isemfirs@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена языковым экспериментам французского писателя Р. Кено. Материалом исследования послужил его роман «Зази в метро», на примере которого выделены и проанализированы средства и приемы языковой креативности. Новаторство Кено состоит в том, что он включил в сферу исследования фонетическое письмо, звуковой символизм, показал семантический потенциал слов разговорной речи и просторечия путем расширения и видоизменения их значений. Он внес значительный вклад в проблематику языковой креативности и способствовал развитию самостоятельного научного направления – лингвистики креатива.

Ключевые слова: языковые эксперименты, лингвистика креатива, фонетическое письмо, игра слов, тропы, ирония

Для цитирования: Кузнецов В. Г., Семина И. А. Языковая креативность в художественном творчестве Рэмона Кено // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 43–50.

Original article

Language Creativity in Artistic Work of the French Writer Raymond Queneau

Valeriy G. Kuznetsov¹, Irina A. Semina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University. Moscow. Russia

¹vgk.avamo@mail.ru, ²Isemfirs@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to language experiments of the French writer Raymond Queneau based on his novel “Zazi in the metro”. The article reveals and analyses the means and devices of his experiments. Scientific innovations of R. Queneau consist in including in the field of research phonetic writing and sound symbolism. He showed the semantic potential of words of spoken and popular language by extension and change of their meanings. Queneau made a valuable contribution to problems of language creativity which promoted the development of original scientific trend – linguistics of creativity.

Keywords: language experiments, linguistics of creativity, phonetic writing, play on words, tropes, irony

For citation: Kuznetsov, V. G., Semina, I. A. (2023). Language creativity in artistic work of the French writer Raymond Queneau. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 43–50.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика креативных ресурсов языка является предметом исследования не только в лингвистике, но и в других науках гуманитарного знания. Как правило, креативность рассматривается в связи с творческой способностью. Существуют два основных вида творчества – научное и художественное. Продуктом научного творчества являются открытия, научно-технический прогресс. К художественному творчеству относятся живопись, архитектура, литература.

В философии интерес к этой теме восходит к Платону, который рассматривал художественное творчество как божественную одержимость, а представитель иррационализма Э. Гартман – как «животворное дыхание бессознательного», основатель интуитивизма А. Бергсон – как мистическую интуицию. Создатель психоанализа З. Фрейд мотивом творчества считал проявление инстинктов. К. С. Станиславский связывал процесс творчества со сверхсознанием – высшей концентрацией духовных сил творческой личности. В психологии исследуется механизм творческой интуиции.

В литературе автор выступает как субъект творчества, а в качестве объекта, инструмента – язык. По образному выражению Р. Барта литература – это искусство соединения слов. Особенно это относится к такому направлению, как модернизм, и к сюрреализму в рамках этого направления. Во Франции основоположником этого направления в литературе является писатель и поэт Андре Бретон (1896–1966), автор «Манифеста сюрреализма», содержащего идеи и принципы этого направления. Сюрреализм провозгласил источником искусства сферу подсознания, бессознательное состояние, субъективные ассоциации, выступал за разрушение логических, стандартных языковых норм. Он сложился в 20-е годы прошлого века и объединял писателей и поэтов П. Валери, Л. Арагона, Ф. Супо, В. Тцара, Б. Пере, Р. Кривеля, Р. Десно. Само название «сюрреализм» приписывают поэту, писателю, литературному и художественному критику, видному деятелю европейского авангардизма начала XX века Гюставу Аполлинеру. Французский структурализм имел свои печатные органы – журналы *Littérature* и *La Révolution surréaliste*. Историк французской литературы, член Академии Жан д'Ормессон отмечает, что сюрреализм выходил далеко за рамки литературы. «Это скорее был порыв, разрыв, бунт, мощная коллективная авантюра, которая выходила за рамки литературы, наложила отпечаток на целый век в различных своих проявлениях, от литературы до политики, от живописи до эстетики, от балета до

кино, от нравов и общественной жизни до образов мысли, словесного выражения и поведения» [Ormesson, 1997, с. 333–334]. Представителям сюрреализма и модернизма свойственен «пиар» – стремление выделиться на общем фоне, обратить на себя внимание широкой публики. Сюрреализм воспринимался неоднозначно французским обществом. В то же время он оказал значительное идейное влияние на ряд авторов, среди которых следует выделить поэта Жака Превра – реформатора свободного стиха.

Предметом нашего исследования являются языковые эксперименты в художественном творчестве французского писателя Рэмона Кено (1903–1976). Он был необыкновенно одаренной и разносторонней личностью. Кено вошел в историю французской интеллектуальной культуры и как поэт, эссеист, переводчик, журналист, член Гонкуровской академии, директор «Энциклопедии Племы». Он сблизился с сюрреалистами в 1924 г., но в 1929 г. отошел от этого направления. Тем не менее установки сюрреализма отразились на его творчестве. Р. Кено – один из основателей УЛИПО¹.

ЯЗЫКОВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ Р. КЕНО: СРЕДСТВА И ПРИЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КРЕАТИВНОСТИ

Главной целью своего литературного творчества Кено считал сближение устной и письменной речи, разговорного и письменного языка. Под разговорным языком он понимал не только звуковую форму, но и грамматику. Причем Кено выступал одновременно и как теоретик и как реформатор языка. Его проект назывался «неофранцузский язык». Он считал, что в настоящее время писать на языке Вольтера столь же абсурдно, что и сочинять стихи на латинском языке. По мнению Р. Кено, язык художественных произведений должен максимально приближаться к народной среде.

Р. Кено выступал за реформу французской орфографии: «Реформа орфографии, точнее адаптация фонетической орфографии, назрела, поскольку она продемонстрирует очевидное:

¹ УЛИПО (фр. UOLIPO, сокр. от *Ouvroir de littérature potentielle* – Мастерская, цех потенциальной литературы) – объединение писателей, поэтов и математиков, поставивших перед собой цель исследовать и применять на практике креативный потенциал языка, его комбинаторные возможности. УЛИПО было основано в 1960 г. Рэмоном Кено и математиком Франсуа Ле Лионне. Наиболее известные литераторы-члены этой группы – Жорж Перек, Итало Кальвино, Жак Рубо, Эрве Ле Теллье. Сотрудничество литераторов и математиков было обусловлено, очевидно, стремлением применить к языковому материалу такие отрасли математики, как комбинаторика и теория игр.

преобладание устным над письменным» [Queneau, 1950, с. 20]. Он полагал, что «для того, чтобы перейти от письменного языка к устному, следует осуществить тройную реформу: словаря, синтаксиса и орфографии» [там же, с. 16]. По его мнению, две первых реформы, похоже, реализованы: «Офранцузивание слов, довольно широкое употребление неологизмов, авторские фантазии и изобретения, являющиеся составляющими этих реформ, осуществляются авторами. Вспомним Селина. Можно продолжать» [там же]. Самой сложной является реформа орфографии. Кено не был первым, кто хотел ее предпринять. Можно упомянуть лингвистов, преподавателей французского языка Hoedt Arnaud и Piron G r  me. Впервые попытку реформы орфографии на основе сближения разговорного и письменного языка предпринял выдающийся французский писатель-модернист Луи-Фердинан Селин (Louis-Ferdinand C  line (1894–1961) в своем первом произведении «Путешествие на край ночи» (*Voyage au bout de la nuit*. 1932) [C  line, 1932]. Селин включил в повествование не только разговорный язык, синтаксические конструкции разговорной речи, но и просторечия и аргю.

Впервые попытка осуществления этого проекта была предпринята Р. Кено в произведении *Le Chiendent* (1933). Широкую известность приобрела его оригинальная работа «Упражнения в стиле» (*Exercices de style*) [Queneau, 1947]. Оригинальность заключается в том, что одну и ту же историю Кено описывает 99 разными способами, используя разные стили и жанры, богатый арсенал художественных средств, просторечие, регионализмы, разговорные и профессиональные жаргоны.

Материалом нашего исследования послужил роман Р. Кено «Зази в метро» (*Zazi dans le m  tro*). Этот роман считается лучшим произведением писателя. Опубликованный в 1959 г., он быстро завоевал популярность, был переведен на европейские и ряд восточных языков, экранизирован в 1961 г. Перевод на русский язык был осуществлен в 1992 г. Следует отдать должное мастерству переводчиков М. К. Голованевской, Е. Э. Разлоговой и редактору перевода Н. Ф. Ржевской. Во вступительной статье к переводу на русский язык историк всемирной литературы Н. Ф. Ржевская пишет: «Особенности авторского отношения к миру, тематика, персонажи, повествовательная манера, стиль – все своеобразие Кено-романиста раскрывается в “Зази” во всем его блеске»¹.

Книга написана в пародийном, бурлескном стиле, с позиции противопоставления морально-нравственной литературе о становлении

личности (*litt  rature d  ducation, de formation*) стремления преодолеть литературные штампы и стереотипы.

С этой целью он экспериментировал в языке, используя следующие средства и приемы: фонетическую транскрипцию, пропуски букв, подстановку букв и звуков, опущение основы слова или его части, разговорную и арготическую лексику, неологизмы и архаизмы, метафоры, каламбур, игру слов.

Наиболее распространенный прием – фонетическая транскрипция. Слова должны писаться так, как они произносятся. Этот прием Кено рассматривал как демократизацию языка. В «Зази в метро» часто используется такой прием на письме, как замена или подстановка согласных совместно с агглютинацией:

- *k* вместо *c*: *skalibre* (70) = ce calibre, *k* – “ – “ – “ *cc*: *dakord* (101) = d'accord, *k* – “ – “ – “ *qu*: *k  k-chose* (132) = quelque chose, *f* – “ – “ – “ *ph*: *fonateur* (177) = phonateur, *s* – “ – “ – “ *c* в начале слова: *squi* (90) = ce qui
- *ss* – “ – “ – “ *  *: *iadssa* (82) = il y a de   a, *  * – “ – “ – “ *ss*: *lago  milel  bou* (46) = la gosse a mis les bouts, *z* – “ – “ – “ *s* в случае фонетического связывания: *vz  tes* (182) = vous   tes, *j* – “ – “ – “ *g*: *a boujplu* (59) = elle ne bouge plus, *l* – “ – “ – “ *ll*: *salonsalamanger* (39) = salon-salle    manger

Примеры замены отдельных гласных и сочетаний в орфографии менее многочисленны:

- *l* заменяет *y*: *ltipstu* (69) = le type se t  t, *xa* – “ – “ – “ *  a*: *si bien xa* = si bien que   a, *a* – “ – “ – “ *  * и *  *: *a stage-l  * =    cet   ge-l  ;
- *u* – “ – “ – “ *eu* в следующих формах глагола *avoir*: *utu* (162) = e  t, *eu*, *u* – “ – “ – “ *upu* (228) = eut pu; *il y en u* = il y en e  t;
- *  * – “ – “ – “ *  *: *ptt  t* (89) = peut-  tre, *o* – “ – “ – “ *au*: *ottchsose* (168) = autre chose;
- *oua* – “ – “ – “ *oi*: *kouak ce soit* (185) = quoi que ce soit;
- *an* – “ – “ – “ *en*: *iz voyaient* (112) = ils en voyaient.

Этот языковой эксперимент вызвал справедливую критику, поскольку во французском языке существует огромная разница между произношением и написанием. Встречаются слова, которые произносятся одинаково, но имеют совершенно различные значения, например, *pin* – *сосна*, *peint* – причастие от глагола *peindre* (рисовать, красить); *poids* – *вес*, *pois* – *горох*; *archer* – *лучник*, *archet* – *смычок*.

Р. Кено нередко прибегает к агглютинации нескольких слов:

¹URL: http://www.golovanivskaya.ru/books/zazi_v_metro.pdf

- *voulumfaucher* (73) = voulu me faucher
st'année (168) = cette année *stapès-midi*
(192) = cette après-midi.

Р. Кено отражает на письме случаи ассимиляции:

- ассимиляция по глухости, глухой [s] ассимилирует звонкий [j]: *chsuis* (13) = je suis;
- лабилизация [a] под влиянием [m]: *motan* (144) = maman;
- делабилизация под влиянием [s]: *pisque* (110) = puisque;
- палатализация [d] под влиянием последующей гласной переднего ряда: *nondgieu* (45) = nom de Dieu.

В произведении Кено встречаются формы провинциального и архаического происхождения:

- провинциализм:
bin (201) = bien; *assoufflée* (46) = essoufflée;
- архаичная и провинциальная форма:
ça eille été (123) = ça ait été; *soye* (205) = sois.

В романе Р. Кено широко представлено такое явление разговорной и просторечной речи, как эллипсис. Эллипсис выступает как средство языковой экономии и речевой экспрессии. Опускание звука, слога, слова или даже части фразы воспринимается как его «нулевое» выражение и может достаточно легко восстанавливаться на основе контекста или ситуации.

Эллипсисы гласных:

- берлого *e*:
ptite (12) = petite
jparie (13) = je parie
jm'en fous (15) = je m'en fous
ltrain (13) = le train
lmétro (15) = le métro
msieu (20) = monsieur.

Другие эллипсисы гласных в безударной позиции, что приводит к их ослаблению:

- утрата *e* в начале слова: *gzact* (46), *gzactement* (95);
- редукция *e* в указательных прилагательных *cet, cette*:
à stage (176) = à cet âge
st'année (168) = cette année
stapès-midi (192) = cet après-midi;
- выпадение гласного *u* в личном местоимении *vous* в безударной позиции:
vzêtes (154, 182) = vous êtes.

В произведении Кено также отражено большинство эллипсисов согласных, характерных для французской разговорной речи. Опускание согласного происходит в слабой позиции. Встречаются следующие случаи.

- эллипсис [l] перед согласным в личных местоимениях:
isra (61) = il sera
imbondi dessus (69) = il me bondit dessus;
- безличный оборот *il y a* преобразуется в *y a* (15): *il y a de ça* = *iadssa* (82);
- *quelque chose* становится *quèque chose* (53);
- эллипсис глухого [k] в звукосоочетании [ks] перед согласной:
esprès (21) = exprès
esclame (22) = exclame
esprime (22) = exprime
escuse (60) = excuse;
- опущение звука [r] после или перед согласным:
autt chose (23) = autre chose
vott goût (192) = votre gout
passque (182) = parce que
- эллипсис [l] в позиции после согласной:
croyab (43) = croyable
probab (46) = probable
possib (56) = possible
y a pus de (118) = il n'y a plus de.
- опущение [b] в позиции перед согласной:
oscurité (58) = obscurité
ostiné [18] = obstiné;
- [t] в конечной позиции в звукосоочетании *ste* опускается:
artisse (157) = artiste;
- в отрицательных формах встречается эллипсис звука [n], выступающий как средство языковой экономии:
y a pas (88) = il n'y a pas
m'en parlez pas (133) = ne m'en parlez pas.

Р. Кено использует орфографию как средство эмфатического выделения. С этой целью он добавляет букву *h* в словах, начинающихся с гласной:

- c'est hun cacolo* (23) = c'est un coca-cola
- c'est hun dégueulasse* (84)
- c'est ha moi les bloudjinnzes* (84)
- c'est hurgent* (175)
- c'est hun choc* (175)
- les envélos* (222) = les en-vélos.

Эмфатическое выделение обусловлено отсутствием фонетического связывания, поскольку *h* перед гласной воспринимается как аспирата. Другим

способом эмфазы является удвоение согласных: *la ffine efflorescence de la cuisine ffransouèze* (167).

Отличительная особенность литературного стиля Р. Кено – виртуозная игра со словами. В его произведении встречаются оригинальные каламбуры. Игра слов основана на сходстве звучания в комбинации с народной этимологией: *caco-colo* (56) = *coca-cola* созвучно с *à l'eau*; близость произношения обусловлена фонетическим связыванием *vise à vise* (166) = *vis-à-vis*; словообразование на основе фонетического сходства: *squeleptique* (176) = *squelette* (скелет) + *sceptique* (скептический). Примером пародии является обыгрывание названий известных фирм и учреждений: одеколон от Кристиана Фиора (вместо Диора), переименование названия легенды Парижа, знаменитого ресторана «Серебряная Башня» (*Tour d'Argent*) (154) в уничижительное «Серебряные кусты». Известное латинское выражение *hic et nunc* (здесь и теперь) он употребляет в неожиданном смысле как название фирмы мужских рубашек. Встречается у Кено архаизм: *porte d'icelle* (33) = *celle*.

Кено интегрирует в текст иностранные слова. Это можно объяснить тем, что он был не только писателем, но и переводчиком художественной литературы. Если слова арабского и латинского языков воспроизводятся преимущественно в неизменяемой форме, то англицизмы используются для создания каламбуров. Игра слов основана на фоносемантическом сближении слов двух языков: *le bâlle-naïte* (118) по аналогии с *англ. by night*, означает буквально 'время, когда хочется зевать', т. е. ночью; *du slip-tize* (194) = *strip-tease*; *guid-nappeur* (132), *guidenappé* (141) по модели английского глагола *kidnap* (похищать человека), *bellicose l'uniforme* (160) = *bellicose* (воинственный). Встречается у Р. Кено заимствование из арабского языка, употребляющееся в просторечии, *un chouïa* (156), которое означает «немного, чуть-чуть».

Р. Кено создает авторские новообразования путем сложения основ французских и английских слов: *flicmane* (138, 160) = *policeman*, *graffitomane*. Также сложением со второй составной частью греческого происхождения со значением «расположенный к чему-либо»: *américanophile* (50), *les-sivophile* (51). Встречаются авторские комбинации основ слов французского языка:

éconocroque (197) = *économie* (экономия) + *escroquer* (мошенничать)
métroleybus = *métro* + *trolleybus*
frigolo = *fric* + *golo*.

Еще один игровой прием – «офранцузивание» слов английского, немецкого и итальянского языков, их просторечное произношение:

apibeursdè touillou (193) = happy birthday to you
formi (86) = for me
les vécé (40) = w.-c.
ouisqui (40) = whisky
tôte (181) = toast
cornède bif (171) = corned beef (говяжья тушенка)
pimpon (155) = ping-pong
coboille (142) = cow-boy
plède (152) = plaid
folclore (152) = folk-lore
bicose (28) = because
fer'ghis ma-inn nich't (205) = Vergiss mich nicht (не забывай меня)
mèdza votché (85) = a mezza voce (вполголоса).

Латинские выражения воспроизводятся в неизменяемой форме:

Ne sutor ultra crepidam (99) = Пусть сапожник судит не выше сапога.

Кено группирует в одной фразе слова латинского, итальянского и испанского языков:

Usque non ascendam anch'io son pittore adios amogós amen et toc (99) = До тех пор, пока не достигну (*лат.*), и я также художник (*ит.*), до свидания, друзья (*исп.*).

Экспрессивность текста достигается приемом, который с точки зрения семиологии является мотивированием языкового знака, означающим, или звуковым символизмом. В *les jitrouas* (73), *kou-avouar* (117) = *quoi voir*, *vozouazènovos* (147) = *vos oies et vos veaux oua* ассоциируется со звуком *wa* с «а» заднего ряда, как в междометии *pouah!* Элемент *aille*, представляющий собой суффикс с уничижительным (пейоративным) значением, служит для усиления возмущения, негодования в *de couaille*, *de couaille* (168) = *de quoi*, *de quoi*.

Экспрессивности текста во многом способствует употребление разговорной, просторечной и арготической лексики, придающей речи конкретность, образность, красочность и живость. Р. Кено видел достоинство литературных произведений в том, чтобы они создавались на языке, на котором говорит улица. Более того, по его мнению, игнорирование писателем разговорного языка тождественно игнорированию жизни народа. В произведениях Р. Кено очень ощутимо стремление изобразить простонародную городскую среду. Он использует преимущественно разговорно-просторечную и арготическую лексику, распространенную в повседневном общении. Следует отметить, что французское просторечие не является аналогом русского и представляет собой народный язык. Отсутствуют

жесткие границы между тремя регистрами фамильярной лексики французского языка. Большинство исследователей разговорной речи французского языка пришли к выводу, что французское аргю утратило прежнюю профессиональную и социальную замкнутость и смешалось с просторечием пригородов Парижа, придавая ему экспрессивность и эмоциональность. На этом просторечии общаются персонажи романа «Зази в метро»:

- лексика разговорного языка:
ça urge = дело срочное
galapiat m. = бездельник, шалопай
gogo m. = простофиля
tonton m. = дядюшка
smala(h) f. = чада и домочадцы
- просторечия:
godasse f. (101) = башмак
flic m. (215) = многочисленные номинации полицейского
vicelardise f. (44) = пронырливость
moufflette f. (154) = девчушка
tarin m. (11) = нос
enflé m. (19) = болван, балда
pallop (44) = ничего, не беда! Как же! *зруб.*
 Черта с два!
bectance f. (168) = жратва
gougnafier m. (85) = олух, кретин
malabard m. (12) = детина, амбал
écluser (45) = зашибать, закладывать
se fendre la pipe = ржать до упаду
- арготизмы:
barder (83) = вкалывать
marida m. (174) = женитьба, сожительство
гу = ладно, идет
- грубые слова:
derche m. (50), *cul m.* (19), *con m.* (19), *merde f.* (35), *foutre* (33), *foireux m.* (13), *chier* (31);
crouille m. (44) – оскорбительное название выходцев из стран Магриба.

Встречаются просторечно-арготические слова, мотивированные означаемым. Так, лексема *loufiat m.* (153) восходит к ониматопее *loff*, имеющей смысл «прислуга, простофиля». Эта лексема не имеет эквивалента в русском языке и передается словом с нейтральным значением «официант». В целом в произведении Р. Кено преобладает просторечная лексика. С семиологической точки зрения лексемы разговорно-просторечного стиля представляют собой кумулятивные знаки – комбинацию коннотативных значений, что обуславливает их высокую информативность. Релевантным признаком арготизмов является социальная окраска. Чаще всего бранные слова звучат в устах главной героини

романа – девочки-подростка Зази, что может восприниматься как показатель ее воспитания, культуры, происхождением из неблагополучной семьи. Об этом говорит и один из персонажей Шарль:

Elle peut pas dire un mot, cette gosse, sans ajouter mon cul après (26).

Экспрессивность текста усиливают авторские тропы. Кено использует оригинальные образные сравнения. Париж сравнивается с женщиной:

on représente la ville de Paris comme une femme (113).

Мужественное поведение Зази сравнивается с девами Франции, очевидно, аллюзия на Жанну д'Арк:

Tant l'esprit militaire est grand chez les filles de France (228).

Кено использует образ спящей красавицы известной сказки Шарля Перро:

...c'est la maison de la belle au bois dormant (40).

Он использует зооморфные образные сравнения при описании драки персонажа Габриеля с превосходящими его по численности официантами:

Tel le coléoptère attaqué par une colonne myrmidonne, tel le bœuf assailli par un banc hirudinaire, Gabriel se secouait, s'ébrouait ... (228).

В произведении Кено встречаются метафоры разговорной речи и авторские. Метафора разговорной речи: *...Charles ... fait tourner le moulin* (17), *moulin* – мельница употребляется в значении мотора автомашины. Авторская метафора *bouclier verbal* (21) (досл. 'словесный щит') основана на образе щита как средства защиты. Метафоризация сочетается с персонализацией (*о деньгах*):

...cette substantifique moelle qu'est le fric. Ce produit mellifluent, sapide et polygène s'évapore avec la plus grande facilité ... (193–194).

Автомобильный затор сравнивается с медленно текущей жидкостью:

une dégoulinade de véhicules s'écoulait lentement... (138).

Для характеристики персонажей используется прием иронии:

...Gabriel .. dont les propos se nuançaient d'un thomisme légèrement kantien (16).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роман Р. Кено «Зази в метро» дает представление о художественном кредо писателя, его мировосприятии, манере повествования, сближающий его с сюрреализмом, к которому он некоторое время принадлежал. Текст произведения Кено – это своего рода тезаурус французской разговорной речи, аргю и просторечия. Известный французский специалист по фонетической стилистике П. Леон писал: «Несмотря на некоторую непоследовательность представления, благодаря Кено мы располагаем многочисленными и тонко подмеченными примерами живой французской разговорной речи» [Léon, 1971, с. 168].

Широко используемые регистры разговорно-просторечной лексики, включая бранную, можно рассматривать как гротеск – вид образности посредством контрастного сочетания реального и вымышленного, правдоподобия и карикатуры, заурядной посредственности восприятия комического. В этом отношении Кено близок к мастеру гротеска Ф. Рабле. В целом гротеск может восприниматься неоднозначно разной категорией читателей. Что касается обценной лексики (хотя во французском языке, в отличие от русского, нет табуированных слов), ее злоупотребление, на наш взгляд, может

вызвать у интеллектуального читателя желание прервать чтение произведения, что приведет к сужению круга читателей.

Р. Кено мастерски показал семантический потенциал слов путем расширения и видоизменения их значений, результатом которых являются новые синтагматические и парадигматические связи.

У Кено языковая игра выступает как творческое начало, преследующее цель раскрыть креативный потенциал языка. Его новаторство в том, что он включил в сферу исследования языковой игры фонетическое письмо. Давая оценку языковым экспериментам Кено, следует отметить, что они вовлекают читателя в языковую игру, заостряют его внимание, побуждают отгадывать ребусы, созданные писателем, предпринять усилие, чтобы проникнуть в глубинный смысл повествования, искать дополнительный фоновый смысл в особенностях речи персонажей. А использование каламбуров, смешных ситуаций, пародий, острот, забавляет читателя, способствует снятию негативного настроения. Тем самым формируется тесный контакт между автором и читателем. Следует отметить, что отечественные языковеды Л. В. Щерба и А. М. Пешковский положительно относились к языковой игре как к лингвистическому эксперименту.

Р. Кено внес значительный вклад в проблематику языковой креативности. В настоящее время развивается самостоятельное научное направление – лингвистика креатива [Лингвистика креатива, 2012].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ormesson J. Une autre histoire de la littérature française. I. Paris: Gallimard, 1997.
2. Queneau R. Bâtons, Chiffres et Lettres. Paris: Gallimard, 1950.
3. Céline L.-F. Voyage au bout de la nuit. Paris: Danoel, 1932.
4. Queneau R. Exercices de style. Paris: Gallimard, 1947.
5. Léon P. R. Essais de phonostylistique. Paris: Didier, 1971.
6. Лингвистика креатива: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Гридина. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012.

REFERENCES

1. Ormesson, J (1997). Une autre histoire de la littérature française. I. Paris: Gallimard. (In Fr.)
2. Queneau, R. (1950). Bâtons, Chiffres et Lettres. Paris: Gallimard.
3. Céline, L.-F. (1932). Voyage au bout de la nuit. Paris: Danoel.
4. Queneau, R. (1947). Exercices de style. Paris: Gallimard.
5. Léon, P. R. (1971). Essais de phonostylistique. Paris: Didier.
6. Gridina, T. A. (Ed.). (2012). Lingvistika kreativa = Linguistics of creativity: collective monograph. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Валерий Георгиевич

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка

Московского государственного лингвистического университета

Семина Ирина Александровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**Kuznetsov Valeriy Georgeevich**

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics

Faculty of the French language, Moscow State Linguistic University

Semina Irina Aleksandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics,

Faculty of the French language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	27.09.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	26.10.2023	
	28.11.2023	

Немецкоязычный православный дискурс: исторический аспект

О. А. Милеева

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mileeva.aa@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению немецкоязычного православного дискурса в историческом аспекте. В ней описываются исторические предпосылки возникновения немецкоязычного православия и его современное состояние. Обосновывается выделение немецкоязычного православного дискурса как особого вида религиозного дискурса и дается его определение. В статье рассматривается индивидуальный стиль протоиерея Сергея Хайца как видного представителя немецкоязычного православия на примере сборника его духовных писем «Parochia. Briefe zu den Festmysterien», написанных в 1960–1980-е гг.

Ключевые слова: православие в Германии, религиозный дискурс, немецкоязычный православный дискурс, исторический аспект, идиолект

Для цитирования: Милеева О. А. Немецкоязычный православный дискурс: исторический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 51–56.

Original article

German-Language Orthodox Discourse: Historical Aspect

Olga A. Mileeva

Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mileeva.aa@gmail.com

Abstract. The article examines German-language Orthodox discourse in the historical aspect. The author describes the historical prerequisites for the emergence of German-language Orthodoxy and its current state. The existence of the German-language Orthodox discourse as a special type of religious discourse is substantiated and its definition is given. The article describes the individual style of Archpriest Sergius Heitz as a prominent representative of German-language Orthodoxy on the example of the collection of his spiritual letters “Parochia. Briefe zu den Festmysterien”, written in the 1960–1980s.

Keywords: Orthodoxy in Germany, religious discourse, German-language Orthodox discourse, historical aspect, idiolect

For citation: Mileeva, O. A. (2023). German-Language Orthodox Discourse: Historical Aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 51–56.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время православие является третьей по значимости христианской конфессией в Германии (после католической и протестантской, 21,9 млн и 23,6 млн соответственно) [Danilovich, 2020]. Численность православных в Германии составляет 2 млн, и их число постоянно растет в связи с глобализационными процессами в современном мире, последствиями войн и военных конфликтов. Хотя православие не является традиционной христианской конфессией в Германии, в последние десятилетия оно интенсивно развивается. В Германии существуют приходы, служба в которых ведется на немецком языке, получила распространение многочисленная печатная православная литература, появляются все новые православные сайты, дети в немецких школах посещают уроки православия. Все это позволяет говорить о существовании немецкоязычного православного дискурса (НПД). Под НПД мы понимаем особую разновидность православного дискурса, специфика которого обусловлена комплексом исторических, национально-культурных и языковых факторов. НПД представлен разнообразными жанрами: гомилетическими (катехизис, проповедь, духовное письмо и др.), публицистическими (статья, заметка, репортаж, интервью и др.), жанрами научной прозы (монография, учебник, лекция, доклад и др.), интернет-жанрами (блог, чат, форум и др.).

До сих пор НПД исследовался в отечественной лингвистике в аспекте социолингвистики как конфессиолект и в аспекте перевода [Плисов, 2017]. По нашему мнению, данный коммуникативный феномен, привлекающий внимание языковедов лишь в последние годы, нуждается во всестороннем изучении в разных аспектах: историческом, лингвокультурологическом, прагмалингвистическом, стилистическом и др. Настоящая статья посвящена истории НПД и особенностям идиостиля протоиерея Сергия Хайца – выдающегося представителя немецкоязычного православия, сыгравшего чрезвычайно важную роль в его становлении.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ПРАВОСЛАВНОГО ДИСКУРСА

В настоящее время православие в Германии представлено Русским, Константинопольским, Антиохийским, Сербским, Румынским, Болгарским и Грузинским патриархатами.

Православие пришло в Германию в результате миграционных процессов. Полагаем, что можно выделить несколько этапов миграции из православных стран:

- 1) появление православных экспатов преимущественно из Российской империи до 1914 года;
- 2) приезд в 1960–70-е годы наемных работников из Югославии, Греции, стран Ближнего Востока¹;
- 3) эмиграция в 1990-е годы граждан бывших стран СНГ, а также появление беженцев из стран бывшей Югославии и других стран вследствие войн.

Первые православные храмы, появившиеся в Германии, были предназначены в основном для православных иностранцев, приехавших в Германию по службе, для аристократов, заключивших брак с германскими подданными, а также для отдыхающих на немецких курортах.

Первый русский православный храм появился в Потсдаме в 1734 году. Этот деревянный храм в честь св. прав. Симеона и Анны был возведен для русских солдат-исполинов, которых Петр I прислал в подарок прусскому королю Фридриху Вильгельму I. Со временем этот храм был утрачен. В 1813 году император Александр I дарит прусскому королю Фридриху Вильгельму III хор русских песенников, в 1827 году король строит для песенников поселение Александровка, близ Потсдама. К 1829 году был возведен и освящен православный каменный храм – во имя святого Александра Невского. Протоиерей Алексей Мальцев, настоятель посольского храма св. равноап. кн. Владимира в Берлине (1886–1915), служивший также и в Потсдамском храме, отмечает, что, так как для детей колонистов родным языком уже был немецкий язык, по решению Святейшего синода в 1838 году богослужение в храме стало совершаться на немецком, «чтобы быть понятным и вразумительным» [Мальцев, 1903, с. 58]. Сам о. Алексей активно занимался переводом богослужебных книг. Им были переведены литургии, чинопоследования таинств и других богослужений – в целом было издано одиннадцать томов богослужебных текстов. О. Алексей переводил с церковнославянского, обращаясь также к греческому оригиналу. При этом, как отмечает Е. В. Плисов, в итоговых текстах заметно знакомство о. Алексея с лютеровской Библией и другими протестантскими текстами [Плисов, 2010]. По словам самого о. Алексея, его целью было «распространение Православия на немецкой земле»², что, кстати,

¹В 1960 г. Германия заключает Договор о наемных работниках с Грецией, в 1969 г. – с Югославией. 1969–1991 гг. – число граждан Югославии на территории Германии увеличилось с 330 тыс. до 775 тыс.

²Тон Н. Протоиерей Алексей Мальцев – богослов, церковный историк, переводчик, миссионер: доклад в рамках Совместного пастырского совещания Берлинской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Берлинской епархии Русской

в определенный момент вызвало недовольство местных властей, и священника обвиняли в прозелитизме.

Про приход в Александровке известно, что в 1853–1858 годы протоиерей Василий Полисадов, настоятель русской посольской церкви в Берлине, обучал детей прихожан Закону Божьему на немецком языке, а кроме того издал книгу „Auszug aus der Liturgie des heiligen Johannes Chrysostomus für die russische Colonie Alexandrowka bei Potsdam“. В книге были помещены параллельно тексты литургии на немецком и церковнославянском языках, причем последний был написан латинскими буквами. Важно упомянуть и то, что в конце XIX века были опубликованы переводы с русского на немецкий следующих книг: «Закон Божий. Краткое наставление» протоиерея П. Смирнова («Leitfaden für den Religionsunterricht») и «Учение о богослужении православной церкви» протоиерея Д. Соколова («Darstellung des Gottesdienstes der Orthodox-Catholischen Kirche des Morgenlandes»).

В 1914 году православные русские общины в Германии прекращают свое существование.

Немецкоязычное православие возрождается в 1960-е годы, и теперь это неразрывно связано с именем протоиерея Сергея Хайца (1908–1998), православного священника немецко-французского происхождения. Именно он был первым, кто сформулировал необходимость создания немецкоязычной православной культуры. Так как личность и труды отца Сергея имели и большое значение для немецкоязычных православных верующих, мы считаем важным привести здесь некоторые данные из его биографии.

Альфонс Хайц родился 6 июня 1908 года в Эльзасе в католической семье. Окончив теологический факультет Страсбургского университета, он принимает сан священника Католической церкви. В 1948 году Альфонс Хайц переходит в православие с именем *Сергий*, а в 1949 году в Париже принимает священнический постриг в Русской православной церкви Московского патриархата.

В 1956 о. Сергей основывает в Дюссельдорфе первую в Германии немецкоязычную православную общину святых Архангелов¹. В последующие годы при поддержке о. Сергея появляются и другие православные немецкоязычные общины в Германии: в Дюссельдорфе, Вюрцбурге, Кёльне, Майнце, Гайльнау, Нойсе².

К числу наиболее значительных трудов о. Сергия следует отнести катехизис «Christus in euch: Hoffnung auf Herrlichkeit – Orthodoxes Glaubensbuch für erwachsene und heranwachsende Gläubige» («Христос в вас: надежда на славу Божию. Православная вероучительная книга для взрослых и юных верующих») и переводы богослужебных текстов и разъяснения к ним – «Mysterium der Anbetung» («Таинство молитвы») в трех томах³. Также с 1962 года и на протяжении более двух десятилетий о. Сергей издавал газету «Orthodoxie aktuell», немецкоязычный церковный календарь, публиковал Parochie-Briefe – не только для прихожан, но для всех немецкоязычных православных. В 1973 году о. Сергей основал православное братство – «Orthodoxe Fraternität für die deutschsprachigen Gemeinden», которое и по сей день ведет просветительскую работу и оказывает поддержку православным в Германии.

Отец Сергей был не только выдающимся деятелем православия в Германии, но и выдающимся проповедником, язык которого может служить образцом церковного красноречия. Рассмотрим в качестве примера письма о. Сергия к прихожанам. Они представлены в сборнике, который называется «Parochia. Briefe zu den Festmysterien» и включает в себя 55 писем, написанных в 1966–1980 годах. Эти письма приурочены к большим церковным праздникам, в них автор поздравляет прихожан, рассказывает им о смысле праздника, рассуждает о добре и зле. Отец Сергей обращается к читателям, используя православное обращение «Parochianen», имеющее греческое происхождение (от *греч.* παροικία). При этом, беседуя с аудиторией, с которой православная терминология не всегда знакома, он часто использует различные пояснения через немецкоязычные синонимы. Например:

a) „In biblischer Sprache heißt das Schenken Gottes: Gnade (Charis). Gnade bedeutet Freude, Schönheit, Kraft, ähnlich dem deutschen Wort „Heil“.

b) das Fest der Synaxis (= Versammlung, gemeinsames Handeln, Gemeinschaft).

c) In der Göttlichen Liturgie wird dieses Mysterium in Eucharistie (Danksagung), Anamnese (Gedächtnis an Gott) und Epiklese (wirkende Anrufung des Heiligen Geistes) göttlich begnadende Gegenwart.

Для индивидуального стиля о. Сергия характерны сложные синтаксические построения,

Православной Церкви Заграницей (15–17 декабря 2015 года). URL: <https://rokmp.de/wp-content/uploads/2016/02/maltcev.pdf>.

¹Die Orthodoxe Parochie zu den heiligen Erzengeln in Düsseldorf.

²Община святых архангелов в Дюссельдорфе (1958), Община святых равноап. Константина и Елены в Кёльне (1971), святого архангела

Михаила и прочих небесных Сил бесплотных в Нойсе (1992).

³Все упомянутые здесь работы написаны отцом Сергием и профессором церковной истории Сюзанне Хаузамманн (Susanne Hausammann).

позволяющие последовательно передавать ход его рассуждений. Здесь широко используются длинные сложноподчиненные предложения с рядом придаточных. Например:

Das sind die orthodoxen Christen, ob sie es wollen oder nicht, wenngleich diese „Entwicklungen“ geistesgeschichtlich nicht auf ihrem Boden gewachsen sind, ob man sie fragt oder nicht, wenn auch dieser „Osten“ als unterentwickelt bemitleidet wird, gefordert, das rechte Zeugnis ihrer Väter, angefangen von den Uraposteln, für den Herrn aller, den Auferstandenen, den Bezwingen des Fürsten der Sünden- und Todesfinsternis, abzulegen.

Главное предложение разбито на части, в которых неоднократно встречаются уступительные придаточные с *ob* и *wenngleich...*, *wenn*, однородные члены предложения, например: *für den Herrn aller, den Auferstandenen, den Bezwingen*.

Чтобы подчеркнуть свою мысль, о. Сергей часто использует лексический повтор, а также синтаксический параллелизм:

Von *Ostern* her wird das Übel, auch das kosmische ganz allgemein, erklärbar und überwunden. *Ostern* allein kann dem Leiden und Sterben Wert und Kostbarkeit verleihen. *Ostern* schenkt die Kraft des Sieges über alle Mächte der Finsternis. *Ostern* läßt aufleuchten die unsagbare Herrlichkeit Gottes, die in uns und der Schöpfung offenbar werden will. Von *Ostern* her wird der Kampf gegen Gott und Seinen Gesalbten zur Torheit“.

Для придания большей выразительности и убедительности о. Сергей широко использует эмоционально окрашенную лексику, например: *Herrlichkeit, Todesfinsternis*. Для индивидуального стиля автора характерно обилие эпитетов, представленных прилагательными и причастиями, которые можно подразделить на две подгруппы:

1) Эпитеты, представляющие положительную оценку христианских ценностей, таких как надежда или радость, например:

Unvergängliche, untäuschbare und nichts zu beugende Hoffnung; eine lebendige, selige Hoffnung; die frohlockende Freude des Christen, die unvergleichliche, die unverbrüchliche, die unerschütterliche Freude; die mütterliche Leitung der Kirche; überwindende und verklärende Macht (Gottes).

2) Эпитеты, выражающие отрицательное отношение применительно к ценностям современного общества и западного христианства:

der sich überschlagende Humanismus aller Couleur; der vielschichtige, sich widersprechende; die geistig verseuchte Umwelt; Christen berauschen sich mit fetten, utopischen Optimismen; die verpestete Luft einer heidnischen Welt.

Автор подчеркивает многоликость и противоречивость современного гуманизма (*der vielschichtige, sich widersprechende*), отравленность мира (*die geistig verseuchte Umwelt; die verpestete Luft*).

С помощью эпитетов автор создает противопоставление между добром и злом:

Leuchtet hier im „Verklärungsideal“ unserer Kirche nicht die strahlende Antwort Gottes den dunklen, verworrenen, heillosen Sehnsüchten unserer zeitgenössischen Humanismen mit ihrer Mitmenschlichkeitsmoral entgegen?

Идеал Преображения («Verklärungsideal») является «сияющим ответом Господа» («die strahlende Antwort Gottes») на «темные, спутанные, безбожные потуги современных гуманистов» («den dunklen, verworrenen, heillosen Sehnsüchten unserer zeitgenössischen Humanismen»).

Текст писем насыщен символикой. Особенно часто о. Сергей обращается к образу света – традиционному библейскому символу Бога, святости и добра. При этом он использует такие лексемы, как *das Licht, die Sonne, die Beleuchtung, die Glanze, umstrahlen, strahlend, hellstrahlend, der Lichtglanz, feurig*. Например:

- Говоря о Пасхе, применительно к Богу он использует образ солнца справедливости. Человек же подобен растению, которое тянется к солнцу (то есть к Богу):

Ostern „orientiert“ alles in uns und mit uns wie die Pflanze zur Sonne sich orientiert, auf den Oriens Orientum, „den Aufgang aller Aufgänge“, die „Sonne der Gerechtigkeit“ hin.

- В другом примере Христос уподобляется «восходу солнца», оживотворяющего всё вокруг:

Die anbetende Erkenntnis erkennt in Christus Jesus den (Licht-) Aufgang aus der Höhe (Gottes), den Aufgang der alles belebenden Sonne der Gerechtigkeit, die alles in der rechten Beleuchtung, im wahren Glanze zeigt.“

- Говоря о христианских праздниках – Преображении Господнем и Успении пресвятой Богородицы – автор использует авторский неологизм «огненно-ясные солнечные дни»:

Wie feurig-heitere Sommertage, an denen die Früchte reifen, kommen uns die beiden Hochfeste im August vor.“

- Свет выступает как символ могущественной силы, чье оружие – это пост, милостыня и молитва.

Fasten, Almosengeben und Beten – die Waffen des Lichtes.

Другим образом, к которому обращается о. Сергий, является образ плода (die Frucht). В письмах о. Сергия данный символ применяется:

- по отношению к человеку:

Wie die Sonne die Früchte verklärt vollendet und ihre eigentliche Köstlichkeit verleiht, so wird im Taborlicht der wahre Mensch offenbar, der Christ“;

- к радости, переживаемой верующим человеком:

Eine Frucht des Heiligen Geistes ist unsere christliche Freude;

- и к целому космосу:

Wie die Frucht im natürlichen Sonnenlicht ihrer Verwandlung aus Blüte zur Frucht hin der Vollendung entgegenreift, so reift im Taborglanze, welcher die Auf-er-stehung vorwegnimmt, der gesamte Kosmos seiner Fülle im Heiligen Geiste entgegen.

В тексте писем встречается образ воды, который в Библии символизирует источник жизни и очищение, например:

- Автор сравнивает Святой Дух с потоком, на чьих берегах стоит Церковь.

In der Kirche hebt die neue Schöpfung an. Es wächst an den Ufern des Stromes des Heiligen Geistes, der in der Kirche fließt, der „Baum des Lebens“, dessen Blätter „zur Heilung der Völker dienen“ (*Offenb. 22, 2*).

- Вода, освящаемая в праздник Крещения, – это символ возрождения человека.

Das Wasser, das heute geweiht wird, wie die Fluten des Jordan, wird zum Zeichen unserer Wiedergeburt.

Особое внимание отец Сергий уделяет символам Рождества – самого важного праздника для западных христиан (в силу укоренившихся в сознании немцев национальных традиций, связанных с рождественским деревом и подарками). По его словам, рождественская ель (*der Baum*) – это олицетворение древа жизни в раю, которое посажено для нас в преддверии рая – церкви. А подарки (die Geschenke) символизируют дары Бога для нас.

„Zu Weihnachten gehört der Baum und die Geschenke. Der ursprüngliche, christliche Sinn dieses Baumes, auf dem anfangs nur Früchte (Apfel) und später Lichter angebracht wurden ist die Versinnbildlichung des Lebensbaumes des

Paradieses. Es ist der Baum der Erkenntnis mitten im Garten (Gen 2). ... Dieser Baum ist für uns gepflanzt in den Vorgarten des Paradieses, die Kirche. ... Und die Geschenke. Darin bedeuten wir das Geschenk Gottes an uns. Das ist die wiedergewonnene Gotteskindschaft, Sohn und Tochter im Sohn Gottes geworden zu sein“.

В целом стиль духовных писем о. Сергия можно охарактеризовать как сложный, эмоциональный и чрезвычайно выразительный. Можно предположить, что адресатом этих писем были прежде всего православные немцы, так как для неносителя языка их восприятие могло представлять определенную трудность.

Соратником о. Сергия и продолжателем его дела стал отец Иоанн Ноттхаас (1938–2019), бывший лютеранин, принявший православие в общине о. Сергия. Он писал статьи и листовки, которые используются в немецкоязычной православной среде и по сей день. В 2019 году о. Иоанн становится сооснователем и первым председателем общества «Deutschsprachige Orthodoxy in Mitteleuropa» (DOM). В DOM входят представители всех канонических епархий Германии.

Православие в Германии сегодня многонационально и многоязычно: это немцы, русские, греки, сербы, сирийцы, румыны и представители других национальностей. При этом увеличивается потребность в богослужении на немецком языке. Это обусловлено тем, что всё больше немцев интересуются православием, число конвертитов растет из года в год; немецкий язык становится родным для детей мигрантов из православных стран; всё чаще заключаются смешанные браки, при этом язык общения супругов – немецкий – становится для них и языком общей молитвы, богослужения.

Всё это приводит к тому, что растет число приходов, в которых богослужение ведётся на немецком языке. Согласно карте немецкоязычных православных приходов, которую публикует DOM¹, сейчас на территории Германии их 31.

Организируются встречи и совместные паломничества немецкоязычной православной молодежи, на немецком языке ведутся страницы о православной вере в соцсетях (Facebook, Instagram). Появляются издательства православной литературы, например: Hagia Sophia и Prodromos. С 1995 года существует также возможность изучать православную теологию в Мюнхенском университете имени Людвига и Максимилиана. Таким образом, формируется немецкоязычная православная культура, о которой говорил отец Сергий Хайц [Heitz, 1983].

¹Deutschsprachige Orthodoxy in Mitteleuropa.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что православие укрепляет свои позиции на территории Германии. А немецкоязычный православный

дискурс становится значимым коммуникативным явлением, которое предлагает все больше новых объектов для изучения, и которое представляет большой интерес для специалистов разных областей гуманитарного знания, в том числе, для лингвистов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Danilovich Y. Unsichtbare Präsenz: Erfahrungen mit orthodoxem Religionsunterricht in Deutschland / Y. Danilovich, J. Willems (Hg.). Religion in der Schule. 2020. S. 327–344.
2. Плисов Е. В. Немецкий религиозный язык в условиях поликонфессиональности: опыт лексикографического и дискурсивного описания: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2017.
3. Мальцев А. П., протоиерей. Германия в церковно-религиозном отношении с подробным описанием православно-русских церквей / сост. прот. А. П. Мальцев, настоятель рус. посольской церкви в Берлине. Петроград: отделение типографии П. П. Сойкина, 1903.
4. Плисов Е. В. Этноконфессиональная специфика религиозного текста (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2010. № 10. С. 95–104.
5. Heitz S. Orthodoxie hierzulande, in heutiger Zeit? / Orthodoxe Parochie zu den heiligen Erzengeln – Parochiale Monatsblätter für den Monat Juni 1983. Düsseldorf, 1983. S. 11. URL: https://orthopedia.de/index.php/Sergius_Heitz_Erzpriester.

REFERENCES

1. Danilovich, Y. (2020). Unsichtbare Präsenz: Erfahrungen mit orthodoxem Religionsunterricht in Deutschland / Y. Danilovich, J. Willems (Hg.). Religion in der Schule, S. 327–344.
2. Plissov, E. V. (2017). Nemeckij religioznyj jazyk v kontexte polikofessionalnosti: opyt leksikografičeskogo i diskursivnogo opisanija = German religious language in the context of polyconfessional: the experience of lexicographic and discursive description: Senior Doctoral thesis in Philology. Nizhny Novgorod. (In Russ.)
3. Maltsev, A. P., archpriest. (1903). Germany in church-religious relations with a detailed description of the Orthodox-Russian churches / Comp. Archpriest. A. P. Maltsev, senior priest of the Russian Embassy Church in Berlin. Pg., 1903.
4. Plissov, E. V. (2010). Ethno confessional specificity of religious texts in the German language). Nizhny Novgorod State Linguistics University Bulletin. No. 10, 95–104.
5. Heitz, S. (1983). Orthodoxie hierzulande, in heutiger Zeit? / Orthodoxe Parochie zu den heiligen Erzengeln – Parochiale Monatsblätter für den Monat Juni 1983. Düsseldorf, S. 11. URL: https://orthopedia.de/index.php/Sergius_Heitz_Erzpriester.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Милеева Ольга Александровна

преподаватель кафедры иностранных языков богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета;

соискатель на кафедре грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mileeva Olga Aleksandrovna

Lecturer at the Department of Foreign Languages, Faculty of Theology, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities; External PhD Student at the Department of Grammar and History of the German Language, Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.09.2023
26.10.2023
28.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Модель массового реципиента в персональном немецкоязычном интервью

Ю. В. Нестерюк

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия
nesteryuk.yuv@ssau.ru*

Аннотация. Современной массмедийной среде присуще перманентное развитие, что оказывает влияние на традиционные формы ее бытования, к которым относится интервью. Автор, применяя комплексную методику анализа деятельности коммуникантов в персональном немецкоязычном интервью, описывает разработанную им в нем модель массового реципиента, содержащую описание субъект-субъектных, субъект-объектных и субъект-посреднических взаимоотношений.

Ключевые слова: персональное немецкоязычное интервью, коммуникативная деятельность, предметно-логический уровень коммуникации, личностный уровень коммуникативного взаимодействия, стратегическая программа, коммуникативные стратегии и тактики, дискурс-анализ

Для цитирования: Нестерюк Ю. В. Модель массового реципиента в персональном немецкоязычном интервью // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (881). С. 57–64.

Original article

The Mass Recipient Model in the Personal German-Language Interview

Yuliya V. Nesteryuk

*Samara University, Samara, Russia
nesteryuk.yuv@ssau.ru*

Abstract. The modern mass media environment is characterized by permanent development, which has an impact on its traditional forms of being, which include interviews. The author, applying a comprehensive methodology for analyzing the activities of communicants in a personal German-language interview, describes the model of the mass recipient in a personal German-language interview, which contains a description of the subject-subject, subject-object and subject-intermediary relationships.

Keywords: personal German-language interview, communication activity, subject-logical level of communication, personal level of communicative interaction, strategic agenda, communication strategies and tactics, discourse analysis

For citation: Nesteryuk, Yu. V. (2023). The mass recipient model in the personal German-language interview. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 57–64.

ВВЕДЕНИЕ

Современная коммуникативная среда демонстрирует высокую скорость трансформации коммуникативных процессов. Изменения затрагивают не только сферу «новых массмедиа», со свойственными им современными техническими средствами, новыми условиями формирования, трансляции и рецепции информации, но с не меньшей быстротой распространяются и на, казалось бы, вполне привычные формы социального общения.

Одной из традиционных форм бытования массмедиа является интервью, исследование и определение природы которого подвергалось трансформации: от интервью как метода получения информации, интервью как речевого жанра и интервью как опубликованного журналистского текста [Тертычный, 2002] до интервью как сложной и комплексной формы коммуникативного взаимодействия. В качестве основных черт интервью разрабатывались *диалогичность* и *асимметричность* интеракции, которые в качестве его сущностных признаков сохраняют свой статус и в современных СМИ. Условия развития сферы массмедиа способствовали тому, что данная форма общения, довольно камерная по своей сути, стала доступна широкой аудитории, получившей возможность дистанционно наблюдать за происходящим в телестудии, и приобрела свойство *публичности*. Э. Т. Гоффман сравнивал ситуацию интервью с представлением на сцене театра, а его участников, интервьюера и интервьюируемого, – с актерами на сцене, которые разыгрывают действие перед публикой, при этом игнорируя ее [Goffman, 1977]. Массовый реципиент приобрел роль как будто бы *пассивного наблюдателя* за речевым событием интервью.

В современных исследованиях, посвященных интервью, можно обнаружить довольно полный перечень действий, которые журналисту необходимо выполнить до, во время и после интервью (В. фон ля Рош, М. Халлер, Ю. Фридрихс); к ним относятся задачи выявления релевантного для темы интервью и интересного для зрителя собеседника, определения предмета заинтересованности и уровня осведомленности публики. Ориентация на массового реципиента и учет уровня его информированности и заинтересованности связаны с тем, что массовая коммуникация объединяет коммуникативный и коммерческий аспекты, будучи интегрирована в контекст рыночных отношений. К. Н. Реннер отмечает, что СМИ присущ «товарный характер». Телерадиокомпании предлагают медийному рынку только такие продукты коммуникации, которые будут пользоваться

спросом у публики. При этом речь идет не только об удовлетворении потребностей отдельного человека, но и об экономически оптимальной реализации продуктов коммуникации среди анонимной публики [Renner, 2007]. Одним из критериев качества проведенного интервью является ответ на вопрос «Кто является целевой группой интервью? Удалось ли удовлетворить потребности этой целевой группы?» [Interview-Kulturen, 2009, с. 102]. Подробно изученный в ходе подготовки массовый зритель / слушатель становится не просто вторым адресатом и пассивным наблюдателем, а участником, удовлетворение потребностей которого является мерилем качества интервью.

Представление о массовом реципиенте как *полноценном участнике общения* в исследуемой нами форме коммуникативного взаимодействия, – персональном немецкоязычном интервью, – предполагает более детальную разработку ее интеракционной модели, поскольку массовый реципиент, с одной стороны, в существенной степени определяет программу персонального интервью, так как его интересы и потребности становятся отправной точкой персонального интервью и должны быть учтены. С другой стороны, ему недоступно (или доступно опосредованно) активное участие в самом событии интервью, в том числе на уровне спонтанного взаимодействия. Однако ему доступна оценка постфактум – в виде комментария или письма в редакцию, что позволяет выстраивать определенные взаимоотношения с интервьюером и интервьюируемым.

ПЕРСОНАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК КОМПЛЕКСНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ ФОРМА МАССМЕДИЙНОЙ СРЕДЫ

Персональное интервью представляет собой сложную форму коммуникативно-ролевой игры, правила которой четко определены. Вступая в диалог в рамках персонального интервью, оба коммуникативных партнера словно заключают договор (Е. И. Голанова использует термин «кодекс взаимодействия» [Голанова, 1996, с. 436]), основным предметом которого является развитие этого диалога. Оба коммуниканта негласно соглашаются с тем, что они будут следовать определенным правилам, соблюдать конвенции и ритуально выстраивать свое коммуникативное взаимодействие. Интервьюеру и интервьюируемому известна тема, контекст, предшествующий речевому событию интервью, интервьюер задает темп интервью и осуществляет модерацию. Высказывания обоих агентов коммуникативной деятельности порождаются

в рамках данной конкретной коммуникативной ситуации и соотносятся с ней [Haller, 1997].

Целью персонального интервью считается раскрытие интересной, социально значимой личности, которая достигла успехов в определенной сфере общественной жизни [Голанова, 1996], что требует, однако, некоторого уточнения. Основная цель персонального интервью, на наш взгляд, состоит в создании для интервьюируемого коммуникативного пространства для самопрезентации. Данное коммуникативное пространство моделируется и конструируется совместными усилиями интервьюера и интервьюируемого и «наполняется» фактической информацией, а также оценками, суждениями и перспективой интервьюируемого в целом.

В ситуации персонального интервью выделяют два различающихся плана действий, одному из которых присущ более тщательный процесс планирования и разработки детального когнитивного плана (план интервьюера), другой характеризуется спонтанным реагированием интервьюируемого. В рамках деятельностного подхода, в основу которого положена многофакторность, коммуникативное событие «интервью» рассматривается нами как форма коммуникативной деятельности, для описания которой мы используем следующее определение: сложный феномен, обладающий структурой, характеризующийся наличием стадий его реализации и требующий от агента деятельности как практической, так и ментальной активности, а также предполагающий осуществления ряда коммуникативных и вербальных действий. Реализация действий предполагает наличие у каждого субъекта деятельности определенного плана, вырабатываемого с учетом коммуникативного намерения / интенции.

Для коммуникативной деятельности интервьюера характерно наличие стратегической программы с четко определенной коммуникативной стратегией (или набором коммуникативных стратегий), в то время как интервьюируемый, основной целью которого является самопрезентация, в большей степени реализует свою деятельность на уровне коммуникативных тактик. Взаимоотношение «интервьюер–

Рис. 1. Субъект-субъектные отношения в персональном интервью

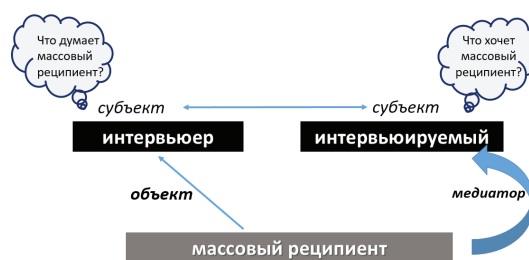

Рис. 2. Отношения «интервьюер – интервьюируемый – массовый реципиент» в персональном интервью

интервьюируемый» носит субъект-субъектный характер. Фокус смещен на интервьюируемого, а интервьюер должен выступать в качестве его компетентного собеседника (см. рис. 1).

УДВОЕНИЕ СИТУАЦИИ ПЕРСОНАЛЬНОГО ИНТЕРВЬЮ

Определяющим критерием для журналистского интервью оказывается публичность диалога [Ильченко, 2003; Киселева, 2009]. Интервьюер и интервьюируемый, вступая в личный диалог, осознают, что их речь становится публичной, и разговаривая друг с другом, оба коммуниканта думают о том, какой эффект производят и могут произвести их высказывания на массового реципиента (см. рис. 2).

Ю. Вальтер, В. Зеттенкорн, Ю. Ландвер и Г. П. Экер различают первичную ситуацию интервью, т. е. непосредственно сам диалог между интервьюером и интервьюируемым, и вторичную ситуацию интервью, т. е. восприятие этого диалога публикой [Ecker et al., 1977]. М. Халлер разрабатывает четыре параметра, которые, по его мнению, должны быть учтены исследователем при анализе коммуникативной деятельности в рамках журналистского интервью: намерение журналиста (или редакции, которую он представляет), технические характеристики СМИ, интересы интервьюируемого и ожидания и потребности публики [Haller, 1997].

Транслируемое в телевизионном эфире персональное интервью приобретает дополнительные характеристики, связанные со спецификой коммуникативного пространства и коммуникативной ситуации его воспроизводства. К. Хиппель выделяет две разновидности медиаситуации интервью – «афильмовую», которая не предназначена для трансляции в прямом эфире, и «профильмовую», которая предназначена для медийной репрезентации и вследствие этого характеризуется, с одной стороны, постановочным характером. Исследователь отмечает, что при этом реципиенту в теле студии и реципиенту, сидящему перед экраном телевизора, будет доступна разная информация

(например, зритель в телестудии будет наблюдать за интеракцией и во время рекламной паузы, ему, однако, будет недоступна информация о малейших изменениях выражения лица интервьюера или интервьюируемого) [Hirpel, 2000]. С другой стороны, интервью становится присуща *необходимая спонтанность*. Именно она придает ему динамику, делая его интересным и гарантируя тем самым, что массовый реципиент будет следить за ходом интервью, не переключая канал.

Возникающее в процессе общения взаимодействие предполагает кооперацию, однако не исключает при этом привлечение интервьюером и интервьюируемым конфронтативных, в том числе провокационных, тактик, которые вносят вклад в *создание напряжения* в рамках речевого события персонального интервью.

Целесообразным представляется предположение о том, что удвоение ситуации интервью, в том числе и персонального интервью, приводит к удвоению роли интервьюера и интервьюируемого, к двойственности их самоидентификации. Для публики личность интервьюируемого обладает высокой социальной значимостью. Массовый реципиент становится участником коммуникации не потому, что она *есть*, а потому, что она *важна* для него. Он делегирует свои ожидания интервьюеру, который становится медиатором при реализации его интенции / интенций в отношении «массовый реципиент-интервьюируемый».

Интервьюеру необходимо распознать ожидания публики и учесть информацию о коммуникативной личности своего коммуникативного партнера, после чего вырабатывается общая стратегическая программа, реализации которой он формально может следовать от начала до конца интервью. В журналистском интервью в целом он при этом может оставаться исключительно на предметно-логическом уровне коммуникативного взаимодействия. Однако особенность выстраивания коммуникативного взаимодействия в рамках персонального интервью состоит в том, что массовый реципиент ожидает, как правило, раскрытия личности интервьюируемого, что невозможно без выстраивания интеракции с последним на личностном уровне.

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПРИМЕРЕ ПЕРСОНАЛЬНОГО НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ИНТЕРВЬЮ «UNMÖGLICHES INTERVIEW MIT KLAUS KINSKI»

Для анализа особенностей коммуникативной деятельности использована комплексная методика анализа реализации стратегической деятельности

коммуникантов [Нестерюк, 2017]. Обратимся к рассмотрению интервью с актером театра и кино К. Кински¹. Событию персонального интервью предшествовала премьера декламации интервьюируемого «Иисус Христос Спаситель». Отведенное для декламации время должно было составить около полутора часов, однако выступление было прервано выкриками и оскорблениями из зрительного зала. Прежде чем мы приступим к анализу нескольких коммуникативных обменов, которые представляют для нас в рамках рассмотрения роли массового реципиента особый интерес, необходимо отметить, что в результате детального анализа данного интервью стратегия интервьюера была определена как стратегия провокации, интервьюируемого – как стратегия самопрезентации [там же].

В процессе развития интервью взаимоотношения между интервьюируемыми и интервьюером выстраиваются с привлечением большого количества конфронтативных тактик (тактика провокации, тактика несогласия, тактика неприятия слов и речевой манеры коммуникативного партнера, тактика конфронтации). Интервьюируемый часто осуществляет вклады на личностном уровне интеракции, давая при этом негативную оценку деятельности журналистки, например:

...was ja eigentlich ziemlich stupide ist, mich danach zu fragen...

Von einer Analphabetin muss ich mir einen solchen Quatsch erzählen lassen!!!

В рамках транзакции 4 К. Кински забывает общеизвестный пример и дважды задумчиво задает вопрос: «Wie heißt der? Wie heißt der, den ich meine?» – опосредованно обращаясь к журналистке и предпринимая попытку вернуться на предметно-логический уровень коммуникативного взаимодействия. Хельга Филипп, интервьюер, реагирует не кооперативно, отказываясь от совместного моделирования, она пытается ввести в «пространство персонального интервью» спутницу К. Кински, используя при этом побудительное наклонение, адресованное интервьюируемому (*Überlegen Sie*), что нетипично для коммуникативного поведения интервьюера.

Транзакция 4, коммуникативный обмен 4:

Journalistin: Überlegen Sie. Darf ich Ihre Frau inzwischen mal fragen. Madame, est que vous se pas attendu avec le de votre, Mari?

¹ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=c0Efhz8jxNI>

K. Kinski: Ja, Sie müssen nicht dauernd unterbrechen. Wenn Sie mich fragen, wollen Sie, dass ich antworte, oder nicht?

Далее журналистка обращается к тактике смягчения категоричности высказывания, о которой позволяет судить неместоименный вопрос с модальным глаголом *dürfen*:

Darf ich Ihre Frau inzwischen mal fragen?

Как мы помним, одной из конвенций интервью является перманентная готовность к диалогу, именно поэтому даже в случае возникновения конфронтации коммуникативными партнерами должны задействоваться такие коммуникативные тактики, которые позволяют сохранить общую кооперативную направленность интеракции в рамках персонального интервью. Последнее предложение в рамках коммуникативного вклада интервьюера представляет собой вопрос на французском языке, обращенный к жене интервьюируемого:

Madame, est que vous se pas attendu avec le de votre, Mari?

Императивность и попытка перефокусировки внимания с К. Кински на его спутницу приводит к искажению логики ситуации персонального интервью. В комментариях к интервью мы имеем возможность прочесть следующее мнение пользователя dasteptdermuffti:

...überlegen Sie mal ...ich red solange mit ihrer Frau! ... Dieser Satz war der Tropfen der das Fass zum überlaufen gebracht hat!

Интервьюируемый первоначально отвечает утвердительно на вопрос журналистки (*Ja*), однако буквально в ту же секунду он переходит на личностный уровень взаимодействия. О тактике неприятия слов и речевой манеры позволяет судить употребление модального глагола *müssen* с отрицательной частицей *nicht*, условное предложение с уточняющим вопросом *oder nicht*?

В рамках коммуникативного обмена 2 транзакции 5 К. Кински повышает голос, он напрямую обращается к журналистке с вопросом о ее коммуникативном намерении (*Weswegen haben Sie den Auftrag, ein Interview mit mir zu machen?*) и в качестве предположения выдвигает альтернативу: *interessiert Sie, dass ich das Programm mache?* или *Sie wollen irgendwelche Kuriositäten herausfinden?* (Какова цель журналистки? Ее интерес в том, чтобы К. Кински стал героем программы? Или она

хочет обнаружить какие-то курьезности, странности г-на Кински?).

Транзакция 5, коммуникативный обмен 2:

KK: ...Weswegen haben Sie den Auftrag, ein Interview mit mir zu machen ...? Weswegen? Weswegen? Weil Sie das interessiert, dass ich das Programm mache oder weil Sie irgendwelche Kuriositäten herausfinden wollen?

J: Gehört das jetzt zu den berühmten Ausbrüchen?

KK: DAS GEHÖRT ZU ALLEM!!! DAS GEHÖRT ZU ALLEM!!!

Wenn Sie nicht fähig sind, die richtigen Fragen zu stellen und mir nicht zuhören können, was ich sage, denn ich weiß, wovon ich rede, dann lassen Sie das das ganze Interview sein. Und da Sie von Ihrer verfluchten Firma angestellt sind, haben Sie überhaupt kein Recht, mit über den Mund zu fahren. Haben Sie es VERSTANDEN ODER NICHT? Ich spreche nicht, weil ich das Interview für Millionen von Menschen und nicht für Sie. Oder auch wenn Sie zuhören, hören Sie mir zu! Und unterbrechen Sie mich noch ein einziges Mal, sonst gehe ich nach Hause.

J: Ich glaub', das ist am besten.

Госпожа Филипп отвечает вопросом на вопрос интервьюируемого: *Gehört das zu den berühmten Ausbrüchen?* В данном коммуникативном вкладе важно использование журналисткой словосочетания *berühmte Ausbrüche* с определенным артиклем, которое предполагает информирование массового реципиента о том, что такая повышенная эмоциональность К. Кински является образцом его поведения. В рамках данного коммуникативного обмена происходит столкновение интенций интервьюера и интервьюируемого.

Далее интервьюируемый переходит на крик, пытаясь при этом обозначить границы того, что дозволено журналистке, а что – нет. Он обращается к тактике конфронтации, вербальными средствами реализации которой становятся частотное употребление отрицательной частицы «nicht» со словами, заключающими в себе модальное значение «мочь, быть в состоянии» и негативную оценку поведения интервьюера (*nicht fähig sein, nicht zuhören, kein Recht haben*), негативно маркированная (грубая / фамильярная) лексика (*verfluchte Firma, über den Mund fahren*). Важным является противопоставление на лексическом уровне *Sie*, т. е. *Jornalistin (nicht für Sie)* vs. *Millionen von Menschen (für Millionen von Menschen)*. Здесь интервьюируемый вводит в пространство персонального интервью фигуру массового реципиента и сообщает

журналистке о том, что он согласился на данное интервью не ради разговора с ней, а ради миллиона зрителей, которые его посмотрят.

Последний вопрос журналистки в данном интервью (*Gehört das jetzt zu den berühmten Ausbrüchen?*) оставляет для нас открытым вопрос о том, какую цель преследует редакция в ее лице... Данное интервью было просмотрено массовым реципиентом более 8 млн раз, более 11,5 тыс. комментариев было оставлено под видеointerview. Многие комментаторы отмечают, что Клаус Кински был человеком, в котором удивительным образом сочетались гениальность и безумие:

Genie und Wahnsinn liegen oft beieinander. Ich wage es bei K. K nicht, zu unterscheiden. Ich glaube ihm (*BeatusGubler*).

Klaus Kinski ist ein Schatz der deutschen Medienkultur (*blackm4niac*).

Er war einfach köstlich. Diese Selbstinszenierung macht ihm keiner nach. (*berndruckert8569*).

Комментирующий DennyN пишет о том, что он более 100 раз просмотрел данное интервью, и всякий раз ему удается извлечь новую информацию:

Habe dieses Interview mittlerweile über 100 mal angeschaut...und jedes Mal verstehe ich ihn ein Stück mehr! Schade das immer nur seine „Ausraster“ gezeigt werden! Inhaltlich hat er doch völlig recht...es sind stumpfsinnige Fragen und eine Respektlosigkeit, wenn man in einem Interview einen weder aussprechen lässt, noch eigentlich gar kein echtes Interesse an der zu interviewenden Person hat.

Какие потребности массового реципиента должны были быть удовлетворены? Для ответа на данный вопрос приведем слова Е. С. Кубряковой: «По самой своей сути дискурс – явление когнитивное, т. е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний» [Кубрякова, 2000, с. 23].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Учет массового реципиента как участника коммуникации приводит к удвоению ситуации персонального, в том числе немецкоязычного, интервью и ролей интервьюера и интервьюируемого. Интервьюируемый в рамках данной модели выступает одновременно и в качестве субъекта интеракции (отношение «интервьюер – интервьюируемый»), и в качестве объекта (отношение «интервьюируемый – массовый реципиент»). Интервьюер, в свою очередь, субъектно реализует взаимодействие

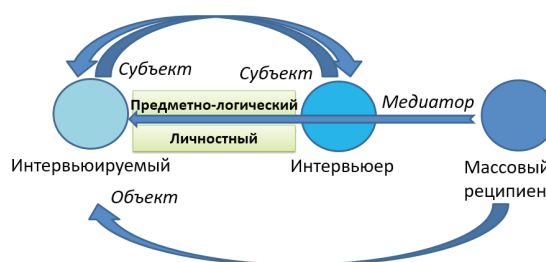

Рис. 3. Модель массового реципиента в персональном немецкоязычном интервью

с интервьюируемым и выступает в качестве медиатора при реализации коммуникативного намерения массового реципиента (см. рис. 3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При первичном рассмотрении персональное интервью можно свести к простой схеме: интервьюер и интервьюируемый говорят об объекте или субъекте, который представляет интерес для массовой аудитории. Цель интервьюера состоит в том, чтобы задать ряд вопросов, цель интервьюируемого – ответить на эти вопросы и представить себя в лучшем свете, цель массового реципиента – узнать что-то новое и интересное об интервьюируемом. Однако задача персонального интервью имеет более комплексный характер и состоит в создании, наполнении информацией и моделировании совместного коммуникативного пространства, и в это создание и моделирование вносит вклад каждый агент коммуникативной деятельности персонального интервью – интервьюер, интервьюируемый и массовый реципиент. В основе комплексности персонального интервью как дискурсивной практики лежит комплексность самой задачи персонального интервью.

Коммуникативное взаимодействие в рамках телевизионного персонального, в том числе немецкоязычного, интервью должно сбалансированно осуществляться на разных уровнях интеракции. Анализ фактического материала свидетельствует о том, что и интервьюер и интервьюируемый на предметно-логическом уровне осуществляют коммуникативное взаимодействие не только со своим непосредственным коммуникативным партнером, но и с массовым реципиентом, реализуя при этом тактику информирования массового реципиента. Взаимодействие исключительно на предметно-логическом уровне не соответствует природе персонального интервью, которая требует выстраивания взаимоотношений и на личностном уровне интеракции. При этом неполноценность или интенсификация

взаимодействия на личностном уровне может приводить к невозможности взаимодействия и на предметно-логическом уровне, искажению ситуации интервью, вплоть до прерывания речевого контакта, как мы могли это видеть на примере интервью с Клаусом Кински.

В конечном итоге удовлетворение потребностей и массового реципиента, и интервьюера,

и интервьюируемого заключается в том, чтобы приобрести новые знания путем совместного моделирования. В персональном немецкоязычном интервью достижение этой общей цели оказывается возможным при последовательном выстраивании коммуникативного взаимодействия одновременно на предметно-логическом и на личностном уровнях интеракции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тertychnyy A. A. Интервью вездесущего лик...: [о методе и жанре интервью] // Журналист. 2002. № 3. С. 69–71.
2. Goffman E. Rahmen-Analyse. Ein Versuch über die Organisation von Alltagserfahrungen. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1977.
3. Renner K. N. Fernsehjournalismus. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2007.
4. „Interview-Kulturen“ Professionelle Interviews als journalistische Qualitätstreiber / T. Leif. Wiesbaden: netwerk recherche e.V. 5. 2009.
5. Голанова Е. И. Устный публичный диалог: жанр интервью // Русский язык конца XX столетия. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 428–453.
6. Haller M. Das Interview. Ein Handbuch für Journalisten. Konstanz: UVK Medien Verlagsgesellschaft mbH, 1997.
7. Ильченко С. Н. Интервью в журналистском творчестве. СПб.: СПбГУ, 2003.
8. Киселева Т. А. О феномене адресата в коммуникативной ситуации телевизионного интервью // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер. «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Воронеж: ВГАСУ, 2009. Вып. 1 (11). С. 101–108.
9. Ecker H.-P. et al. Textform Interview. Darstellung und Analyse eines Kommunikationsmodells. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1977.
10. Hippel K. Prolegomena zu einer pragmatischen Fernsehtheorie. Dissertation. Freie Universität Berlin. 2000. URL: <https://refubium.fu-berlin.de/handle/fub188/3057>
11. Нестерюк Ю. В. Стратегические программы коммуникантов в персональном немецкоязычном интервью. Самара: Инсома-пресс, 2017.
12. Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.

REFERENCES

1. Tertychnyi, A. A. (2002). Interview vездесущего лик...: [o metode i zhanre interview] = The image of omnipresent interview ...: [the method and the genre of interview]. Journalist, 3, 69–71. (In Russ.)
2. Goffman, E. (1977): Rahmen-Analyse. Ein Versuch über die Organisation von Alltagserfahrungen. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
3. Renner, K. N. (2007). Fernsehjournalismus. Konstanz: UVK Verlagsgesellschaft mbH.
4. Leif, T. (2009). „Interview-Kulturen“ Professionelle Interviews als journalistische Qualitätstreiber. Wiesbaden: netwerk recherche e. V. 5.
5. Golanova, E. I. (1996). Ustnyy publichnyy dialog: zhanr interview = Spoken public dialogue: the interview genre. In Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (pp. 428–453). Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
6. Haller, M. (1997). Das Interview. Ein Handbuch für Journalisten. Konstanz: UVK Medien Verlagsgesellschaft mbH.
7. Ilchenko, S. I. (2003). Interview v zhurnalistskom tvorchestve = Interview in journalistic creative work. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.)
8. Kiselyova, T. A. (2009). O fenomene adresata v kommunikativnoy situatsii televizionnogo interview = The phenomenon of the addressee in the communicative situation of a television interview. Scientific Vestnik of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series “Modern Linguistic & Methodical-and-didactic Researches”, 1 (11), 101–108. Voronezh: VGASU. (In Russ.)

9. Ecker, H.-P. et al. (1977). Textform Interview. Darstellung und Analyse eines Kommunikationsmodells. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann.
10. Hippe, K. (2000). Prolegomena zu einer pragmatischen Fernsehtheorie. Dissertation. Freie Universität Berlin. <https://refubium.fu-berlin.de/handle/fub188/3057>
11. Nesteryuk, Yu. V. (2017). Strategicheskiye programmy kommunikantov v personal'nom nemetskoyazychnom interv'yue = Strategic agendas of communicants in personal German-language interviews. Samara: Insoma-press. (In Russ.)
12. Kubryakova, E. S. (2000). O ponyatii diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoy lingvistike: obzor = The concept of discourse and discourse analysis in contemporary linguistics: a review. In Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost'. Funktsional'n-yye i strukturn-yye aspekty: sbornik obzorov (pp. 7–25). Moscow: INION RAN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестерюк Юлия Владимировна

кандидат филологических наук

доцент кафедры немецкой филологии

Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nesteryuk Yuliya Vladimirovna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of the German Language, Samara University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

28.09.2023
27.10.2023
28.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Тенденции употребления французских предлогов *à, en, dans* в пространственно-топонимических конструкциях (на примере географических названий французской метрополии)

А. В. Николаенко

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия
anvitsa@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции употребления пространственных предлогов *à, en, dans* с географическими названиями французской метрополии. Проводится анализ способов пространственной концептуализации во французском языке с помощью предлогов на примере конструкций с топонимическим компонентом, анализируется национально-культурная специфика в выражении ментально-топонимического стереотипа. Методы исследования: когнитивный, концептуальный, сравнительный.

Ключевые слова: французский язык, предлог, *à, en, dans*, пространство, концепт, топоним, менталитет, когнитивная лингвистика

Для цитирования: Николаенко А. В. Тенденции употребления французских предлогов *à, en, dans* в пространственно-топонимических конструкциях на примере географических названий французской метрополии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (880). С. 65–71.

Original article

Trends in the Use of French Prepositions *à, en, dans* in Spatial and Toponymic Constructions (based on geographical names of the French metropolis)

Anastassia V. Nikolayenko

Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia
anvitsa@yandex.ru

Abstract. The article traces the main trends in the use of spatial prepositions *à, en, dans* with geographical names of the French metropolis. An analysis of the methods of spatial conceptualization in the French language using prepositions is carried out on the example of constructions with a toponymic component, and the national-cultural specificity in the expression of a mental-toponymic stereotype is analyzed. Research methods: cognitive, conceptual, comparative.

Keywords: the French language, preposition, *à, en, dans*, space, concept, toponym, mentality, cognitive linguistics

For citation: Nikolayenko, A. V. (2023). Trends in the use of French prepositions *à, en, dans* in spatial and toponymic constructions (based on geographical names of the French metropolis). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 65–71.

ВВЕДЕНИЕ

Во французском языке пространственно-топонимические отношения *нахождение объекта в географическом пространстве* устанавливаются пространственными предлогами. В статье рассматриваются пространственно-топонимические конструкции, построенные с помощью предлогов *à, en, dans*. Данные предлоги выражают разные пространственные отношения, так как пространственные предлоги *à, en, dans* во французском языке актуализируют определенный тип пространства. В результате проведенного исследования были выделены три типа пространственных отношений, которые строятся по формуле $X + R + Y$, где X – это *объект*, R – предлог *à, en* или *dans*, Y – *географическое пространство*, обозначаемое в языке *топонимом* Y (далее Y_{toponyme}), что позволило сформулировать пространственно-топонимические концепты с каждым из предлогов.

Область пространства, которая выражена в рассматриваемых нами конструкциях через Y_{toponyme} , широко представлена в языке различными географическими названиями. В данной статье будут рассмотрены только те конструкции с пространственным значением, которые включают топоним, имеющий отношение к французской метрополии, а именно:

- 1) Y – название французского департамента;
- 2) Y – название французского административного региона:
 - а) Y – название региона французской метрополии;
 - б) Y – название французского заморского департамента или территории (DOM-TOM).

Подобный выбор был обусловлен тем, что исследование данной группы топонимов демонстрирует разницу в употреблении рассматриваемых трех предлогов в позиции перед географическим названием в составе пространственных конструкций и позволяет проследить эволюцию употребления предлогов *à, en, dans* в той или иной конструкции в позиции перед Y_{toponyme} , особенно в том случае, если Y – название департамента или региона метрополии, которые получили больше административно-политических прав в результате децентрализации государственного управления французской метрополии.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ТОПОНИМИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ À

Некоторые лингвисты, например, Ж. Гугенейм, М. Гревисс и другие грамматисты считают, что

употребление предлога *à* перед географическими названиями объясняется удаленностью территории относительно говорящего и восприятием этой области пространства как некоторой точки на географической карте [Gougenheim, 1972; Grevisse, Goosse, 1993]. В связи с данным пониманием семантики предлога *à* в позиции перед Y_{toponyme} очевидно предположить, что с названиями французского департамента и французского административного региона французской метрополии во французском языке будет использоваться предлог *à*, что связано с нахождением данных территорий внутри страны. Однако, как показывает анализ языкового материала современного французского языка, в некоторых случаях предлог *à* встречается и в позиции перед названиями французского департамента:

- (1) Louez auprès d'habitants à Haute-Savoie¹ – Арендуйте жилье у местных жителей в Верхней Савойе;

и названиями региона французской метрополии:

- (2) Tourisme à Corse 2019. Vous voulez économiser 30 % sur votre hôtel à Corse ?². – Туризм на Корсике 2019. Вы хотите сэкономить 30 % на проживании в гостинице на Корсике?

Употребление в данных случаях предлога *à* связано с тем, что, как предлагает Ж. Гугенейм, необходимо рассматривать эти территории только как точки на географической карте. Мы же считаем, что предлог *à* обозначает такую точку, как *понятийную*, т. е. данные территории являются единицами одного лексико-семантического класса (ЛСК) под названием *департамент*, число которых во Франции составляет определенное количество единиц, что мы называем *понятийной точкой*.

В связи с тем, что *Haute-Savoie* и *Corse* – это единственные топонимы в своей группе, которые могут образовывать сочетания с предлогом *à*, то можно сделать вывод, что данные случаи отражают только намечающуюся тенденцию к употреблению предлога *à* в данном значении. В случае с названием административного региона *Corse* объяснить употребление предлога *à* перед Y – *Corse* можно простым указанием на топоним как территориальный объект, т. е. в сознании француза *Corse* – это прежде всего *остров*, а название острова всегда

¹ Airbnb. URL: <https://www.airbnb.fr/France/Auvergne-Rhône-Alpes>.

Зд. и далее перевод наш. – А. Н.

² Tripadvisor. URL: <https://www.tripadvisor.fr/Tourism-g187139-Corsica-Vacations.html>.

сопровождается предлогом *à*. Отсутствие детерминатива в конструкциях *X + à + Haute-Savoie* и *X + à + Corse* связано с употреблением данных конструкций в рекламных текстах, где на первое место выступает краткость и емкость слогана, а также с тем, что территории *Corse* и *Haute-Savoie* являются именами собственными. Отсутствие артикля также позволяет рассматривать данные топонимы как понятийную точку, или как географическую точку на географической карте, но не как остров или департамент. Для работников рекламы важно показать, где находится объект X, т. е. Y – это точка на карте, как, например, *Il est à Paris*, и таким образом привлекается внимание к месту, а не к статусу территории.

Предлог *à* употребляется перед названиями регионов заморской территории Франции (DOM-TOM), поскольку данные регионы являются островами, например, *la Martinique*, *la Guadeloupe* (остров или группа островов), *la Réunion*, *Mayotte*, кроме *la Guyane*, территория которой является частью материка на северо-восточном побережье Южной Америки, а перед названиями островов для пространственной локализации используется именно предлог *à*. Следует отметить, что все географические названия регионов заморской территории Франции в составе пространственно-топонимических конструкций с предлогом *à* употребляются с определенным артиклем, за исключением *Mayotte*. Например:

- (3) *La finale est jouée à la Martinique.* – Финальный матч проходил на Мартинике.
- (4) *Née à Saint-Marie, formée à Paris, mais travaillant sous couverture depuis deux ans à la Guadeloupe.* – Родилась на Сент-Мэри, обучалась в Париже, но в последние два года продолжает работать под прикрытием на Гваделупе¹.
- (5) *Les voyageurs se demandant quoi faire à La Réunion seront séduits par un vaste champ de possibles!*² – Путешественников, задающихся вопросом, что делать на Реюньоне, соблазнит огромное поле возможностей.
- (6) *Ambassadeur à la Dominique et à la Guyane, 1993–1996.* – Посол в Доминикане и Гвиане (1993–1996).
- (7) *Le terrain de Football baptisé «le Stade Béton» est l'un des plus connus à Mayotte.* – Футбольное

поле под названием «Стадион Бетон» является одним из самых известных в Майотте³.

Таким образом, в результате данного типа локализации объекта в Y-е, образуется концепт *Нахождение X-а в понятийной точке Y*. Под понятийной точкой мы понимаем территорию – Y_{топоним}, которая является конкретной географической точкой.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ТОПНИМИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ EN

В составе конструкции *X + en + Y* в качестве Y_{топоним} чаще всего встречаются ЛСК, называющие французские департаменты и регионы (регион метрополии и заморская территория).

Приведем некоторые примеры, где Y – название департамента:

- (8) *Le tourisme en Alsace.* – Туризм в Эльзасе.
- (9) *L'info en continu en Haute Savoie, actualités, météo Haute Savoie, faits divers.* – Информация 24 часа в сутки в Верхней Савойе, прогноз погоды Верхней Савойи, хроника происшествий⁴.
- (10) *Le transport à la demande en Aveyron*⁵. – Перевозки в Авейроне по требованию.

Принято считать, что в конструкциях, где Y – название департамента, следует употреблять предлог *en*. Например, в перечень названий департаментов, образующих сочетания с предлогом *en*, входят следующие Y_{топоним}:

- 1) простые существительные, начинающиеся с гласной: *en Ardèche, en Aveyron, en Isère*;
- 2) простые существительные, совпадающие с названиями бывших провинций: *en Savoie, en Dordogne (Périgord), en Moselle (Lorraine), en Vendée, en Gironde*;
- 3) сложные существительные (составные наименования): *en Haute-Saône, en Meurthe-et-Moselle, en Indre-et-Loire*⁶;
- 4) название департамента *Vaucluse* представляет собой особый случай: *en Vaucluse*, хотя на севере Франции возможно сочетание *dans le Vaucluse*⁷.

³ Dictionnaire Reverso. URL: <http://context.reverso.net>.

⁴ Dictionnaire Reverso. URL: <http://context.reverso.net>.

⁵ Le portail des transports régionaux. <https://io.laregion.fr/transports-aveyron-tad>.

⁶ Dictionnaire Le Petit Robert. URL: <https://www.lerobert.com/4>.

⁷ Un Français en Angleterre. URL: <http://www.frenchmomentsblog.com/au-sujet-des-departements-francais/>.

¹ Dictionnaire Reverso. URL: <http://context.reverso.net>.

² Clubmed.be. URL: <http://www.clubmed.be/l/que-faire-a-la-reunion>.

Осмелимся предположить, что тенденция к употреблению предлога *en* в данного типа конструкциях объясняется тем, что департаменты постепенно расширяют свои политико-экономические полномочия в рамках страны, что формирует в сознании носителя языка образ данной административной единицы как территории, наделенной особым статусом.

Как показал анализ языкового материала, названия административных регионов Франции (название региона французской метрополии), к которым относятся *Auvergne-Rhône-Alpes*, *Bourgogne-Franche-Comté*, *Bretagne*, *Centre-Val de Loire*, *Grand Est*, *Hauts-de-France*, *Île-de-France*, *Normandie*, *Nouvelle-Aquitaine*, *Occitanie*, *Pays de la Loire*, *Provence-Alpes-Côte d'Azur*, *Corse*, входят в состав конструкций с предлогом *en*. Например:

(11) Vous cherchez des bons plans pour partir en vacances avec votre chien *en Auvergne-Rhône-Alpes*? Découvrez ci-dessous des hébergements et des activités où les chiens sont acceptés. – Вы планируете провести каникулы в *Овернь-Рон-Альп* с Вашей собакой? Здесь Вы найдете жилье и место, где разрешено находиться с собакой.

(12) Face à ces inégalités de chances, en particulier *en Ile-de-France* et sur le pourtour méditerranéen, le rôle de l'État demeure central. – Учитывая такое неравенство в возможностях, в частности в *Иль-де-Франс* и на средиземноморском побережье, государство по-прежнему играет ключевую роль¹.

(13) Covid-19 *en Grand Est*². – Ковид-19 в *Гранд-Эст*.

(14) Passer de magnifiques vacances *en Corse*, c'est se baigner dans sa mer turquoise... mais aussi dans sa culture!³ – Провести великолепный отпуск на *Корсике* – значит не только искупаться в ее бирюзовых морских водах ... но и в ее культуре!

Регионы французской метрополии представляют собой определенную территорию, обладающую собственной культурной или социальной идентичностью, на особенный статус которых указывает именно предлог *en*. В частности, *Корсика* является Территориальной общностью (фр. *Collectivité Territoriale de Corse*), которая с 1991 года была провозглашена самоуправляемой территорией, в результате чего данная территория приобрела особый статус региона с большим объемом

полномочий в сравнении с другими французскими регионами⁴. Кроме того, 28 сентября 2023 года Президентом Франции было сделано предложение корсиканскому сообществу закрепить особый статус региона как автономной единицы в рамках французской конституции, что в дальнейшем позволит Корсике стать первым автономным регионом Франции и тем самым расширить свои политико-экономические возможности⁵.

Современный французский язык допускает употребление предлога *en* в некоторых случаях и для названий французского заморского департамента / территории (DOM-TOM), например, *en Guadeloupe*, *en Martinique*, *en Guyane*:

(15) Partir en voyage *en Guadeloupe*: nos 5 précieux conseils. – Отправиться в путешествие в *Гваделупу*: наши 5 ценных советов.

(16) Ces tempêtes ont eu des conséquences graves en Dominique, *en Guadeloupe*, *en Martinique*, à Sainte-Lucie, en Jamaïque, au Belize, au Honduras, au Nicaragua et au Mexique⁶. – Эти штормы причинили серьезные разрушения на таких территориях, как Доминикана, Гваделупа, Мартиника, Сент-Люсия, Ямайка, Белиз, Гондурас, Никарагуа и Мексика.

(17) Installés *en Guyane* depuis une vingtaine d'années et encore peu nombreux, les Africains constituent une migration originale, très différente des flux régionaux traditionnels⁷. – Немногочисленные африканцы, переехавшие в *Гвиану* двадцать лет назад, представляют собой миграцию, очень отличающуюся от традиционных региональных потоков мигрантов.

Несмотря на то что предлог *en* является сопутствующим признаком существительного женского рода (по аналогии *vs en France*), было бы логичным предположить, что *la Réunion* должен вводиться в пространственную конструкцию с помощью предлога *en*. Однако наличие артикля в самом названии не допускает этого сочетания: **en la Réunion*, но: *dans la Réunion*. С другой стороны, топоним *Mayotte* не имеет в названии артикля, однако сочетание с предлогом *en* отсутствует (**en Mayotte*), что имеет свое историческое объяснение. Обратимся к топонимам *Guadeloupe* и *Martinique*, которые с географической точки зрения являются островами, но на протяжении

¹ Dictionnaire Reverso. URL: <http://context.reverso.net>.

² Ouest France. URL: <https://www.ouest-france.fr/sante/virus/coronavirus/grand-est/>.

³ Corsica Tours. URL: <https://www.corsicatours.com/inspirations/la-corse-ses-mots-et-ses-expressions>.

⁴ Corse. URL: <http://www.corse.fr/>.

⁵ Le Monde: En Corse, Emmanuel Macron entrouvre la porte à l'autonomie. URL: <https://www.lemonde.fr/société> (publié le 28 septembre 2023).

⁶ Dictionnaire Reverso. URL: <http://context.reverso.net>.

⁷ Journal open edition. URL: <https://journals.openedition.org/echogeo/6333>.

XX века допускалось разное употребление предлога в позиции перед этими названиями [Reboul, 1994]. Так, *Guadeloupe*, согласно статистическим данным, употребляется в пространственных конструкциях с предлогом *en* в 85 %, начиная с 1980-х, однако в 1960–1970-х топоним *Guadeloupe* употреблялся с предлогом *à* (поскольку *Guadeloupe* – остров). Топоним *Martinique* в 1950-е гг. всегда вводился с помощью предлога *à*, но с 1990 г. – только с помощью предлога *en*. 92 % употребления *en Martinique* приходится на коренных жителей острова Мартиника, которые говорят на французском языке, а 8 % употребления *à la Martinique* – на принявших участие в опросе европейцев – французов или бельгийцев, для которых остров не является родиной и частью их культуры, согласно гипотезе Д. Лиман [Falaise, Leeman, 2017]. Эволюция употребления предлога от *à la Guadeloupe* / *à la Martinique* до *en Guadeloupe* / *en Martinique* может быть объяснена тем, как изменилось само восприятие этих регионов-островов за годы, что связано в первую очередь с политическими изменениями: с началом процесса децентрализации, когда некоторым регионам была предоставлена автономия, которая и внесла в дальнейшем изменения в язык и позволила изменить восприятие региона-острова на восприятие региона-территории со своей собственной культурой. С позиции этой гипотезы можно объяснить и *en Guyane*. Топоним *Guyane* всегда требовал употребления предлога *en*, так как *en* в данном случае указывает на *Guyane* как на территорию, наделенную особым статусом. При этом особенность и эксклюзивность данной территории объясняются тем, что *Guyane* – это колония с очень тяжелыми условиями для жизни, куда направлялись заключенные.

Исключения в данной группе составляют такие названия, как *la Réunion* и *Mayotte*, экономико-политический статус которых на данный момент не претерпел изменений:

*en Réunion (île), но: ***dans la Réunion, à la Réunion***;

*en Mayotte (DOM, île, archipel), но: ***à Mayotte***.

Таким образом, в результате локализации объекта в географическом пространстве Y с помощью предлога *en* был сформулирован концепт *Нахождение X-а в лингвокультурном пространстве Y* _{топониме}

ПРОСТРАНСТВЕННО-ТОПОНИМИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ *DANS*

Как показал анализ конструкций с пространственно-топонимическим компонентом, которые строятся по формуле $X + \text{dans} + Y$, в качестве

географического пространства Y _{топониме} в данной конструкции может быть Y – название французского департамента: *le Doubs, les Deux-Sèvres, la Haute-Corse, la Corse-du-Sud*¹, например:

(18) Découvrez nos 166 gîtes, locations, résidences de vacances, appartements et campings *dans le Doubs*². – Гостевые услуги: у нас 166 видов проживания: гостевые дом, аренда, пансионы, апартаменты и кемпинги в Ду.

В некоторых случаях Y – название административного региона французской метрополии: *le Grand Est* и *les Pays de la Loire*.

В своей работе А. Эшкенази, опираясь на теорию Ж. Гугенейма, указывает на тот факт, что на выбор предлога в конструкции с Y – название французского департамента влияет род, как и в случае с названиями стран [Eskénazi, 1987; Gougenheim, 1972]. Названия департаментов женского рода сопровождаются в большинстве случаев предлогом *en* и в меньшей степени предлогом *dans*, тогда как большинство названий мужского рода образуют комбинации с *dans le*. Так, А. Эшкенази отмечает, что названия *Haute-Savoie* и *Seine-Maritime* сочетаются с *dans la*: *dans la Haute-Savoie, dans la Seine-Maritime*. Автор подчеркивает, что на употребление предлога *dans* перед названиями департаментов женского рода оказывает влияние контекст: если о департаменте говорит человек, который живет в нем и который хорошо знает культурологические, экономические и другие особенности данной территории, то говорящий употребит в данном случае предлог *dans*, т. е. предлог *dans* как бы ограничивает этот Y – департамент, выделяет или конкретизирует его, что свойственно семантике предлога *dans*. Однако, если о том же самом Y – департаменте говорит человек, незнакомый с данным регионом, то, скорее всего, он употребит предлог *en*.

С названиями административных регионов французской метрополии сочетания с предлогом *dans* не образуются:

*dans l' Auvergne-Rhône-Alpes; *dans la Bourgogne-Franche-Comté; *dans la Bretagne; *dans le Centre-Val de Loire; *dans la Corse; *dans les Hauts-de-France; *dans l'Ile-de-France; *dans la La Nouvelle-Aquitaine; *dans l'Occitanie; *dans la Provence-Alpes-Côte d'Azur; *dans la Normandie.

Ho: dans la Province, sur la Côte d'Azur; dans toute la Normandie; Annonces légales à Rouen et *dans toute la Normandie*.

¹ French moments blog. URL: <http://www.frenchmomentsblog.com/au-sujet-des-departements-francais>.

² Gites. URL: https://www.gites.fr/departement_gites_doubs_25.html.

Однако такие регионы, как *le Grand Est* и *les Pays de la Loire*, входят в состав пространственных конструкций с предлогом *dans*, что можно объяснить более близким значением топонимов к географическому региону, а наличие *атрибутивного определения* конкретизирует данное пространство и позволяет ввести в данные конструкции предлог *dans*:

(19) Un été *dans le Grand Est*¹. – Лето на Большом Востоке (Лето в Гранд-Эст).

(20) Les Pays de la Loire: Journées nationales de l'architecture *dans les Pays de la Loire*². – Земли Луары (Пеи-де-ла-Луар): Национальные дни архитектуры на землях Луары (в Пеи-де-ла-Луар).

К числу топонимов, которые не входят в состав пространственных конструкций с предлогом *dans* и, соответственно, не концептуализируются как закрытое ограниченное пространство, относится и *Y* – название французского заморского департамента / территории (DOM-TOM): **dans la Guadeloupe (île où le groupe d'île, DOM)*, **dans la Martinique (île, DOM)*, **dans la Guyane (DOM)*, **dans La Réunion (île)*, **dans la Mayotte (DOM, île, archipel)*. Но: ***dans La Réunion (DOM, archipel)***, т. е. если речь идет о новых территориальных образованиях, то можно сказать, что их границы еще не определены окончательно, и употребление предлога *dans* в данных конструкциях маловероятно, в то время как департаменты представляют собой территории с четкими границами. Но: ***dans La Réunion (DOM, archipel)***, так как здесь на выбор предлога *dans* влияет определенный артикль. Итак, пространственно-топонимический концепт, который строится с помощью предлога *dans*, формулируется как *Нахождение объекта X в закрытом ограниченном пространстве Y_{toponymic}*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения можно сделать ряд выводов. Проведенный анализ позволил выявить некоторые ментальные стереотипы восприятия и осмысления топонимической картины мира на примере *географических названий французской метрополии и заморских департаментов / территории DOM-TOM*, а также познакомиться с основными тенденциями употребления синонимичных предлогов *à*, *en*, *dans* в составе пространственно-топонимических

конструкций. Как показал анализ, формируемый концепт для пространственно-топонимических конструкций *X + à + Y с определенным артиклем* или *без определенного артикля* – *Нахождение объекта X в понятийной точке Y_{toponymic}*, при этом *Y_{toponymic}* воспринимается носителем языка как 1) понятийная точка (для некоторых департаментов) подобных территориальных объектов, либо как 2) удаленная территория (географическая точка на географической карте) относительно говорящего, незнакомого с данной территорией (для островов и территорий DOM-TOM), что и следует считать основной тенденцией употребления предлога *à* в позиции перед географическими названиями.

Особенностью концептуализации топонимического пространства в составе конструкции *X + en + Y без детерминатива* является образование концепта *Нахождение объекта X в лингвокультурном пространстве Y_{toponymic}* при этом топоним воспринимается как территория, наделенная особым политико-экономическим статусом (для департаментов и заморских территорий DOM-TOM, чей статус изменился за последние десятилетия), в чем проявляется *функциональность* предлога *en*. Следует подчеркнуть, что в позиции перед *Y – департамент* предлог *en* указывает на *Y* как на незнакомый регион, и его употребление в своей речи предпочтет человек, не проживающий на данной территории. В случае же с *Y_{toponymic} – DOM-TOM*, наоборот, выбор падет на предлог *en*, если об этой территории говорит человек, для которого этот регион хорошо знаком и является родным.

Концепт, который образуется в результате сочетания элементов *X + dans + Y с определенным артиклем*, формулируется как *Нахождение объекта X в закрытом ограниченном пространстве Y_{toponymic}*, при этом закрытость и ограниченность связаны с восприятием данной территории как хорошо известной для говорящего, таким образом знание этой области пространства концептуализирует *Y* как ограниченное, закрытое пространство. Таким образом, для предлога *dans* особенностью употребления в позиции перед топонимом является использование в речи носителя языка в том случае, если человек говорит о 1) департаменте как о хорошо знакомой местности и 2) о некоторых административных регионах французской метрополии, значение которых близко к пониманию топонима как географического региона.

Итак, можно сделать вывод, что с изменением и расширением политико-экономических и политико-административных полномочий департаментов, регионов и территорий французской метрополии меняется и язык, в частности, семантика предложных единиц, с помощью которых выстраиваются

¹ Dictionnaire Reverso. URL: <http://context.reverso.net>.

² Ministère de la culture. URL: <http://www.culture.gouv.fr/Regions/Drac-Pays-de-la-Loire/Actualites/Journees-nationales-de-l-architecture-dans-les-Pays-de-la-Loire>.

пространственно-топонимические отношения между объектами. Если раньше для француза территория *Corse* была, в первую очередь, островом (*à la Corse*), то в результате политико-административных преобразований *Corse* стала регионом Франции с особым статусом, что повлияло и на употребление другого предлога в позиции перед данным

топонимом (*en Corse*). Очень трудно однозначно решить вопрос о том или ином употреблении предлога в конструкции, выражающей пространственно-топонимические отношения: 1) в *точечном пространстве* *Y*, 2) в *функциональном пространстве* *Y* или 3) в *закрытом пространстве* *Y*, тем не менее, некоторые тенденции обозначились.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gougenheim, G. Les mots français dans l'histoire et dans la vie. T. 1. A. et J. Picard. Paris: Grand Larousse de la langue française, 1972.
2. Grevisse M., Goosse A. Le bon usage, grammaire française. Paris–Louvain-la-Neuve: Duculot, 1993.
3. Reboul, S. À la Guadeloupe/en Guadeloupe: vers une interprétation cognitive? In: Langue française, n°103, 1994. Le lexique: construire l'interprétation, sous la direction de Simone Lecointre et danielle Leeman. pp. 68–79.
4. Falaise A., Leeman D. Les prépositions devant les noms de région et de département français // Langages. 2017. N° 206 (2). P. 45–64. URL : <https://www.cairn.info/revue-langages-2017-2-page-45.htm>
5. Eskénazi A. Député DE Saône-et-Loire – Préfet DU Rhône – EN Vendée, 1987. Linx 16, 28–69.

REFERENCES

1. Gougenheim, G. (1972). Les mots français dans l'histoire et dans la vie (tome 1, A. et J. Picard). Paris: Grand Larousse de la langue française.
2. Grevisse, M., Goosse, A. (1993). Le bon usage, grammaire française. Paris–Louvain-la-Neuve: Duculot.
3. Reboul, S. (1994). À la Guadeloupe/en Guadeloupe: vers une interprétation cognitive? In Langue française. Le lexique (n°103, pp. 68–79): construire l'interprétation, sous la direction de Simone Lecointre et danielle Leeman.
4. Falaise, A., Leeman, D. (2017). Les prépositions devant les noms de région et de département français. Langages, 206(2), 45–64. <https://www.cairn.info/revue-langages-2017-2-page-45.htm>
5. Eskénazi, A. (1987). Député DE Saône-et-Loire – Préfet DU Rhône – EN Vendée. Linx, 16, 28–69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николаенко Анастасия Викторовна

старший преподаватель кафедры второго иностранного языка и методики его преподавания
Института иностранных языков Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolayenko Anastassia Viktorovna

Senior Lecturer, Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching
Institute of Foreign Languages, Ryazan State University named after S. A. Yesenin

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.09.2023
27.10.2023
28.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

О некоторых компонентах немецкоязычного музыкального дискурса (на примере речи дирижера оркестра)

А. С. Ноздрина

МГИМО МИД РОССИИ, Москва, Россия
nozdrina@list.ru

Аннотация. Исследование имеет своей целью выделение компонентов музыкального дискурса и последующий их анализ. Материалом исследования послужили видеозаписи открытых репетиций дирижеров с симфоническим оркестром. В работе был применен метод наблюдения за действиями коммуникантов, а также аналитический метод, с помощью которого были выделены особенности оформления коммуникации: одновременное использование коммуникантами нескольких семиотических систем, субординативный тип коммуникации и вариативность форм реализации адресата в одной и той же ситуации общения.

Ключевые слова: дискурс, компоненты дискурса, текст, семиотическая система, адресат, адресант, диалогичность, коммуникативная ситуация

Для цитирования: Ноздрина А. С. О некоторых компонентах немецкоязычного музыкального дискурса (на примере речи дирижера оркестра) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (881). С. 72–79.

Original article

On Some Components of German Musical Discourse (based on conductors' speech)

Anastassija S. Nozdrina

MGIMO University, Moscow, Russia
nozdrina@list.ru

Abstract. The study aims to highlight the components of musical discourse and their analysis. The material of the study was video recordings of open rehearsals of conductors with a symphony orchestra. Using the method of observing the actions of communicants, as well as the analytical method, the features of communication were identified: the main features were the simultaneous use of several semiotic systems by communicants, the subordinative type of communication and the variety of forms of existence of the addressee in the same communication situation.

Keywords: discourse, components of discourse, text, semiotic system, sender, receiver, dialogism, communicative situation

For citation: Nozdrina, A. S. (2023). On some components of German musical discourse (based on conductors' speech). Vestnik of State Linguistic University. Humanities, 13(881), 72–79.

ВВЕДЕНИЕ

В исторической перспективе существования языкознания как самостоятельной науки исследования в области дискурса являются относительно молодыми. С другой стороны, дискурсивные исследования имеют уже довольно солидную теоретическую базу. Появившись в 80-е годы XX века, понятие «дискурс» как конкурентное понятие по отношению к понятию «текст» смогло выработать свой терминологический аппарат и оформиться в самостоятельный объект исследования.

Несмотря на внушительный объем теоретической базы исследований в области дискурса, дискуссионными и неоднозначными остаются многочисленные вопросы. Переход от лингвистики текста к лингвистике дискурса, произошедший в конце XX века, поставил перед исследователями вопросы, большинство из которых до сих пор являются открытыми.

К числу ученых, занимающихся проблемой дискурса, принадлежат такие имена, как Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, Е. А. Воркачева, И. Б. Гецкина, Т. ван Дейк, М. Я. Дымарский, В. И. Карасик, М. Н. Кожина, Е. А. Красина, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, А. С. Пташкин, Ю. С. Степанов, О. А. Турбина, М. Фуко, Ю. Хабермас, В. Е. Чернявская, М. Юнг и др. Перечень имен, безусловно, может быть продолжен. Мы называем именно тех исследователей, чье понимание дискурса выбрано в качестве опорной позиции для данной работы.

Подробный анализ структуры дискурса проведен такими крупными современными исследователями, как В. И. Карасик (2004, 2016) и В. Е. Чернявская (2014). Отметим наиболее подходящие для данного исследования определения дискурса: «Дискурс в самом общем приближении – это совокупность тематически соотнесенных текстов. Дискурс объединяет интертекстуально соотнесенные между собой тексты и систему когнитивных, коммуникативно-прагматических целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом в условиях данной коммуникативной ситуации» [Чернявская, 2014, с. 6].

Нам также представляется важным еще одно определение дискурса, изложенное Ю. М. Казанцевой: «Der Diskurs stellt demnach einen mündlichen oder einen schriftlichen kohärenten Text in seiner situativen Einbettung dar. Gemeint ist ein Text mitsamt seinen diskursiven (außersprachlichen) Faktoren, d.h. mitsamt seinen pragmatischen, soziokulturellen, psychologischen, paralinguistischen usw. Faktoren» [Kazanceva, 2005, с. 199], где центральным понятием выступает текст в совокупности со всеми дискурсивными (экстралингвистическими) факторами; устный или письменный

связный текст, который помещен в определенную ситуацию общения.

Изучение работ, посвященных различным типам дискурса, позволило сделать следующие наблюдения:

1. Большинство исследований посвящено лексической, лексико-семантической, лингвокогнитивной и социолингвистической, характеристике дискурса. Меньшее число работ посвящено его структуре, категориям, параметрам и составляющим элементам.

2. С точки зрения тематики и / или жанра подавляющее число работ посвящено политическому или экономическому дискурсу, содержащему этнокультурологические особенности. Меньше внимания уделяется изучению различных редких профессиональных сфер (военный, медицинский, спортивный дискурс).

В этой связи нами были поставлены две цели:

- изучить категории дискурса в целом;
- посвятить исследование такому его типу, как музыкальный дискурс, – достаточно популярному, но, на наш взгляд, недостаточно исследованному, по сравнению с вышеназванными типами дискурса профессиональных сфер.

В большинстве современных исследований музыкального дискурса в фокусе внимания находятся тексты вокальных произведений, что, на наш взгляд, раскрывает всего лишь одну грань дискурса. Эта проблема была затронута нами [Ноздрина, 2020]. В данной работе преследуется цель показать многогранность музыкального дискурса как совокупности устных и письменных текстов, объединенных общей музыкальной тематикой. При этом мы остановились на текстах, в которых обсуждались произведения классической музыки в контексте профессионального общения музыкантов. В частности, эмпирическим материалом выступили видеозаписи открытых репетиций дирижеров – сэра Георга Шолти¹, Саймона Раттла², Клаудио Аббадо³, Жоржа Претра⁴ – с оркестром и транскрипции их коммуникации. С помощью метода наблюдения и метода анализа нами выделяются особенности

¹URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2L85eTSWrmg&t=59s>. Sir Georg Solti. Great Conductors in Rehearsal. EuroArtsChannel. Rehearsing and conducting the Overture to Tannhäuser by Richard Wagner with the Süddeutsche Rundfunk Symphony Orchestra (дата обращения: 07.07.2023).

²URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dP4kXJ92Qh4> In rehearsal: Simon Rattle conducts 6 Berlin school orchestras. Berliner Philharmoniker (дата обращения: 07.07.2023).

³URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4YcmIohczpQ> Claudio Abbado in rehearsal with the Berliner Philharmoniker (дата обращения: 27.07.2023).

⁴URL: <https://www.youtube.com/watch?v=52sGTrO7neg> Georges Prêtre. Great Conductors in Rehearsal. Rehearsing and conducting Prélude à l'après-midi d'un faune by Claude Debussy with the Radio-Sinfonieorchester Stuttgart (дата обращения: 27.02.2023).

взаимодействия коммуникантов и способы оформления высказываний, а используемый нами типологический метод позволит выделить различные типы дискурса и различные виды знаковых систем, применяемых в музыкальном дискурсе, а также виды коммуникативных интенций.

В статье рассматриваются компоненты дискурса, которые выделяет Ю. М. Казанцева и именуует их категориями дискурса [Kazanceva, 2005, с. 201]:

- коммуниканты
- коммуникативная ситуация
- непосредственный текст.

Вычленение вышеназванных категорий дискурса представляется исключительно важным, поскольку, как отмечает В. Е. Чернявская, текст считается не завершающим уровнем коммуникативно-речевой иерархии, но включенным в систему дискурса [Чернявская, 2014], а предлагаемая Ю. М. Казанцевой схема позволяет структурированно описывать дискурс.

КОМПОНЕНТЫ ДИСКУРСА

Текст

В рамках данного исследования особенно значимым представляется тот теоретический подход к изучению дискурса, который обращен в первую очередь к тексту, причем в самом широком понимании этого термина, поскольку в рамках лингвистического исследования непосредственному анализу подвергается именно текст, отображающий параметры коммуникации, характеристики коммуникантов и т. п.

Известно, что сегодня в лингвистике не существует единого общепринятого определения понятия «текст», вследствие чего оно может трактоваться максимально широко. Текст как компонент исследуемого нами музыкального дискурса может выступать в двух формах:

- 1) реплики, произносимые дирижером на репетиции, которые оформлены вербально с использованием «естественного человеческого языка»¹ (далее ЕЧЯ);
- 2) письменный нотный текст, который считывает дирижер и который считывает и исполняет каждый музыкант оркестра по отдельности и все вместе. Таким образом, в исследуемом музыкальном дискурсе тексты принадлежат к двум разным семиотическим системам.

¹ Термин А. Е. Кибрик. Кибрик А. Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 606.

В данном исследовании эти тексты объединяются в рамках музыкального дискурса под общим понятием «текст» и, таким образом, предпринимается попытка широко посмотреть на определение М. Юнга, который понимает дискурс не как совокупность текстов, объединяемых рядом признаков, а как совокупность высказываний на определенную тему, сделанных в рамках самых разнообразных текстов (прив. по: [Фадеева, 2014]), а изучаемые нами тексты (текст вербальный и нотный), безусловно, объединены общей темой и содержанием, обсуждаемыми в процессе репетиции.

В отношении изучения различных типов дискурса В. И. Карасик отмечает, что «есть профессии, не предполагающие вербального общения для осуществления деятельности, профессии, для которых общение и есть суть деятельности, а также существует множество промежуточных видов профессиональной активности» [Карасик, 2016, с. 58]. Рассматриваемая ситуация общения содержит в себе и элементы вербального общения, и элементы, в которых вербальное общение отсутствует, однако такой дискурс также требует изучения.

Отметим также, что в диалоге дирижера и оркестра задействованы несколько семиотических систем (вербальный компонент, нотный текст, язык жестов), из которых нами исследуются только две – слова дирижера и язык оркестра – исполнение нотного текста музыкального произведения.

Коммуникативная реализация адресанта

Выступая центральным звеном, текст порождается и воспринимается участниками коммуникативного процесса. Как отмечает Ю. М. Казанцева, целью взаимодействия между людьми является решение поставленных проблем посредством коммуникации. Таким образом, восприятие и порождение речи опирается на человеческий фактор: «Der Zweck der menschlichen Interaktion ist das Lösen von Problemen mittels Kommunikation. Textproduktion und Textrezeption stützen sich also auf den „menschlichen“ Faktor – die jeweiligen Kompetenzen der Kommunikationspartner» [Kazanceva, 2005, с. 201].

Полагаем, что к числу особенностей коммуникативного процесса со стороны адресанта можно отнести следующие.

1. *Отношения между коммуникантами* могут быть асимметричными (субординативными) или симметричными (координативными) [там же]. В рассматриваемом нами случае – тип отношений между коммуникантами относится однозначно к субординативному типу – дирижер представляет свое видение и интерпретацию музыкального произведения, предлагает музыкантам динамику, темп,

характер исполнения, а оркестр исполняет произведение с учетом заданного дирижером характера.

2. Важной характеристикой коммуникации выступают *интенции дирижера*: роли коммуникантов в представленной ситуации общения строго распределены, а действия коммуникантов регламентированы. Дирижер не просто объясняет техническую сторону исполнения произведения, обращаясь к оркестру, а транслирует музыкантам оркестра свое видение произведения, свою интерпретацию и просит исполнить тот или иной фрагмент разбиваемого произведения или несколько тактов. В речи дирижера прослеживаются такие коммуникативные стратегии, как *описание, сравнение, объяснение, сообщение информации, пожелание, просьба*; также представлены *требование и указание*:

Dritter Satz!

Frasierung!

Länger führen, einfach lang! Ja, ja lang (*по отношению к звуку*) (Claudio Abbado)

Mehr diminuendo! (Georges Pretre)

После исполнения оркестром фрагмента происходит *комментирование*:

Natürlich leichter! (Claudio Abbado)

Langsam, aber nicht zu schwer.

Ist mir zu viel (Georges Pretre)

Несколько реже в обращениях к оркестру формулируется относительно развернутая *аргументация*:

Können Sie mir deutlich machen, zuerst die Celli, dann die Fagotte, das die Pilger sich entfernen, sie gehen weg, (...) ein constant diminuendo molto! (Sir Georg Solti)

Или:

die Pilger kommen von Rom begnadigt! (Sir Georg Solti)

Последние два примера требуют пояснения: сэр Георг Шолти репетирует с оркестром увертюру к опере Р. Вагнера «Тангейзер» и пояснения связаны с сюжетной линией в либретто оперы.

После нескольких повторов одного музыкального фрагмента озвучиваются *подытоживание, похвала, согласия / несогласия со способом исполнения*:

Schön!

Oboe, crescendo!

Echo! (Claudio Abbado)

Wunderbar / bravo

Bravo! (George Pretre)

Nett, klingt höflich (Simon Rattle)

Используемые коммуникативные стратегии дирижера как адресанта позволяют говорить о том, что с точки зрения коммуникативной направленности текст, произносимый дирижером, обладает императивной модальностью. Способы вербализации побуждения в процессе коммуникации отличаются сжатостью высказывания. Исходя из закона экономии языка, дирижеру необходимо дать максимально точную формулировку-рекомендацию перед началом исполнения или в процессе исполнения оркестром музыкального фрагмента и рекомендация должна быть воспринята максимально точно и быстро, слова не должны мешать оркестрантам продолжать музыкальную фразу, рекомендации звучат часто параллельно с исполняемым музыкальным фрагментом. Побуждение выражается различными формами:

- глаголами в императиве (...*blühen Sie auf!* ...*führen Sie!* ...*jetzt singen Sie!* ...*drücken Sie nicht!*);
- формами императива с включенным первым лицом множественного числа, которые обозначают призыв к чему либо, а не приказ. Е. И. Шендельс описывает эту форму как *inclusive erste Person Plural*, которая «...bezeichnet nur eine Einladung, einen Aufruf, keinen direkten Befehl» [Шендельс, 1988, с. 80–81], например: *Gehen wir ein bisschen weiter!* ... *können wir...! Lassen wir...* (форма вежливого призыва с глаголом *lassen*, согласно теории И. Д. Молчановой [Молчанова, 1983, с. 55]);
- инфинитивом первым с семантикой побуждения и формами настоящего времени, которые также относятся различными специалистами к полю побуждения – «das Feld der Aufforderung» [Buscha, 1998; Шендельс, 1988; Молчанова, 1983], например: ...*sehr intensiv spielen!* ... *jetzt können Sie anziehen!* *Nicht drücken! Nicht boxen!* (Georg Solti).

Императивная составляющая считается и в существительных, которые вне контекста императивной семантикой не обладают: *Echo! Legato!*, в прилагательных и итальянских музыкальных терминах в наречном употреблении: *leichter, sanfter! piano! nicht totes piano, marcato! pizzicato! nicht crescendo! und jetzt zurück!*¹

Употребление большого количества прилагательных в сравнительной степени объясняется реакцией на уже исполненную музыкальную фразу и рекомендацией дирижера исполнять еще *легче, громче, нежнее* и т. д. Побудительная функция выполняется, так как рекомендация служит стимулом к действию – повторному исполнению.

¹О звуке. – Прим. – А. Н.

3. Говоря об императивной модальности речи, мы не можем не упомянуть о *маркерах категории вежливости в речи дирижера*. Безусловно, вежливость (в бытовом, а не научном ее понимании) является субъективной характеристикой и часто зависит от типа личности коммуникантов, их культурного фона. В. И. Карасик в своем исследовании дискурсивных модусов личности отмечает, что «когнитивно-дискурсивный подход к изучению коммуникации включает выделение типов личности на основании характерного для личности дискурса. <...> Значимой для раскрытия личности является ее профессиональная активность» [Карасик, 2014, с. 25–26].

Категория вежливости не является нашим основным предметом изучения, но в контексте исследования требует определенного внимания: М. Ю. Рябова подчеркивает, что постулаты вежливости – важное требование успешности коммуникации, «сообщение должно быть вежливым, тактичным и т. д.). Признак вежливости в коммуникации является, очевидно, одним из важнейших» [Рябова, 2016, с.132].

Несмотря на то что высказывания дирижеров субъективны и зависят от множества факторов, они обнаруживают классические маркеры категории вежливости:

- лексические единицы, смягчающие высказывание: *bitte, bitte schön, Entschuldigen Sie mich!*
- деминутивы: *nicht ganz, ein bisschen;*
- дипломатический конъюнктив (реже): *...könnten Sie bitte;*
- развернутые высказывания: *Oh, nein, nein! Es klingt nicht ganz klar. Entschuldigung! Bitte! missverstehen Sie mich nicht! (Georg Solti)*

Относительно редкое употребление модальных глаголов, употребление эллиптических конструкций объясняются стремлением к экономии языковых средств и стремлением к более коротким формулировкам для повышения эффективности коммуникации.

Косвенным проявлением категории вежливости мы склонны считать также выбор дирижерами немецкого языка для общения с оркестрами. Несмотря на то что для всех цитируемых нами дирижеров немецкий язык не является родным, выбор совершается в пользу именно немецкого языка, так как адресаты дирижера – немецкоязычные оркестры (Der Sinfonieorchester des Süddeutschen Rundfunks, Die Berliner Philharmoniker, Sechs Berliner Schulorchester, Das Radio-Sinfonieorchester Stuttgart des SWR).

Отметим, что каждый цитируемый дирижер владеет немецким языком на уровне, достаточном для ведения профессиональной коммуникации и объяснения тонкостей исполнения.

4. Четвертой особенностью коммуникации дирижера с оркестром является *диалогичность музыкального дискурса*. Это понятие диалогичности восходит к теории М. Бахтина, согласно которой различные тексты согласуются друг с другом и вступают в диалог между собой: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом» [Бахтин, 1979, с. 120]. В работах современных исследователей диалогичность понимается по-разному, в частности помимо взаимодействия текстов между собой (часто понимаемая как внешняя диалогичность или интертекстуальность), исследуются маркеры обращенности (или адресованности) текста на внутритекстовом уровне (что часто понимается как внутренняя диалогичность). В качестве рабочего определения диалогичности мы приводим слова Л. Р. Дускаевой. Несмотря на то, что автор сконцентрирован на изучении публицистических текстов, ее определение диалогичности носит универсальный характер: «Диалогичность – это выражение в речи взаимодействия двух или нескольких смысловых позиций, многоголосия общения с целью достижения эффективности коммуникации в той или иной сфере общения. Это фундаментальное для газетных текстов свойство, помимо аспекта адресованности, включает аспект ответственности и присуще не только диалогическим текстам (типа интервью) и межтекстовым единствам (в виде диалога текстов), но и внешне монологическим публикациям (в виде внутримонологической диалогичности)» [Дускаева, 2004, с. 10].

Общение дирижера с оркестром по формальным признакам можно назвать диалогом, но с учетом ряда особенностей. М. Я. Блох утверждает, что «речь, нацеленная на вызов реплики, <...> есть составная часть диалога, который может состояться, а может и не состояться, если такова воля собеседника» [Блох, 2008, с. 3]. Таким образом дирижер высказывает *просьбу, требование, рекомендации*, свою точку зрения на то, как должен быть исполнен фрагмент произведения (происходит вызов «реплики»), затем следует невербальный ответ оркестра – оркестр исполняет обозначенный фрагмент, далее снова следует реакция дирижера – согласие / несогласие на исполнение, дополнительная рекомендация, сформулированные вербально и т. д. Каждый из коммуникантов (а музыкантов оркестра мы в данном случае условно объединяем в единое целое и оркестр выступает как адресат) пользуются одновременно двумя разными семиотическими системами: дирижер-адресант выражает свое мнение вербально, используя ЕЧЯ, оркестр в целом и каждый оркестрант в частности – только исполнением на инструменте. *Первой*

особенностью рассматриваемого диалога является диалог с использованием двух семиотических систем. Коммуникацию можно назвать успешной, поскольку обеим сторонам используемые языки общения понятны. Второй особенностью коммуникации является тот факт, что дирижер может перейти на язык оркестра. Реализация такого перехода возможна в нескольких вариантах кодирования произносимого текста. Так, дирижер напевает фрагмент, имитируя звучание оркестра: *ta-ri-ra-ro-riiii... (Georges Pretre) i-pa-pa-pam, Je-ti-ti-ti-ti-ti (Sir Georg Solti)*. Имитацией слогами дирижер показывает необходимые характеристики звучания. Подбор слогов в такой ситуации неслучаен. Например, гласные звуки в начале слога, произнесенные с твердым приступом, смычно-взрывные звуки демонстрируют атаку звука (первоначальный импульс звукоизвлечения), гласные в конце слога демонстрируют кантиленность (певучесть), отрывистое / слитное произнесение слогов аналогично видам штрихов (стаккато / легато, нон-легато, т. е. способу звукоизвлечения) и др.

Дирижер также может напевать, называя ноты: *si-do-re-si, si-do-re-faaa... (Georges Pretre)*. Прагматический аспект такой имитации звучания оркестра может отличаться от слоговой имитации тем, что демонстрирует конкретный нотный фрагмент, показывает динамику (силу звука), темп, акцентулируемые ноты в данном фрагменте, а также, как и в первом случае, штрихи. Отметим, что такое прагматическое разграничение является только тенденцией и выбор способа имитации звучания часто зависит от интенции дирижера.

В рамках предлагаемой коммуникативной ситуации оркестр не может перейти на язык дирижера, т. е. развернутые вопросы вербально не формулируются (это возможно в отдельных случаях, дискуссии в формате «всех участников со всеми» в формате открытой репетиции не возникает). Несмотря на одновременное использование двух знаковых систем диалог реализуется, а диалогичность обеспечивает смысловую связность дискурса и его глобальное содержательное единство через взаимное понимание участников коммуникации: Die Dialogizität, welche „Zweiseitigkeit der Redetätigkeit als Gesamteinheit von Prozessen des Sprechens, d-h der Versprachlichung unserer Gedanken, Gefühle, Wünsche usw. und der Prozesse des Verstehens des Versprachlichten „ widerspiegelt (прив. по: [Kazanceva, 2005, с. 202–203]).

Третьей особенностью диалогичности текста, произносимого дирижером, является вариативность форм существования адресата – проблема, рассматриваемая нами в следующем разделе.

Коммуникативная реализация адресата

Проблема адресата в ситуации общения дирижера и оркестра на репетиции представляется многоуровневой. При формальном подходе можно выделить две стороны коммуникации – дирижера и оркестр, однако в процессе репетиции дирижер может обращаться:

- 1) к оркестру в целом;
- 2) к отдельным оркестровым группам;
- 3) к отдельным музыкантам, в особенности, в процессе репетиции сольной партии того или иного инструмента.

Таким образом, в процессе коммуникации происходит многократная смена форм проявления адресата: в формате моноадресата (когда оркестр выступает как единое целое), в формате полиадресата (оркестр состоит из множества музыкантов, одновременно слушающих дирижера, одновременно ему «отвечающих» или же полиадресата, который складывается из нескольких оркестровых групп, а также из нескольких музыкантов оркестровой группы) или наличие моноадресата как одного солирующего музыканта.

В зависимости от переключения режима общения (с поли- или моноадресатом) вербализуется и обращение:

Herren Cellisten haben mich ein bißchen missverstanden. Ich meine nicht akzentuieren!
Fagotte, nicht boxen, nicht boxen!
Meine Herren!
Die erste und die zweite Violine
die erste und die zweite Geige!
Kann ich die Pausanen bitten... (Sir Georg Solti)

Многоуровневость проблемы адресата проявляется также и в понимании глобального конечного адресата – публики. В данном случае можно рассматривать также два формата – в условиях открытой репетиции / просмотра опубликованной записи репетиции – в зрительном зале присутствуют слушатели, к которым косвенно обращен и произносимый дирижером текст (он понятен публике), и ответные «реплики» оркестра – исполняемая музыка. В данном случае мы говорим о тексте на ЕЧЯ и озвученном нотном тексте, как о двух семиотических системах, которые доступны для понимания зрителю / слушателю как глобальному адресату. Обе семиотические системы, в которых кодированы тексты музыкального дискурса, направлены, таким образом, глобально на слушателя в зале.

При более широком взгляде на проблему коммуникации между дирижером оркестра и оркестром коммуникативную ситуацию можно

условно представить в виде двухуровневой схемы. Ядро коммуникации составляют дирижер и оркестр, которые используют в своем общении тексты разных семиотических систем и выступают в роли медиатора между композитором и публикой. Таким образом на второй, периферический уровень выходят глобальный адресант – композитор и глобальный адресат – публика в зале.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коммуникация дирижера с оркестром в процессе репетиции характеризуется диалогичностью, где на реплики дирижера следует ответ оркестра в виде исполнения музыкального фрагмента, таким образом участниками коммуникации используются две разные семиотические системы – ЕЧЯ, а также и прочитанный, и исполненный нотный текст. При этом дирижер может использовать «язык оркестра» – напевать слоги или, называя ноты, петь музыкальную фразу, читать, называя ноты, чего оркестр сделать не может. Язык дирижера представляет собой сложное явление – в основе языка дирижера – комплекс разных знаковых систем: ЕЧЯ, язык жестов, язык профессиональных жестов (для обозначения размера, ритма, звукоизвлечения), однако в рамках данной статьи в фокусе внимания находились только две системы – язык дирижера и исполняемые нотные фрагменты. Реплики дирижера и музыкантов оркестра кодированы разными

семиотическими системами, при этом коммуникация признается состоявшейся и успешной, поскольку участники коммуникации владеют обеими системами знаков – естественного человеческого языка и системой нотной записи.

Дискуссия в формате открытой репетиции вербально не оформляется. Таким образом дирижер обладает большим арсеналом используемых знаковых систем. Музыкантами вопросы на ЕЧЛ могут быть сформулированы в личной беседе, возможны уточняющие вопросы, но их редкое наличие не позволяет говорить о наличии полноценной вербальной дискуссии между всеми участниками коммуникации.

Отношения коммуникантов ассиметричны и относятся к субординативному типу, процесс коммуникации характеризуется наличием многоуровневого полиадресата – музыканты оркестра, оркестровые группы и глобальный адресат – слушатели в зале.

Отдельным вопросом остается позиция наблюдателя – зрителя, который присутствует на репетиции или который смотрит репетицию в записи. Коммуникативная ситуация предполагает, что зритель как конечный адресат должен владеть всеми используемыми средствами общения музыкантов – расшифровывать все наличествующие в музыкальном дискурсе семиотические системы, а не только доступную и вербально оформленную речь дирижера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2014.
2. Kazanceva J. M. Von der Textgrammatik zur Diskursgrammatik // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch GUS 2005. Bonn: DAAD, 2005. S. 199–212.
3. Ноздрина А. С. О некоторых структурных особенностях музыкального дискурса // Германистика 2020: nove et nova: материалы Третьей международной научной конференции. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. С. 71.
4. Фадеева Г. М. О понятии «вневременной (сквозной) дискурс» на материале «Максим и рефлексий» И. В. Гёте // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы Второй международной конференции. Москва, 16–17 октября 2014 года. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. Ч. II. С. 608–616.
5. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77. DOI: 10.22363/2312-9182-2016-20-4-56-77
6. Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1988.
7. Молчанова И. Д. Трудности немецкой грамматики в упражнениях – Для изучающих немецкий язык. М.: Высшая школа, 1983.
8. Buscha J. u.a. Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene. Verlag für Deutsch, 1998.
9. Карасик В. И. Дискурсивные модусы личности // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы Второй международной конференции. Москва, 16–17 октября 2014 года. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. Ч. I.
10. Рябова М. Ю. Категория вежливости в этикетной коммуникации: семантика извинения // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 131–138. doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.131
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

12. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь: Издательство Пермского университета, 2004.
13. Блох М. Я. Фактор слушающего в диалогической и монологической речи // Вестник НВГУ. 2008. № 4. С. 3–7.

REFERENCES

1. Chernyavskaya, V. E. (2014). Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa = Text linguistics. Discourse linguistics. Moscow: Lenand. (In Russ.)
2. Kazanceva, J. M. (2005). Von der textgrammatik zur diskursgrammatik. Bonn: Das Wort. Germanistisches Jahrbuch GUS.
3. Nozdrina, A. S. (2020). O nekotorykh strukturnykh osobennostyakh muzykal'nogo diskursa = About some structural features of musical discourse. In Germanistika 2020: nove et nova (p. 71): Proceedings of the Third international scientific conference. Moscow: MSLU. (In Russ.)
4. Fadeeva, G. M. On the notion of extra-temporal discourse: "Maxims and reflections" by J. W. Goethe. In Diskurs kak social'naja dejatel'nost': priority i perspektivy (part II, pp. 608–616): Proceedings of the second international scientific conference. Moscow: MSLU. (In Russ.)
5. Karasik, V. I. (2016) Diskursivnoe proyavlenie lichnosti = Discourse Manifestation of Personality. Russian Journal of Linguistics, 20(4), 56–77. (In Russ.)
6. Schendels, E. I. (1988). Morphologie, Syntax, Text. Moscow: Vysshaya shkola.
7. Molchanova, I. D. (1983). Schwerpunkte der deutschen Grammatik. Moscow: Vysshaya shkola.
8. Buscha, J. u.a. (1998). Grammatik in Feldern. Ein Lehr- und Übungsbuch für Fortgeschrittene. Verlag für Deutsch.
9. Karasik, V. I. (2014). Diskursivnye modusy lichnosti = Discourse modes of personality. In Diskurs kak social'naja dejatel'nost': priority i perspektivy (part I): Proceedings of the Second international scientific conference. Moscow: MSLU. (In Russ.)
10. Ryabova, M. Yu. (2016). The category of politeness in etiquette communication: semantics of apology. Vestnik of Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 3, 131–138. (In Russ.)
11. Baxtin, M. M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva = [The] Aesthetics of Verbal Art, (Russian). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
12. Duskaeva, L. R. (2004). Dialogicheskaya priroda gazetnykh rechevykh zhanrov = Dialogical nature of newspaper speech. Perm: Perm University. (In Russ.)
13. Blokh, M. Ya. (2008). Faktor slushayushhego v dialogicheskoy i monologicheskoy rechi = Listener factor in dialogic and monologic speech. Vestnik NVGU, 4, 3–7. Nizhnevartovsk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ноздрина Анастасия Станиславовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка

Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nozdrina Anastassija Stanislavovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of the German Language

Moscow State Institute of International Relations (University)

Статья поступила в редакцию
одобрана после рецензирования
принята к публикации

04.09.2023
16.10.2023
02.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Визуально-ассоциативное цветовое восприятие гласных русского языка

Р. К. Потапова¹, В.В. Потапов², Н. Д. Померанцев³

^{1,3}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹RKpotapova@yandex.ru, ²Volikpotapov@gmail.com, ³nicetes@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения визуальных цветовых ассоциаций для гласных русского языка (разработка программного комплекса для автоматизированного фоносемантического анализа текстов). Предложена технология автоматизированного определения цветовых характеристик различных текстов с помощью компьютерной программы (язык программирования Python 3) на основе экспериментальных данных, полученных в результате проведения ассоциативного (фоносемантического) эксперимента. Результаты исследования могут быть использованы как для анализа и модификации любых текстов с целью создания более ярких ассоциаций у различных целевых групп читателей, так и в области своего рода «регулирования» речевого эмоционального воздействия на реципиента (слушающего или читающего).

Ключевые слова: фоносемантика, ассоциации, звуковой символизм, цвет, звук, анализ текстов, язык программирования Python 3, русский язык

Для цитирования: Потапова Р. К., Потапов В. В., Померанцев Н. Д. Визуально-ассоциативное цветовое восприятие гласных русского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 80–88.

Original article

Visual-Associative Color Perception of Russian Vowels

Rodmonga K. Potapova¹, Vsevolod V. Potapov², Nikita D. Pomerantsev³

^{1,3}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

¹RKpotapova@yandex.ru, ²Volikpotapov@gmail.com, ³nicetes@gmail.com

Abstract. The article examines the problem of determining visual color associations for vowels of the Russian language (development of a software package for automated phonosemantic analysis of texts). A technology is proposed for automated determination of color characteristics of various texts using a computer program (written in Python 3) based on experimental data obtained as a result of an associative (phonosemantic) experiment. The results of the study can be used both for the analysis and modification of any texts in order to create more vivid associations among various intended audiences, and in the field of, as it were, “regulation” of speech emotional impact on the recipient (listening or reading).

Keywords: phonosemantics, associations, sound symbolism, color, sound, text processing, Python 3 programming language, the Russian language

For citation: Potapova, R. K., Potapov, V. V., Pomerantsev, N. D. (2023). Visual-associative color perception of Russian vowels. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 80–88.

INTRODUCTION

In the past few decades, researchers around the world have been showing growing interest in the problems of sound symbolism.

Observing the languages and colloquial speech of various peoples of the world, scientists have recorded a number of phenomena that require further practical research and scientific comprehension. It turned out that the results obtained cannot be explained solely within the framework of such traditional linguistic disciplines as phonetics or semantics; it was for the understanding and further research of the discovered phenomena that phonosemantics, a new direction of linguistic science, has been founded.

In the USA, at the beginning of the last century, the first publications by linguists and anthropologists Stanley Newman and Edward Sapir appeared, in which they studied the associations between sounds perceived by ear and other senses ("sound-imagery"). The two linguists and anthropologists conducted a series of experiments in which they were able to determine the relationship between some parameters of perception and association of individual sounds [Sapir, 1929; Newman, 1933]. In his works, E. Sapir also outlined a certain scientific methodology for setting up, conducting and analyzing the results of psycholinguistic experiments.

The humanization of scientific knowledge in the 60s of the last century led to the blurring of distinction between various fields of science and introduced psychological experiment and statistical analysis into linguistics. In the middle of the last century, interest in studying the mechanisms of psychological perception and interpretation of the sound side of speech increased sharply.

In the circles of Russian linguists, the topic of the connection between sound and meaning of words arose approximately in the 70s of the twentieth century. These issues were studied by S.V. Voronin, V.V. Levitsky, A. P. Zhuravlev, I. N. Gorelov and others. They compartmentalized views on a little-studied area and brought a sufficient amount of scientific argumentation and experimental data into it.

One of the first to study this phenomenon was S.V. Voronin, who was the first to distinguish phonosemantics as a new separate research area of linguistics. After defending his doctoral thesis on the topic "Fundamentals of Phonosemantics," he convincingly proved the existence of an objective connection between the psychological perception of sound and meaning. He also formulated and substantiated the principle of the "dual nature of the linguistic sign"; he made a significant amendment to the so-called "principle of arbitrariness" by F. de Saussure [Saussure,

1931]. S.V. Voronin also formulated the basic laws of the formation and evolution of a linguistic sign; he also developed a method of phonosemantic analysis, in which the main objective criteria for determining sound imagery were formulated.

S. V. Voronin identified and formulated the concept of "phonotype" as the main category of phonosemantics, and also introduced the concept and defined the nature of "syncinestemy", one of the basic terms of phonosemantics.

The main objective of phonosemantics as a science was defined by S.V. Voronin as the study of sound imagery as a necessary, essential, repeating and relatively stable involuntary phonetically motivated connection between the phonemes of a word and the attribute of the denotative object that is the basis of the name [Воронин, 1982].

Linguist A.P. Zhuravlev also made a great contribution to the study of the emotional and psychological impact of sounds on humans. The results of his work had a strong influence on the views of many linguists and determined the main directions of phonosemantics development in our time. He became one of the first creators of phonosemantic analysis of texts and formulated the methodological basis for conducting phonosemantic experiments. A.P. Zhuravlev conducted a large number of experimental studies and came to the conclusion that *speech sounds are informative and meaningful*. He divided the concepts of the *phonetic meaning of a word* and its equivalent, the *lexical meaning of a word* [Журавлев, Орлов, 1971; Журавлев, 1991].

Currently, the term "sound symbolism" is used to denote the above-mentioned "emotional associations with sounds" or to denote the connection between sounds and the sensations of listeners or speakers. Sound-color correspondences represent a special aspect of the symbolism and sensations of sounds. According to R. Jakobson, "color associations" exist only for vowel sounds: vowel sounds cause color associations, while consonants are black and white [Jakobson, 1962].

THEORETICAL UNDERPINNING AND METHODOLOGY OF SOUND SYMBOLISM VOWELS AND THEIR CORRESPONDING COLORS

The use of color terminology in relation to the associative "sound-symbolic" perception of vowels can be traced back to R. Jakobson [Jakobson, 1962], who pointed out the pattern of color associations in people with synesthesia syndrome, or "color hearing", revealing close connections between vowels /o/ and /u/ with darker shades, /e/ and /i/ with brighter colors

and the vowel /a/ with red. Assuming the existence of associative color perception of vowels in the majority of people, R. Jakobson proposed studying synesthetic associations between phonemic features and color attributes in order to get an insight into the perceptual aspects of speech sounds [Jakobson, 1962]. Subsequently, various national and foreign scientists working in this direction developed a number of effective techniques. For example, experiments were conducted to study sound and color associations among speakers of various languages of the world.

The mechanics of pronouncing speech sounds are well described by G. N. Ivanova-Lukyanova. The human vocal resonator is not homogeneous, and its different parts produce different sounds: the back of the vocal resonator produces low-pitched sounds, and the front one produces high-pitched sounds. Thus, sounds are conventionally divided into low- and high-pitched. When the tongue is pulled back and the front part of the resonator is free, low sounds are formed. When the tongue approaches the teeth and the back of the resonator is free, high-pitched sounds are formed [Иванова-Лукьянова, 1966, с. 137–138].

According to the same author, when perceived by the majority of recipients, high sounds cause light sensations, and low sounds, on the contrary, cause dark ones. There is also a differentiation of vowel sounds into flat sounds – rounded (or labialized) sounds – and simple sounds. The vowel sounds /o/, /y/ are considered rounded. Rounded sounds are perceived as darker, deeper, heavier and rougher than simple sounds. Based on studies of sound symbolism, it is concluded that high-pitched (light) sounds are contrasted with low-pitched (dark) ones. Therefore, labialized sounds create a sense of weight, depth and width.

In addition, according to modern neurophysiology, a human being first perceives intonations and phonemes as a sound wave, and then recognizes the meanings of words, due to which the effect of synesthesia occurs in varying degrees of its manifestation [Узнадзе, 1966; Gussenhoven, 2004; Parise, Pavani 2011; Ramachandran, 2001];

PHONSEMANTIC ANALYSIS OF TEXTS

In the early twentieth century, R. O. Jacobson, L. P. Yakubinsky, V. M. Zhirmunsky, Yu. N. Tynyanov, when studying the sound organization of verses, developed and proposed a phonosemantic analysis of the poetic text. Since the second half of the twentieth century, this concept has been developed by researchers of phonosemantics, taking into account the achievements of computer science and

computer technology. Nowadays, many researchers are studying issues related to the phonosemantics of belles-lettres. Researchers, writers and poets see two main types of associative¹ meaning in sounds, that is, color and emotional-evaluative semantics. They highlight the dominant role of sound visualization in poetry, noting the interconnection of the levels of a work.

Fundamental and theoretically important for our research is the thesis that a text, organized appropriately taking into account its sound, is capable of causing predictable and controllable reactions and judgments [Воронин, 1982; Журавлев, 1974; Левицкий, 1998; Шляхова, 2003; Ahlner, Zlatev, 2010; Bergen, 2004; Hinton, Nichols, Ohala, 1994; Holland, Wertheimer, 1964; Kovic, Plunkett, Westermann, 2010].

RESEARCH METHOD

Well-known methods of phonosemantic research are based on numerous facts of sound imagery in its own way, repeatedly noted by various scientists throughout the history of the development of linguistics. In the process of observing language and speech material, scientists recorded phenomena that clearly indicated the existence of relationships and required theoretical understanding, but it was not possible to find explanations within classical phonetics or semantics, which was one of the reasons for the emergence of a “cross-disciplinary” area of *phonosemantics*.

S. V. Voronin developed the main method of experimental scientific research of the phenomenon of phonosemantics. He formulated the foundations of the method of phonosemantic analysis (PhSA), when various phonemes, words and entire fragments of text are analyzed, in which the same algorithms determine the presence or absence of additional associations in people, caused not by the meaning, but precisely by the sound of individual words and sentences, as well as the correlation between sounds and associations. The author compiled glossaries of “sound words” for various languages of the world. Then the scientist analyzed the experimental data obtained; then he created a “classification of linguistic units” (he adopted a classification of all words in the text into two large subclasses: “onomatopoeic (onomatopes)” and “sound-symbolic”.

¹Adj. “associative” from “association” (from the Latin “association” – connection) is a property of thinking, which consists in the potential of the emergence of new thoughts and images by analogy with existing ideas. Сагатовский В. Н. Философия антропокосмизма: авторский словарь. URL: <https://terme.ru/termin/associativnost.html> (date of access: 02.08.2023).

As noted earlier, in the 20–30 s of the 20th century, the study of sound symbolism rounded out to include the knowledge and experience of related scientific disciplines, in particular, *psycholinguistics*, *statistics and computer modeling*, and *artificial intelligence* in our days. At the origins of the experimental study of the phenomenon of sound imagery stood the American scientist E. Sapir [Sapir, 1929]. Later his technique was improved by S. S. Newman [Newman, 1933] and M. Chastaing [Chastaing, 1964].

EXPERIMENT

The preparation of this work involved the method of psycholinguistic experiment and subsequent processing of the obtained phonosemantic data, using a computer program. The purpose of the experiment was to study the phenomenon of phonosemantics of vocalism in the Russian language as perceived by native speakers of the modern Russian language. The experiment consisted of four stages: determining the “phonosemantic color” of vowel sounds; determining the emotional evaluation of sounds; associations with natural phenomena; and associations with geometric shapes. The experiment we conducted implied a significantly wider associative set for use by the subjects, in contrast to A. P. Zhuravlev’s experiment. In addition to assessing the color and emotional effect, the subjects recorded associations between speech sounds and natural phenomena, as well as geometric figures (shapes).

A. P. Zhuravlev conducted experiments to determine the color perception of vowel sounds by people, using three methods: method No. 1: free choice by participants of shades of color associations; method No. 2: choosing from seven “basic” colors (red, orange, yellow, green, light blue, dark blue, violet); method No. 3: choosing from a limited number of cards in various shades of base colors.

Each of these methods has its pros and cons. Method No. 1 allows the subject to freely choose a color without limiting it, but the disadvantage is that people can call the same shade differently. As for methods No. 2 and No. 3, they have a number of significant limitations and do not allow the person being surveyed to reflect their color sensations as accurately as possible, which could lead to the obtaining of not dependencies about the correspondence of colors and shades with certain speech sounds, but rather reduced dependencies of sounds speech only from the proposed colors and shades, which may not fully reflect the depth of the subjects’ perception. However, despite the differences in the experimental conditions, in all three experiments by A.P. Zhuravlev, the main

identified associations of correspondences between colors and sounds, with known approximations, coincided [Журавлев, 1974].

In conducting a survey¹ of subjects, we decided not to limit participants in choosing only “basic” associative colors; participants were offered the opportunity to choose one of nine colors (7 “basic” colors of the spectrum visible to the eye + “white” and “black” colors), as well as the opportunity to indicate their own, “free” version of the color shade.

In our experiment, we obtained results that confirm the existence of a number of associative patterns in the color perception of sounds. The greatest agreement between participants was observed in associations with the “vividly” colored sounds “А” (/a/) and “Я” (/j’a/). More than 50% of participants labeled these sounds as “red” or various shades of red. The assessments of the participants in our experiment almost exactly coincide with the results of experimental studies by A. P. Zhuravlev (1974) and G. N. Ivanova-Lukyanova (1966).

More details about this experiment can be found in our article [Потапова, Потапов, Померанцев, 2022].

Fig. 1. The “spectra” of vowel sounds obtained in the experiment

DESCRIPTION OF THE COMPUTER PROGRAM ALGORITHM

We have developed and tested a small computer program that colors vowels in lines of text in the colors of the most likely associations among the test participants, with a cutoff based on the frequency of their repetition in order to reduce noise (binomial distribution). In other words, this program calculates the average colors of letters according to the proportions obtained from the responses of the subjects.

¹ Before starting the survey, participants were asked to concentrate on their perceptions, not to be distracted during the survey by any communication or external stimuli, to exclude logical reasoning when giving responses and to provide responses according to the first impression they received. If a participant found it difficult to answer any question, it was recommended to skip this question and leave it unanswered (the “no answer” option).

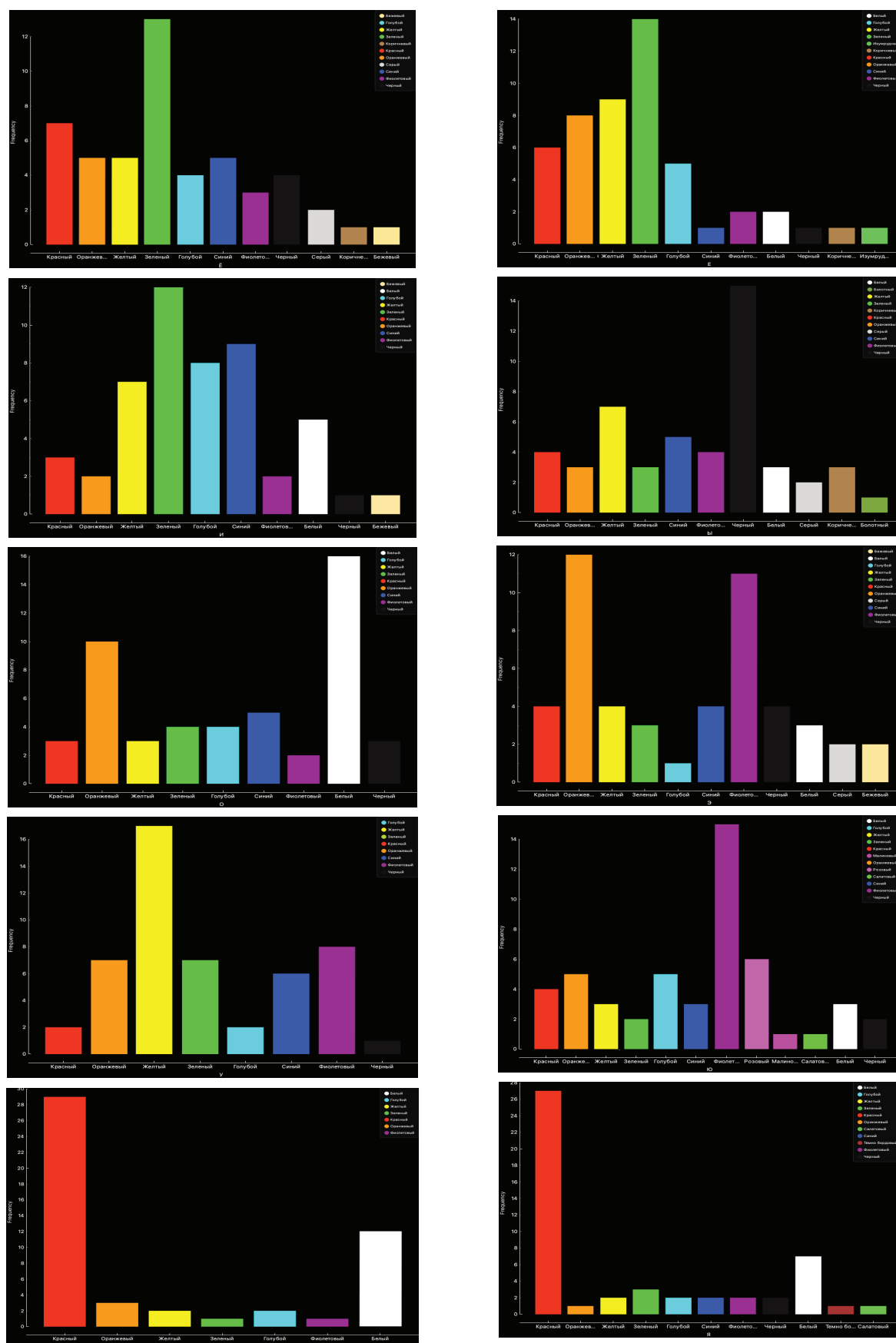

Fig. 2. Visualization of a line with vowels in alphabetical order

The left part of figure 2 shows all the responses of the subjects. If we remove the responses of subjects with a frequency of 8% and below (limiting the width of the peak of the mathematical expectation to 92% of repetitions according to the law of the binomial probability distribution of random variables), the colors become predictably significantly more saturated and vivid (the right part of the figure).

Stressed vowels and vowels at the beginning of words will be considered to be in the “strong position”, and all other vowels in the “weak position”. When processing texts, vowels in the “strong position” will be indicated with more vivid colors.

Vowels in strong positions are pronounced clearly, while weak ones are often reduced and their associative perception is much weaker. For example, the vowel sound “а” in a weak position can turn into “о”, “ы”, and in some cases can be perceived vaguely. At the same time, a vowel sound in a strong position is pronounced much louder and more clearly, and accordingly its perception is more confident.

PHONOSEMANTIC ANALYSIS OF BELLES-LETTRES TEXTS

Using the computer programs we created in the Python3 language, a test analysis of several excerpts of poetic works was performed, in which the poets, using the semantic meanings of the words used, quite clearly depicted the artistic and color associations of the landscape and the surroundings of the scenes described in the work.

Зимнее утро

...Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный –
Пора, пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

...

А. С. Пушкин¹ (1829)
("Winter morning" by A. S. Pushkin, 1829)

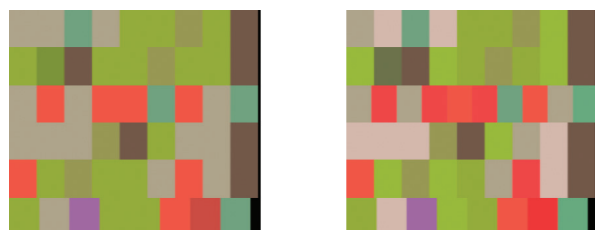

Fig. 3. Visualization of the lines of the poem “Winter morning”

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 2. С. 379–383.

Осень

...Октябрь уж наступил – уж роща отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезд поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы...

А. С. Пушкин (отрывок)², 1833
(excerpt from “Autumn” by A.S. Pushkin, 1833)

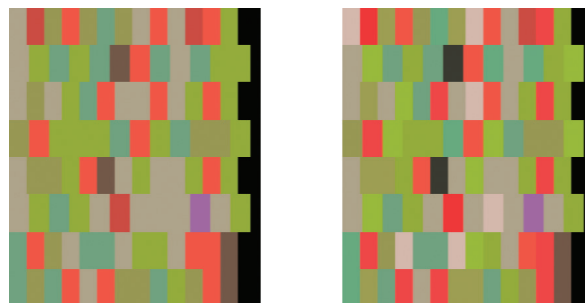

Fig. 4. Visualization of the lines of the poem “Autumn”

Частотность гласных в порядке убывания:

о: 10.08%
е: 9.66%
а: 7.14%
и: 6.30%
у: 5.88%
ы: 1.68%
я: 1.26%
ю: 0.42%
э: 0.00%
ё: 0.00%

Общее количество букв в тексте: 238
Количество гласных букв в тексте: 101
Общая частотность гласных: 42.44%

Fig. 5. Calculation of the vowel frequency in the poem “Autumn”

When studying the results of processing these two poems, one can notice that in a number of cases the palette of associated vowel colors quite predictably reflects the perceived range of colors in the description of the scenes in the poem. For example, in the poem “Autumn,” the associative presence of yellow, red and dirty green colors of fallen leaves, beige and brown colors of withered grass and earth, and the blue color of the frosty sky and ice in the diagram seem logical. One can also see that the first line contains more red than the other lines. When analyzing the frequency of vowels in this excerpt, an increased frequency of the vowel “y” was noted, which respondents often

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения. С. 183–184.

associated with the wind, which corresponds to the content of this text. In the poem “Winter morning”, the color and semantic associations of the scenes are not so clearly traced (although, perhaps, the poet addressed his phonosemantic associations to the female protagonist of the poem, the “beauty”, and not to scenes). However, we can see that there is no red in the first, second, and third lines, which creates a “visually calm palette.” Red color appears in the lines describing the action. According to the results of our experiment, the letter “a” turned out to be endowed with a pronounced property of activity.

The resulting diagrams clearly show rhymes, symmetrical and repeating sound sequences.

It is obvious that both the hypothesis of assigning associative colors based on the results of the experiment and the computer program require further improvement and extension of the experimental base. There are several assumptions on this topic that require verification:

- For example, a dictionary of words in the Russian language can be compiled, the sound of which correlates with their expected “color,” such as: leaf, tree, forest, sun, green, red.
- To understand the expected color, ontological analysis can be introduced.
- Supplement the software algorithm for assigning colors in terms of enlarging color zones at the location of such words. It is planned to add identification of indicative fragments of text to the program.
- The relationship between color and its emotional impact can also be analyzed. It seems interesting to build a correlation between color and emotions and color through vowels with groups of emotions. For example: the red sound “A” is active and vivid; most likely it can tell us about some action. And the white sound “O” can be associated with something larger, rounder and more passive.
- It would be interesting to conduct an experiment similar to the one described above with open/closed vowel sounds and analyze

their associative color perception in a fairly representative sample of subjects – native speakers from various social groups.

- Corpus-based studies of phonosemantics.
- Experimental study of the influence of individual perception of sounds and colors and their emotional associations.

CONCLUSION

This article discusses the development of a computer program for analyzing text for the distribution of vowels (letters in written speech / sounds in spoken language) in lines and associativity (coding) by their color. The basic idea is that vowel letters can be associated with specific colors, allowing a visual representation of the distribution of vowel letters in written text.

Despite a number of issues formulated above, which, in our opinion, require further research, our approach to this problem has shown that a computer program can be used for illustrative visualization of texts and their analysis.

As a result of the program development, users receive a convenient tool for express-analysis and visualization of the main associative colors of text, which can be useful both when creating and processing texts in various fields, such as linguistics, psychology, journalism, applied marketing, and when processing and coding large volumes of text data, etc.

The correct composition of texts, taking into account phonosemantics, is important for achieving maximum efficiency in the exchange of information and achieving the required emotional impact on the listener or reader. Also, the results of experiments with phonosemantic approaches can be useful in the field of psychology of both written and spoken language in assessing the *emotions* that arise when reading or listening to texts; this will help in subsequent processing and “fine-tuning the emotional state” in the text in order to “regulate” the emotional coloring and, as a result, to ensure a more effective impact and perception of texts by those both listening and pronouncing the spoken text.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sapir E. A study in Phonetic Symbolism // Journal of Experimental Psychology. June, 1929. No. 3. P. 225–238.
2. Newman S. S. Further Experiments in Phonetic Symbolism // American Journal of Psychology. 1933. P. 53–57.
3. Saussure F. de. Cours de linguistique générale. Paris: Payot, 1931.
4. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1982.
5. Журавлев А. П., Орлов Ю. М. Признаковое семантическое пространство русских гласных // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1971. С. 209–228.
6. Журавлев А. П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991.

7. Jakobson R. Selected writings: I. Phonological Studies. The Hague: Mouton, 1962.
8. Иванова-Лукьянова Г. Н. О восприятии звуков // Развитие фонетики современного русского языка. М.: Наука, 1966. С. 136–143.
9. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
10. Gussenhoven C. The Phonology of Tone and Intonation. Cambridge: Cambridge University, 2004. URL: http://assets.cambridge.org/9780521012003/frontmatter/9780521012003_frontmatter.pdf (дата обращения: 15.08.2023).
11. Parise C. V., Pavani F. Evidence of Sound Symbolism in Simple Vocalizations // Experimental Brain Research. 2011. No. 214 (3). P. 373–380.
12. Ramachandran V. S. Synaesthesia – a Window into Perception, Thought and Language // Journal of Consciousness Studies. 2001. No. 12. P. 3–34.
13. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1974.
14. Левицкий В. В. Звуковой символизм: Основные итоги. Черновцы: Черновицкий гос. ун-т, 1998.
15. Шляхова С. С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003.
16. Ahlner F., Zlatev J. Cross-modal Iconicity: a Cognitive Semiotic Approach to Sound Symbolism // Sign Systems Studies. 2010. No. 38 (1/4). P. 298–348.
17. Bergen B. K. The Psychological Reality of Phonaesthemes // Language. 2004. No. 80 (2). P. 290–311.
18. Hinton L., Nichols J., Ohala J. J. Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
19. Holland M. K., Wertheimer M. Some Physiognomic Aspects of Naming, or Maluma and Takete Revisited // Perceptual and Motor Skills. 1964. No. 19 (1). P. 111–117.
20. Kovic V., Plunkett K., Westermann G. The Shape of Words in the Brain // Cognition. 2010. No. 114 (1). P. 19–28.
21. Chastaing M. L'opposition des consonnes "sourdes" aux consonnes "sonores" a-t-elle une valeur symbolique? // Vie et Langage. 1964. Vol. 147. P. 367–370.
22. Потапова Р. К., Потапов В. В., Померанцев Н. Д. Фоносемантика и возможности ее современной интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 12 (867). С. 74–82.

REFERENCES

1. Sapir, E. (1929). A study in Phonetic Symbolism. Journal of Experimental Psychology, 3, 225–238.
2. Newman, S. S. (1933). Further Experiments in Phonetic Symbolism. American Journal of Psychology (pp. 53–57).
3. Saussure, F. de. (1931). Cours de linguistique générale. Paris: Payot.
4. Voronin, S. V. (1982). Osnovy fonosemantiki = Fundamentals of phonosemantics. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.)
5. Zhuravlev, A. P., Orlov, Yu. M. (1971). Priznakovoye semanticheskoye prostranstvo russkikh glasnykh = Feature semantic space of Russian vowels. Razvitiye fonetiki sovremennogo russkogo yazyka (pp. 209–228). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Zhuravlev, A. P. (1991). Zvuk i smysl = Sound and meaning. Moscow: Prosveshcheniye. (In Russ.)
7. Jakobson, R. (1962). Selected writings: I. Phonological Studies. The Hague: Mouton.
8. Ivanova-Luk'yanova, G. N. (1966). O vospriyatii zvukov = On the perception of sounds. Razvitiye fonetiki sovremennogo russkogo yazyka (pp. 136–143). Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Uzmadze, D. N. (1966). Psikhologicheskiye issledovaniya = Psychological research. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Gussenhoven, C. (2004). The Phonology of Tone and Intonation. Cambridge: Cambridge University. http://assets.cambridge.org/9780521012003/frontmatter/9780521012003_frontmatter.pdf (accessed on 08/15/2023).
11. Parise, C. V., Pavani, F. (2011). Evidence of Sound Symbolism in Simple Vocalizations. Experimental Brain Research, 214(3), 373–380.
12. Ramachandran, V. S. (2001). Synaesthesia – a Window into Perception, Thought and Language. Journal of Consciousness Studies, 12, 3–34.
13. Zhuravlev, A. P. (1974). Foneticheskoye znachenie = Phonetic meaning. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.)
14. Levitskiy, V. V. (1998). Zvukovoy simvolizm: Osnovnyye itogi = Sound symbolism: Main results. Chernovtsy: Chernovitskiy gosudarstvenniy universitet. (In Russ.)
15. Shlyakhova, S. S. (2003). Ten' smysla v zvuke: vvedeniye v russkuyu fonosemantiku = The shadow of meaning in sound: an introduction to Russian phonosemantics. Perm': Perm State Pedagogical University. (In Russ.)
16. Ahlner, F., Zlatev, J. (2010). Cross-modal Iconicity: a Cognitive Semiotic Approach to Sound Symbolism. Sign Systems Studies, 38(¼), 298–348.
17. Bergen, B. K. (2004). The Psychological Reality of Phonaesthemes. Language, 80(2), 290–311.
18. Hinton, L., Nichols, J., Ohala, J. J. (1994). Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Holland, M. K., Wertheimer, M. (1964). Some Physiognomic Aspects of Naming, or Maluma and Takete Revisited. Perceptual and Motor Skills, 19(1), 111–117.

20. Kovic, V., Plunkett, K., Westermann, G. (2010). The Shape of Words in the Brain. *Cognition*, 114(1), 19–28.
21. Chastaing, M. (1964). L'opposition des consonnes «sourdes» aux consonnes «sonores» a-t-elle une valeur symbolique? *Vie et Langage*, 147, 367–370.
22. Potapova, R., Potapov, V., Pomerantsev, N. (2022). Phonosemantics and its possible modern interpretation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 12(867), 74–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапова Родмонга Кондратьевна

доктор филологических наук, профессор
действительный член Международной академии информатизации
директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Потапов Всеволод Викторович

доктор филологических наук, старший научный сотрудник
Учебно-научного компьютерного центра филологического факультета
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Померанцев Никита Дмитриевич

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potapova Rodmonga Kondratyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Full Member of the International Informatization Academy
Director of the Institute of Applied and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University

Potapov Vsevolod Viktorovich

Doctor of Philology (Dr. habil.),
Senior Researcher of the Centre of New Technologies for Humanities
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Pomerantsev Nikita Dmitrievich

PhD student of the Department of Applied and Experimental Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	11.09.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	02.10.2023	
	02.11.2023	

Сферы-источники и специфика употребления концептуальной метафоры в медиатекстах

А. В. Романтовский¹, М. М. Шёнлебен²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹romantalex@gmail.com, ²slammi@mail.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка выявить и оценить некоторые закономерности языка СМИ в целях их последующей систематизации. В качестве предмета анализа были использованы тексты социальной тематики российских общественно-политических изданий с 2010 по 2020 год, единицами анализа стали концептуальные метафоры. В результате последующей интерпретации полученных данных была собрана информация для понимания специфики функционирования популярных сфер-источников современной концептуальной метафоры в текстах СМИ социальной тематики. Сделан вывод о мобильности концептуальной метафоры в рамках смежных сфер-источников.

Ключевые слова: метафора, медиадискурс, концептуальная метафора, сферы-источники метафоры, классификация концептуальной метафоры, пересечение сфер-источников метафоры

Для цитирования: Романтовский А. В., Шёнлебен М. М. Сферы-источники и специфика употребления концептуальной метафоры в медиатекстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 89–95.

Original article

Spheres-Sources and Specifics of Use of Conceptual Metaphor in Media Texts

Alexander V. Romantovsky¹, Magdalena M. Schoenleben²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹romantalex@gmail.com, ²slammi@mail.ru

Abstract. The article seeks to identify and evaluate most trending patterns of the media language with the aim of their systematisation. A number of media articles on social issues published in Russian media from 2010 to 2020 have been selected for the analysis, the units for the analysis were conceptual metaphors. As a result of the subsequent interpretation of the data obtained, some information for the systematization of the most common spheres-sources of modern conceptual metaphor in the media articles on social topics have been collected. The authors came to the conclusion that the conceptual metaphor flows between the spheres.

Keywords: metaphor, media discourse, conceptual metaphor, spheres-sources of metaphor, classification of conceptual metaphor, intersection of spheres-sources of metaphor

For citation: Romantovsky, A. V., Schoenleben, M. M. (2023). Spheres-sources and specifics of use of conceptual metaphor in media texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 89–95.

ВВЕДЕНИЕ

Современный медиадискурс насыщен концептуальными метафорами из разных сфер-источников. Поэтому в данном исследовании мы приняли попытку выявить и оценить некоторые закономерности языка СМИ в целях их последующей систематизации. Полученные данные можно использовать в частности, на занятиях по языку СМИ при обучении русскому языку как иностранному. Согласимся, что в этом смысле «современный медиатекст обладает мощным лингводидактическим потенциалом: анализ содержащихся в нем языковых явлений и приемов на уроке РКИ (русского как иностранного) помогает развивать у учащихся умения и компетенции, необходимые современному читателю» [Столетова, Шёнлебен, 2019, с. 406].

В качестве предмета анализа использовались тексты социальной тематики российских общественно-политических изданий, вышедших с 2010 по 2020 год, единицами анализа стали концептуальные метафоры. В результате последующей интерпретации полученных данных была собрана информация для систематизации популярных сфер-источников современной концептуальной метафоры в текстах СМИ социальной тематики. Сделан вывод о перетекании концептуальной метафоры между сферами-источниками.

Безусловно, выбор остросоциальной темы для создания медиатекста и удачная коммуникативная стратегия подачи содержания обеспечивают эффективность воздействия на реципиентов. В этой связи необходимо отметить, что при соотношении социального, когнитивного и собственно вербального измерений медиадискурса окажется, что когнитивный план служит своеобразным инструментом конвертации социального, тематического плана в вербальный. Иными словами, текстовое воплощение новостного события обретает медийную нетривиальность именно благодаря удачному отбору когнитивных метафор. Таким образом, даже заурядное событие способно вызвать резонанс, будучи представленным сквозь призму актуальных метафор.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В МЕДИАДИСКУРСЕ

Медиаасфера, оснащенная инновационными технологиями, продуцирует то, что сегодня принято называть «контентом», принимая во внимание свое значение поставщика социально значимых смыслов. Их релевантность определяется теми аксиологическими установками, которыми сопровождается

освещение событий, характеризуемых наличием острой социальной проблематики.

Рассмотрение особенностей функционирования концептуальной метафоры в современных публицистических текстах требует учета всех аспектов коммуникативно-когнитивного подхода в языкознании. В этой связи считаем необходимым отметить, что будет использоваться система координат, предлагаемая понятием «медиадискурс». Приведем весьма удачное, на наш взгляд, определение Т. Г. Добросклонской: «Медиадискурс – это функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2014, с. 182].

Коммуникация СМИ с аудиторией на сегодняшний день действительно является улицей с двусторонним движением – пользователи Сети активно обсуждают не только само событие, «упакованное» в новость, но и способы ее производства. Коммуникация дополняется метакоммуникативным измерением [Романовский, 2015], и в этой связи выбор концептуальной метафоры, в котором проявляется метаязыковая природа последней, оказывается критически важным. Иными словами, эффективность доставки сообщения адресату определяется не только обращением к социальной проблематике, но и правильным соотношением избранной темы с когнитивным планом декодирования сообщения реципиентом. И именно на этом этапе продуцирования медиатекста в полной мере раскрывает свой потенциал концептуальная метафора.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для исследования данного вопроса необходимо обратиться к комплексу методов, соответствующему междисциплинарному характеру современной научной парадигмы и особенностям языка СМИ. Эта методика включает в себя следующие компоненты:

- 1) собственно лингвистический анализ: лексический, синтаксический, семантико-стилистический (использование тропов и прочих стилистических приемов);
- 2) контекстно-функциональный метод;
- 3) метод дискурсивного анализа, опирающийся на концепцию дискурса и позволяющий установить взаимосвязь между интралингвистической и экстралингвистической сторонами текста;
- 4) метод лингвокогнитивного анализа, основанный на изучении концептуального

уровня медиатекстов, соотнесении способов интерпретации событий в медиа и выявлении тенденций в конвертации плана реальной действительности с помощью концептуальных метафор в вербально-смысловой план;

- 5) медиалингвистический метод, с помощью которого осуществляется анализ медиатекста с позиции таких его релевантных признаков, как способ его создания и трансляции, жанровый тип, тематическая направленность и т. п.

В нашей статье мы предлагаем классификацию сфер-источников концептуальных метафор в текстах СМИ и исследуем источники некоторых концептуальных метафор на примере конкретных статей. Эта методика является составной частью анализа медиатекста, и в сочетании с другими видами анализа дает возможность воссоздать целостность произведения как воплощение основной идеи. Интерпретация медиатекста, содержащего концептуальную метафору, является перспективной, так как в публицистическом дискурсе широко используются различные тропы в целях создания различного рода эффектов, в том числе иронического [Сластушинская, 2012].

АНАЛИЗ РЕЧЕВОГО МАТЕРИАЛА

Социальная сфера является богатым источником концептуальной метафоры (например, «война», «театр», «медицина» и т. п.), при этом она сама включает в себя метафоры из других сфер. Исторически можно выделить такие ресурсы появления метафоры в публицистических текстах, как война, медицина, театр и др. Кроме того, частым явлением становится одушевление, которое выражается с помощью метафор, пришедших из антропоморфной и зооморфной сфер. Язык СМИ постоянно обогащается, происходит перетекание концептуальных метафор из одной сферы в другую.

КЛАССИФИКАЦИЯ СФЕР-ИСТОЧНИКОВ

Одну из самых развернутых классификаций сфер-источников концептуальной метафоры предложил А. П. Чудинов. Она состоит из следующих крупных субсфер: «Человек», «Социум», «Природа», «Артефакты». «Социум» состоит из четырех разновидностей метафоры: криминальная, милитарная (военная), театральная, спортивная и игровая.

Нами были выделены продуктивные метафорические образы, которые встречаются в медиатекстах, посвященных социальной проблематике,

а также мы выяснили, из каких сфер с помощью метафоры структурируется современный публицистический дискурс.

АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СФЕР-ИСТОЧНИКОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Опираясь на предложенную А. П. Чудиновым классификацию сфер-источников концептуальной метафоры [Чудинов, 2001], мы остановились на полярных с точки зрения способов преобразования социальной системы сферах – войне и «игре» (театральной и др.).

Военная метафора

Не вызывает сомнений тот факт, что военная метафора занимает важное место среди концептуальных метафор в медиатекстах. Современная информационная среда изобилует образами, конкурирующими за массовое внимание. Сама трансляция медийных сообщений разными источниками оказывается информационной войной за аудиторию.

Проанализируем особенности функционирования отдельных фреймов военной субсферы на примере самых частотных метафор. Начнем с фрейма «Война и ее разновидности».

1. А в среду первый замминистра печати Михаил Сеславинский попросил министра экономического развития и торговли Германа Грефа *послать на антипиратский фронт* и подразделения госторгинспекции (*Известия*. 20.02.2003).

Комментируя данный пример с позиции конвертации планов медиадискурса, можем отметить, что военная метафора оказалась весьма уместной для подачи события борьбы с видеопиратством. Трактовка последнего в выбранном ключе позволяет продемонстрировать остросоциальный характер проблемы.

2. *Расширение фронта* преобразующих инвестиций – независимо от намерений различных его участников – неизбежно ведет к глобальному переделу экономической мощи и ресурсов (*Эксперт*. 15.04.2014).

В данном примере военная метафора удачно коррелирует с лексическим наполнением статьи. «Преобразующие» инвестиции, подаваемые в очень важном нарративе «реформирования, обновления» социальной жизни, получают высокий статус ударных войск в борьбе за улучшения.

Обратимся к фрейму «Организация военной службы».

3. В рядах криминальной полиции немецкой земли Тюрингия появился *злостный диверсант* – похититель туалетной бумаги (*Русский репортер*. 2013).

Из вышеприведенного примера видно, что употребление военной метафоры в ироническом контексте также оказывается эффективным. Несоразмерность плана когнитивной метафоры и описываемого события превращает тривиальное событие в комическое происшествие, в результате чего гораздо успешнее конкурирует за внимание читателей и порицает воровство.

4. На упомянутую пресс-конференцию прибыл *десант* из советников губернатора (организованный, надо полагать, их главой Сергеем Родионовым) и усиленный активным участием нового руководителя пресс-службы губернатора Романа Чуйченко (*Богатей (Саратов)*. 11.13.2003).

Употребление метафоры «десант», как было обнаружено, переводит событие пресс-конференции в разряд акта политической борьбы, что не только подчеркивает значимость произошедшего, но и повышает статус его участников, даже если в дальнейшем контексте они играют роли «плохих» политиков.

Делая общий вывод, необходимо сказать, что военная метафора занимает в арсенале экспрессивных языковых средств медиадискурса особое место. Ее семантическая и прагматическая ценность предстает обоюдоострой: с одной стороны, такая когнитивно-метафорическая конвертация события позволяет придать ему остросоциальный статус, повысить престиж его участников, с другой – оставляет простор для авторской иронии в отношении тривиального или дискредитируемого события.

Театральная метафора

Невероятную популярность приобретает традиционная для медийного дискурса театральная метафора. Считается, что она пришла в медиаязык из русской литературы. Возможно и так, но в последнее десятилетие ее использование способствует разделению двух антагонистских групп: гражданам отводится роль зрителей сатирического представления, а на «арене цирка» выступают «марионетки, которых за невидимые веревочки дергают кукловоды» в лице чиновников и законодателей, от кого зависит жизнь и благосостояние народа.

Согласимся с мнением А. П. Чудинова, который к театральной метафоре условно относит также цирковую, эстрадную, кинематографическую и иные подобные метафоры [Чудинов, 2001].

Рассмотрим примеры использования концептуальных театральных метафор в языке СМИ из разных фреймов.

1. Фрейм «люди театра». Очевидно, что гражданам в роли зрителей отводится пассивная позиция, во время представления в зале могут быть слышны смешки или возмущенные возгласы, однако напрямую вмешаться в развитие действия и повлиять на него зритель не может.

Здесь также есть переключки со спортивной и игровой сферами-источниками, поскольку при использовании слота «зрители» вне контекста нельзя утверждать, что речь идет именно о театральной постановке, а, кроме указанного, может быть и кинозритель, и зритель телеканала / телепередачи.

Эта роль выдвинула молодого артиста *в первые ряды*, заставила о себе заговорить, тем более, что почти одновременно он создал образ своего современника в пьесе А. Арбузова «Иркутская история», который стал как бы, знаменем этого времени (*Комсомольская правда*. 27.03.2007).

Разделение зрительного зала на секторы перешло в виде синекдохи в обиходную речь, где «галерка» – это люди, чье мнение не важно, а «первые ряды» – элита.

2. Пришедший из кино- и театральной действительности концепт «сценарий» прочно вошел в медиаязык. Под этим словом подразумевается «запланированное событие» или «один из вариантов развития событий».

Сопряжение «Меркурия» и маркировки ЦРПТ – наиболее вероятный сценарий, говорит один из них (*Коммерсант*. 20.12.2018).

По мнению господ Филиппа и Кастанера, правительство и полиция могут поздравить себя с тем, что не был воплощен в жизнь худший сценарий (*Коммерсант*. 08.12.2018).

3. Фрейм «вид театрального действия». Социальная сфера в СМИ в последнее время часто ассоциируется со зрелищным представлением именно сатирического толка. Неудивительно поэтому, что в лидерах по количеству использования остаются слоты «шоу, балаган, ярмарка, цирк» и т. п. Безусловным лидером здесь является понятие «балаган», которое вписывается в новый для него синонимический ряд «шоу, пиар, эртертеймент,

хайп». Интересно, как меняется эмоциональная окраска этого концепта, которое в наши дни воспринимается только как нечто отрицательное, противное, неприятное:

Но беда в том, что наш юбилей грозит превратиться в балаган (*Новая газета*. 23.11.2018).

Здесь также наблюдается параллель с использованием этого понятия для описания неудачных постановок в современном театре:

Мнения, правда, он о своей публике, похоже, невысокого – ей предлагается не фарс, но балаган, не сатира на большое кино, но «Аншлаг», который ассоциирует кино исключительно с «Сумерками» и Тарантино, так что шутит лишь о них (*lenta.ru*. 03.02.2017).

4. Наконец, к одному из важных фреймов можно отнести эмоции, катарсис, которые зритель получает в театре, реакцию на просмотренное в виде «оваций» и «бурных аплодисментов». Поразительно, насколько последний стал популярен и часто используется в значении «похвалы, поддержки, одобрения», но с ироническим оттенком.

Бурные аплодисменты Федуну за незаурядные аналитические способности. Но – непродолжительные... (*Советский спорт*. 15.06.2007).

Таким образом, можно говорить о том, что использование таких концептуальных метафор, как театральная и подобных, приводит к «геймификации» действительности, при которой важные и серьезные явления переводятся в план фантазийный, игровой, значимость событий нивелируется, они получают значение временности, ситуативности, а все участники предстают игроками или зрителями, а ведь это также временный статус. Частично здесь можно согласиться с ситуационистами (Ги Дебор и др.), которые считают, что современное состояние общества можно классифицировать как «общество спектакля», в котором СМИ создают новую обманчивую реальность и где любая информация становится товаром.

ИЕРАРХИЯ СФЕР-ИСТОЧНИКОВ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СМЫСЛОВОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ТЕКСТА МЕДИАДИСКУРСА

Распределение концептуальных метафор по субсферам-источникам, безусловно, продуктивно, поскольку позволяет разметить компактные группы явлений, используемых в когнитивном

пространстве. Однако не менее важно понимание роли метафор, носящих синкретичный характер или поднимающихся до уровня когнитивных универсалий.

Так, «победа» трактуется А. П. Чудиновым как элемент военной субсферы в составе слота «Начало и завершение военных действий». При этом очевидно, что «победа» имеет непосредственное отношение и к спортивным соревнованиям, и к игровой сфере как таковой. Такой статус метафорической универсалии позволяет считать, что употребление метафоры на основе понятия «победа» сигнализирует об иерархии приоритетов в социальной жизни, достижения в какой именно сфере оказываются достойными метафоры «победа».

Разберем пересечения сфер-источников в актуальном материале о подписании торгового экономического соглашения странами АСЕАН.

«Подписание соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП/RCER) является “победой” мультилатерализма и свободной торговли», – заявил сегодня премьер Госсовета КНР Ли Кэцян (*inosmi.ru*. 16.11.2020).

В данном примере юридический акт подписания международного соглашения в сфере экономики представляется политическим деятелем именно как «победа». Причем, кроме «свободной торговли» в поле ее действия попадает общеполитическое понятие «мультилатерализм». Приведенная концептуальная метафора синкретична с точки зрения сферы-источника и вполне конвертируема для перевода. Было обнаружено, что данная метафора вынесена в заголовок, а значит – занимает сильную позицию в коммуникативной стратегии текста.

Проследим наличие в последующих фрагментах, раскрывающих сущность события, использование концептуальных метафор иных сфер-источников. Попробуем выявить стратегическое значение их взаимодействия с заглавной метафорой для эффективной подачи новости.

...Зона свободной торговли, безусловно, придаст новый импульс развитию и процветанию в регионе, а также внесет вклад в восстановление и рост мировой экономики (*inosmi.ru*. 16.11.2020).

Как видно из цитаты, заглавная метафора «победы» дополняется в тексте метафорами физической и растительной, которые во взаимодействии разворачивают тему торгового-экономического события в ключе победы с благоприятными долгосрочными последствиями.

После восьми лет переговоров подписание соглашения о ВРЭП позволило пробиться *лучам света* и *про-блескам надежды сквозь темные тучи* нынешней международной обстановки (inosmi.ru. 16.11.2020).

В данном случае мы наблюдаем интересный пример употребления метафоры в политическом дискурсе, интегрированном в медиадискурс. Метафора действует в приведенном примере как фигура умолчания для обозначения неких политических факторов, являвшихся препятствием («темные тучи») для наступившего события, подаваемого как «луч света». Эти когнитивные метафоры, относящиеся к субсфере «Природа», с одной стороны, включают событие в заявленный нарратив «победы», а с другой – смягчают возможную конфликтность, максимально абстрагируясь от настоящей политической конкретики.

ВРЭП позволяет людям выбрать *путь* сплоченности и сотрудничества *при столкновении* с вызовами, а не прибегать к конфликтам и конфронтации... (inosmi.ru. 16.11.2020).

...[В]ыбирать *путь* взаимной помощи и поддержки, а не решать свои проблемы *за чужой счет* или оставаться безучастным к чужому несчастью (inosmi.ru. 16.11.2020).

Метафоры движения по «пути», «столкновения» с препятствиями на «пути» задают вектор событий, которые кажутся автору медиатекста наиболее вероятными на основе свершившегося основного факта.

...пообещав и впредь поддерживать *центральную роль* АСЕАН и способствовать последующему осуществлению ВРЭП... (inosmi.ru. 16.11.2020).

Театральная метафора в данном контексте обозначает высокий статус участников события, фокусируя на них внимание.

Ли Кэцян также призвал к более тесной координации усилий по конкретным *механизмам*... (inosmi.ru. 16.11.2020).

Техническая метафора завершает приведенный ряд когнитивных метафор, перенаправляя фокус внимания на конкретные обстоятельства осуществления основного события.

Подводя итог этой части анализа, можно заключить, что в отдельном тексте медиадискурса прослеживается смысловая и коммуникативно-стратегическая иерархия когнитивных метафор. В примерах социальный план дискурса с его обращением к событию торгово-экономической сферы конвертируется автором в вербальное событие высказывания при помощи ряда

когнитивных метафор разной степени важности. Так, заглавной становится метафора «победы». Ее сильная смысловая и композиционная роли подчеркиваются синкретичным характером данной метафоры, которую нельзя однозначно отнести ни к военной, ни к театральной, ни к игровой сферам. Остальные метафоры, относящиеся к однозначно устанавливаемым сферам, служат для раскрытия предложенной автором темы, обозначая как детали самого центрального события, так и позволяя продуценту речи избегать конфликтогенных упоминаний о препятствиях для его наступления. Подобная коммуникативная стратегия обеспечивает медиадискурсу эффективное управление вниманием читателя и адекватное событию построение смысловой иерархии отдельного текста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В языке современных СМИ филологи отмечают влияние не только официально-деловой лексики (канцеляризм, терминов и т. п.), но и разговорного языка, происходит «карнавализация» языка современных СМИ. Это приводит к интенсификации обменов концептами между сферами-источниками. В фокусе нашего внимания поэтому и оказались такие полярные сферы-источники концептуальной метафоры, как военная и театральная (шире – игровая).

Применительно к обоим рассмотренным фрагментам социальной реальности удалось сделать несколько важных выводов.

1. Во-первых, происходит ускорение мобильности концептуальных метафор, относящихся к одним сферам-источников (например, военная), в рамках описания событий и явлений других социальных сфер (например, бизнес, власть и т. д.)

2. Во-вторых, наблюдается зависимость характера когнитивной конвертации социального плана дискурса в вербальный от авторской позиции: от объективно-образного до иронического.

3. В-третьих, прослеживается спецификация отдельных сфер-источников. С помощью театральной концептуальной метафоры подчеркивается ситуативный, временный характер предлагаемой новости. Тогда как с помощью военной повышается градус напряженности в отражении события в медиадискурсе и, соответственно, производимый им эффект.

4. В-четвертых, в отдельно взятой статье можно обнаружить своеобразную иерархию применяемых концептуальных метафор, относящихся к разным сферам-источникам. Прежде всего это относится к знаковым событиям мировой политики, требующим развернутого нарратива в медиадискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Столетова Е. К., Шёнлебен М. М. Современный медиатекст в практике преподавания РКИ: анализ языковых приемов и интерпретация смыслов // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XX. М.: Макс-пресс, 2019. С. 406–409.
2. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2014. №13 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massmediyny-diskurs-kak-obekt-nauchnogo-opisaniya> (дата обращения: 10.12.2020).
3. Романовский А. В. Метакоммуникативные индексы в дискурсе интернет-комментариев // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, т.1. Филология. 2015. №3. С. 141–149.
4. Слостушинская М. М. Ирония как стилиобразующий элемент в современных публицистических текстах // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XIII. М.: Макс-пресс, 2012.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001.

REFERENCES

1. Stoletova, E. K., Shoenleben, M. M. (2019). Modern Mediatext in Practice of Teaching Russian for Foreigners: Analysis of Language Techniques and Interpretation of Meanings. Slovo. Grammatika. Rech' (vol. XX, pp. 406–409). Moscow: Maks-press.
2. Dobrosklonskaja, T. G. (2014). Massmediynyj diskurs kak ob#ekt nauchnogo opisaniya = Mass media discourse as an object of scientific description. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 13(184). <https://cyberleninka.ru/article/n/massmediyny-diskurs-kak-obekt-nauchnogo-opisaniya> (date of access: 10.12.2020).
3. Romantovskiy, A.V. (2015). Metacommunicative indexes of Internet comments. Pushkin Leningrad State University Journal. Philology, 1(3), 141–149. (In Russ.)
4. Slastushinskaya, M. M. (2012). Ironiya kak stileobrazujushhij jelement v sovremennyh publicisticheskikh tekstah = Irony as a style-forming element in modern journalistic texts. Slovo. Grammatika. Rech' (vol. XIII). Moscow: Maks-press.
5. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000) = Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000). Ekaterinburg: UrGPU.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Романовский Александр Владимирович

кандидат филологических наук

доцент кафедры русского языка как иностранного Института международных образовательных программ Московского государственного лингвистического университета

Шёнлебен Магдалена Мирославовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры русского языка как иностранного Института международных образовательных программ Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Romantovsky Alexander Vladimirovich

PhD (Philology)

Assistant Professor at the Department of Russian as a Foreign Language

Institute of International Educational Programs, Moscow State Linguistic University

Schoenleben Magdalena Miroslavovna

PhD (Philology)

Assistant Professor at the Department of Russian as a Foreign Language

Institute of International Educational Programs, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

06.09.2023
05.10.2023
02.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373

Основные функции интенсивности в англоязычном автобиографическом дискурсе

П. А. Салтанова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
1996-polina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается языковая категория интенсивности, ее особенности, выражение языковыми средствами на различных языковых уровнях. Рассматриваются характеристики автобиографического дискурса, на материале которого выполнено исследование. В работе выделяются и описываются основные функции интенсификации высказываний в английском автобиографическом дискурсе, такие как защитная, оправдательная, обвинительная и др.

Ключевые слова: интенсивность, автобиографический дискурс, лексикология, функции, концепт

Для цитирования: Салтанова П. А. Основные функции интенсивности в англоязычном автобиографическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 96–101.

Original article

Main Functions of Intensity in the English-Language Autobiographical Discourse

Polina A. Saltanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
1996-polina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the linguistic category of intensity, its features, linguistic means of its representation at various language levels. The main characteristics of the autobiographical discourse are considered that serve as the basis for the research. The paper highlights and describes the main functions of the intensification of statements in English autobiographical discourse, such as defensive, exculpatory, accusatory and some other functions.

Keywords: intensity, autobiographical discourse, lexicology, functions, concept

For citation: Saltanova, P. A. (2023). Main functions of intensity in the English-language autobiographical discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 96–101.

ВВЕДЕНИЕ

Категория интенсивности и процесс интенсификации являются неотъемлемой частью речи. Как неоднократно отмечалось исследователями (С. Е. Родионова, И. И. Туранский, В. В. Безрукова, И. В. Ревенко), интенсивность имеет в основном субъективный характер и отражает субъективное восприятие говорящим степени выраженности признака, предмета или явления. Кроме того, она носит прагматический характер: интенсифицируя высказывание, говорящий акцентирует какое-либо качество с той или иной целью.

Представляется логичным проводить исследование интенсивности на материале такого вида дискурса, как автобиографический, который отличается субъективностью и имеет специфические прагматические цели, в частности, воздействия на читателя, передачи ему своей идеологии.

Цель настоящего исследования – установить, какие функции реализует интенсивность в автобиографическом дискурсе. Для достижения данной цели в работе рассматриваются некоторые теоретические аспекты интенсивности, а также характерные черты автобиографического дискурса и предпринимается попытка выделить в нем основные функции интенсивности.

ИНТЕНСИВНОСТЬ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ

По словам И. И. Туранского, интенсивность может рассматриваться как показатель объективного количества признака, а также как понятие экспрессивной стилистики, заключающееся в выражении субъективного отношения говорящего к событиям. Именно благодаря субъективному характеру интенсивность позволяет получить представление о говорящем и его восприятии происходящего [Туранский, 1990]. О «субъективной значимости для участников ситуации данного увеличения количества признака» говорит также С. Е. Родионова [Родионова, 2005, с. 303]. Она утверждает, что интенсификация подчеркивает «силу признака выше обычной» и вместе с тем выводит данный усиленный признак на первый план. При этом говорящий не просто указывает на усиление того или иного признака, но и демонстрирует, что для него оно необычно и не соответствует «норме» – принятому в обществе стандарту, который не выделяется и не привлекает к себе внимания, поскольку, как считает Н. А. Лукьянова, интенсивность связана «не с любой количественной квалификацией явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от “нормальной” меры» (цит. по: [Родионова, 2005, с. 153]).

Необходимо сказать, что интенсивность, наряду со смежной категорией экспрессивности, «создают прагматический эффект выразительности и изобразительности речи, выполняют функцию не просто общения, но усиленного воздействия на адресата» [Туранский, 1990, с. 19].

Нельзя не согласиться со словами В. Г. Гака о том, что интенсивность наряду с аргументацией, т. е. апелляцией к разуму, играют большую роль в создании эмотивной силы высказывания и помогают автору увеличить силу иллюкутивного высказывания, передать эмоции и оценку [Гак, 1998].

Представляется также необходимым рассмотреть основные языковые средства, в том числе лексические, входящие в категорию интенсивности.

Ученые сходятся во мнении, что интенсифицирующие средства могут принадлежать разным языковым уровням. И. И. Туранский [1990] различает средства интенсификации на синтаксическом, морфологическом, лексическом и фонетическом уровнях. На *синтаксическом* уровне выделяются следующие уровни и соответствующие им средства выражения интенсивности: уровень текста (повтор, восклицательные предложения, безглагольные предложения с предикативом в препозиции), уровень предложения (восклицательные предложения вопросительной структуры, приточные сравнительные предложения, расщепленные предложения, топиализация, синтаксическая идиоматика) и уровень словосочетания (сравнительные обороты и плеонастические конструкции). На *морфологическом* уровне выделяются степени сравнения прилагательных и наречий, компаративы, элативы *more* при существительных и эмфатический продолженный оператор *do*. На *фонетическом* уровне интенсивность проявляется посредством выделения курсивом, написанием заглавными буквами, написанием через дефис, членение на морфемы, растягивание слова. На *лексическом* уровне языковыми средствами выражения интенсивности являются компаративные фразеологические единицы, словосложение, кванторные слова, усилительные наречия, прилагательные интенсифицирующего содержания, синонимические ряды глаголов, аффиксация [Туранский 1990].

К компаративным фразеологическим единицам (усилительным фразеологизмам), по мнению И. И. Туранского, могут относиться единицы, где: сравниваются физические свойства неодушевленных предметов (*as light as gossamer*); структуры, в основе которых лежит сравнение с природными явлениями (*as free as the wind*); содержащие названия представителей фауны, где сравниваются типичные повадки, черты, образ жизни (*as slow as*

a tortoise); аллюзии на библейские или мифологические сюжеты, а также связанные с историческими личностями (*as rich as Croesus*) [Туранский, 1990, с. 94–95].

Аффиксальный способ интенсификации может быть представлен усилительными префиксами *hyper-, over-, super-, ultra-* (*overcompensate, hyperalert*) или редупликацией части корня. К деинтенсифицирующим элементам, по его словам, относится суффикс *-ish* (*tallish*). Интенсификация путем словосложения представляет собой присущестивные модификаторы, передающие физические характеристики объекта, масштабы, длительность акта и т. п. (*onyx-black, raven-dark, snow white, dawn-till-midnight activities*) [Туранский, 1990].

При рассмотрении синонимических рядов глаголов, И. И. Туранский выделяет количественные и качественные изменения. Количественные изменения значения обуславливают качественные, что приводит к возникновению оттенка значения того или иного слова (у глаголов физического восприятия, ощущений, эмоциональной и физической реакции, движения, перемещения в пространстве, говорения, умственной деятельности и др.) Встречается также метафорическое употребление и гиперболизация [Туранский, 1990].

Мы разделяем мнение И. И. Туранского о том, что к усилительным прилагательным следует относить, например, следующие примеры: *complete* (*amazement*), *extreme* (*passion*), *perfect* (*dream*), *pure* (*beauty*), *utter* (*absurdity*), при этом сюда можно отнести как более распространенные сочетания (*golden opportunity*), так и более оригинальные сочетания (*elephantine excuses*) [Туранский, 1990].

Говоря об усилительных наречиях, И. И. Туранский, ссылаясь на «Граматику современного английского языка» (Quirk 1982), выделяет три семантических класса интенсификаторов: эмфасайзеры (*emphasizers*), эмплифайеры (*amplifiers*) и даунтонеры (*downtoners*) [Туранский, 1990].

Эмфасайзеры (*certainly, clearly, definitely, actually, obviously, really, frankly, honestly*) создают «общий эффект усиления» [Туранский, 1990, с. 84].

Эмплифайеры делятся на максимайзеры (*maximizers*) и бустеры (*boosters*), общей характеристикой которых является усиление высказывания и отнесение его к суперординарному уровню, однако, максимайзеры указывают на предельность (*completely, absolutely, utterly, most, in all respects*), а бустеры просто обозначают высокую отметку на шкале (*deeply, badly*) [Туранский, 1990, с. 85].

К даунтонерам, функцией которых является «понижение заряда по отношению к глагольному действию и содержанию предиката», относятся

компромайзеры (*compromisers: sort of, kind of, quite, rather, more or less*), которые указывают на небольшое снижение интенсивности по отношению к ординарному уровню; диминишеры (*diminishers: partly, slightly, a little, somewhat*); минимайзеры (*minimizers: a bit, hardly, barely*), последние из которых обозначают существенное ослабление высказывания; аппроксиматоры (*approximators*), «цель которых – аппроксимация глагольного действия» (*almost, nearly, as good as, all but*) [Туранский, 1990, с. 84–85].

Кванторные слова, пишет И. И. Туранский, в качестве интенсификаторов выражают количественные характеристики предмета речи. Они передают большое (малое) / очень большое (малое) / предельно большое (малое) количество и могут относиться к: живым существам (люди, животные), неодушевленным предметам, способам осуществления действия, пространству и времени, денежным единицам. Так, неопределенное количество людей может передаваться словосочетанием *heaps of people*. Для выражения большего числа людей употребляются числительные или другие слова с переносным значением, которые добавляют высказыванию экспрессивности (*a frieze of ladies, hordes of teen-aged girls / strangers*). Возможно использование и нескольких кванторных слов в одном предложении в целях усиления интенсификации [Туранский, 1990].

ИНТЕНСИВНОСТЬ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Не вдаваясь в подробное обсуждение автобиографического дискурса, отметим лишь, что термин «автобиографический дискурс» часто используется без каких-либо пояснений, а попытки дать ему определение отмечены непостоянностью и хаотичностью [Волошина, 2014]. Не вызывает сомнений, однако, что, как правило, автобиографии пишутся в период жизни автора, когда тот начинает рефлексировать и анализировать свою жизнь [Кованова, 2005]. Написание автобиографии помогает ему еще раз прожить некоторые моменты своей жизни и переосмыслить их. Писатель может стремиться создать определенный имидж, познать себя, творчески выразить себя или идеологически воздействовать на адресата [Звонарева, 2013].

Среди функций данного вида дискурса выделяются: рефлексивная, дидактическая, оправдательная, защитная, обвинительная, благодарственная, пропагандирующая, экспрессивная, культурологическая, констатирующая, апеллятивная, рекламная, развлекательная и некоторые другие [Кованова, 2005].

Материалом для исследования послужили три автобиографии британских и американских авторов: Elton John «Me» (2019), Alicia Keys «More Myself» (2020), Mariah Carey «The Meaning of Mariah Carey» (2020).

В ходе исследования удалось проследить интенсивность в следующих ситуациях (интенсификаторы выделены нами. – П. С.):

1. В повествовании о карьерных успехах или неудачах:

Given the *extraordinarily* talented musicians who were nominated alongside me, my series of wins felt *unbelievable* to me, even *otherworldly*. – Учитывая то, какие *невероятно* талантливые музыканты были номинированы наряду со мной, моя серия побед казалась мне чем-то *невероятным*, даже *неземным*¹ (где *extraordinarily* – бустер, *series* – кванторное слово).

I had done *astonishingly* well as a new artist. – Будучи новым артистом, я достигла *поразительных* успехов (где *well* и *astonishingly* – бустер).

Recording Charmbracelet was a chance at restoration and recuperation after the *disaster* that was Glitter. – Запись альбома Charmbracelet была реваншем после *катастрофы*, которым являлся Glitter (где *disaster* – интенсификат).

2. В рассказе об эмоциональном или физическом истощении автора:

I was *utterly exhausted*, *baked*, *fried*, and *frayed*, and *certainly* wasn't in any condition to make another video. I was *barely* eating. <...> We had just spent several *exhausting* days shooting the Loverboy video in the *scorching* California desert, in *harsh* conditions, with no water or basic necessities. – Я была *смертельно измучена*, *потрепана*, будто меня *запекли как хлеб* и *поджарили в масле*, так что я, *уж точно*, была не в состоянии снимать очередное видео. Я *почти* не ела. <...> Недавно мы провели несколько *изнуряющих* дней, снимая клип Loverboy в *знойной* калифорнийской пустыне, в *суровых* условиях, без воды и предметов первой необходимости (где *utterly exhausted* – двойная интенсификация: *utterly* – максимайзер, *certainly* – эмфасайзер, *barely* – минимайзер, *exhausted*, *exhausting*, *harsh*, *scorching* – интенсификаты).

3. При описании семейных неурядиц в детстве:

The *rage* between my father and brother was *so* forceful that no one person could have stopped it. – *Ярость*,

вспыхнувшая между моим отцом и братом была *такой* силы, что никто не мог ее остановить (где *rage* – интенсификат, *so* – бустер).

Certainly they'd had *hundreds* of fights <...> *violent* obscenities being *hurled* across the room. – *Конечно*, у них были *сотни* драк <...> *жесткие* непристойности *разлетались* по комнате (где *certainly* – эмфасайзер, *hundreds* – кванторное слово, *violent* и *hurled* – интенсификаты).

4. В ситуациях, где автор обличает и порицает кого-либо из своего окружения:

She *definitely* had some *deeply weird* ideas about parenting. It was an era when you kept your kids in line by *clobbering* them. – У нее, *вне сомнения*, были *крайне странные* представления о воспитании детей. Это был период, когда ты держал своих детей в узде, избивая их (где *definitely* – эмфасайзер, *deeply* – бустер, *weird* и *clobbering* – интенсификаты).

Tommy was *furious* when I cut the strings he used to manipulate me. There was no way he would allow me to have a *huge* success after leaving him and Sony. <...> He wouldn't have been satisfied unless I *absolutely* failed. – Томми был *в ярости*, когда я обрезала веревки, которые он использовал, чтобы управлять мной. Он ни за что не мог позволить, чтобы я добилась *огромного* успеха после своего ухода от него и из Sony. <...> Он не был бы удовлетворен, если бы я не потерпела *полный крах* (где *furious* и *huge* – интенсификаты, *absolutely* – максимайзер).

My own mother had woken me up from the first sleep I'd had in *nearly* a week! <...> My *mother*, who had found *so much* rest for herself in that house I worked *so* hard for! – Моя собственная мать разбудила меня от первого сна *практически* за неделю! <...> Моя мать, которая обрела собственный *безграничный* отдых в доме, который я *таким трудом* зарабатывала! (В данном примере *nearly* – аппроксиматор, *so much* и *so* – бустеры).

5. В ситуациях, когда автор стремится вызвать жалость к себе:

So I was *incredibly* insecure, scared of my own shadow. On top of that, I thought I was *somehow* responsible for the state of my parents' marriage, because *a lot* of their *rows* would be about me. My father would tell me off, my mother would intervene, and there would be a *huge* argument about how I was being brought up. It didn't make me feel *very good* about myself, which manifested in a lack of confidence in my appearance that lasted

¹ Зд. и далее перевод наш. – П. С.

well into adulthood. For years and years, I couldn't bear to look at myself in the mirror. I really hated what I saw.

– Так что я был невероятно неуверен в себе, боялся собственной тени. В довершение всего, я думал, что был *в некоторой степени* виноват в том состоянии, в каком находился брак моих родителей, поскольку множество их скандалов были из-за меня. Мой папа отчитывал меня, мама встревала, и все это перерастало в громкий спор о моем воспитании. Это все *не самым лучшим образом* влияло на меня, что проявлялось в комплексах по поводу своей внешности, которые тянулись *вплоть до* зрелого возраста. *Годами я не мог выносить* своего отражения в зеркале. Я *просто ненавидел* то, что я там видел (где *incredibly, a lot of, very, well into* – бустеры, *somehow* – диминишер, *for years and years* – кванторные слова, *huge, good, rows, bear* и *hated* – интенсификаты, *really* – эмфасайзер).

6. При описании людей, которыми восхищается автор:

That same year, the *legendary* Quincy Jones took home seven Grammys for his *epic* project Back on the Block, which spanned the *entire* history of Black American Music and featured *giants* from Ella Fitzgerald and Miles Davis to Luther Vandross. – В том же самом году легендарный Куинси Джонс унес домой семь статуэток Грэмми за свой грандиозный проект Back on the Block, который охватил *всю* историю черной американской музыки и в котором приняли участие музыкальные *гиганты* от Эллы Фицджеральд и Майлса Дейвиса до Лютера Вандросса (где *legendary, epic* – интенсификаты, *entire* – максимайзер).

My grandmother turned out to be *as gorgeous as* she was musically *brilliant*. – Моя бабушка оказалась *столь же великолепной, сколь и блестящей* в музыкальном плане (где *gorgeous, brilliant* – интенсификаты).

ВЫВОДЫ

В ходе проведенного исследования были выявлены основные функции интенсивности

в автобиографическом дискурсе. Так, интенсивность встречается в следующих ситуациях:

- повествовании о карьерных взлетах и падениях;
- рассказе автора о своем истощении, как в моральном, так и физическом плане (как правило, на фоне плотного графика и непрерывной упорной работы);
- при описании непростых семейных отношений в детстве; выражении негодования и осуждения кого-либо из своего окружения или их действий;
- в эпизодах, где автор стремится найти поддержку у читателя, вызвав у него жалость;
- при описании своего восхищения и уважения того или иного человека, как правило, своих коллег или членов семьи.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в большинстве проанализированных примеров интенсивность сопровождается оценочностью и эмоциональностью. Интенсификация в автобиографическом дискурсе помогает приукрасить действительность, представить события в более ярких красках, сделать их более впечатляющими. Помимо этого, она служит средством эффективной передачи читателю авторских чувств, эмоций и переживаний, а также его точки зрения, и самое главное – помогает убедить читателя в правильности и истинности данной позиции. Таким образом, интенсивность реализует коммуникативную и прагматическую языковую функцию.

Выявлено, что авторы автобиографии нередко стремятся показать свою правду, продемонстрировать, как события выглядели с их точки зрения. Они нередко пытаются также оправдать свои поступки, возложить вину на свое окружение и обстоятельства, а себя представить в наилучшем свете и, в итоге, вызвать симпатию и сочувствие читателя. Другими словами, интенсификация, используемая автором в подобных ситуациях, реализует также защитную, оправдательную, обвинительную и некоторые другие функции автобиографического дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990.
2. Родионова С. Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 300–313.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
4. Волошина С. В. Автобиографический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 2. С. 267–273.
5. Кованова Е. А. Риторика автобиографического дискурса: на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

6. Звонарева Ю. В. Лингвистические средства идентификации личности в литературной автобиографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013.

REFERENCES

1. Turanskij, I. I. (1990). Semanticheskaja kategorija intensivnosti v anglijskom jazyke = The semantic category of intensity in the English language. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)
2. Rodionova, S. Ye. (2005). Intensivnost' i yeye mesto v ryadu drugih semanticheskikh kategorij = Intensity and its place among other semantic categories. Slavjanskij vestnik, 2, 300–313. (In Russ.)
3. Hak, V. G. (1998). Yazykovyye preobrazovaniya = Language conversions. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
4. Voloshina, S. V. (2014). Autobiographical discourse as an object of linguistic analysis. Vestnik of Irkutsk State Linguistic University, 2, 267–273. (In Russ.)
5. Kovanova, E. A. (2005). Ritorika avtobiograficheskogo diskursa: na materiale avtobiografij amerikanskikh dejatelej politiki i iskusstva = Rhetoric of autobiographical discourse: based on the material of autobiographies of American politicians and artists: abstract of PhD in Philology. St. Petersburg. (In Russ.)
6. Zvonareva, J. V. (2013). Lingvisticheskiye sretstva identifikatsii lichnosti v literaturnoj avtobiografii = Linguistic means of personal identification in a literary aurobiography: abstract of PhD in Philology. Chelyabinsk. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салтанова Полина Андреевна

аспирант кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Saltanova Polina Andreevna

PhD Student at the Department of English lexicology, Faculty of the English language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.08.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	05.10.2023	approved after reviewing
принята к публикации	02.11.2023	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.25

Некоторые особенности устного перевода социально-ритуальных текстов

М. С. Фирстов

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mfirstov@mail.ru*

Аннотация. В статье на материале немецкого языка рассматриваются характеристики социально-ритуальных текстов: отсутствие новой для слушателя информации, образность, преобладание формы над содержанием, использование стилистических фигур, характерные для ритуала повторы. Автор демонстрирует, как специфика социально-ритуальных текстов влияет на особенности подготовки устного переводчика к работе с указанными текстами.

Ключевые слова: устная монологическая публичная речь, информация, социально-ритуальные тексты, предпереводческий анализ

Для цитирования: Фирстов М. С. Некоторые особенности устного перевода социально-ритуальных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (881). С. 102–108.

Original article

Interpreting Socio-Ritual Texts. Some Features

Mikhail S. Firstov

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mfirstov@mail.ru*

Abstract. The author of the article uses the material of the German language to review features typical of a group of genres in oral monologic public speech – socio-ritual texts. They include lack of new information for the listener, imagery, predominance of form over content, use of stylistic figures and ritualistic repetitions. The author demonstrates how specific features of socio-ritual texts influence an interpreter who is getting prepared to work with such texts.

Keywords: public speech, information, socio-ritual texts, pre-translation analysis

For citation: Firstov, M. S. (2023). Interpreting socio-ritual texts. Some features. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 102–108.

ВВЕДЕНИЕ

Как мы уже отмечали ранее¹, вопрос о классификации речевых жанров устной монологической публичной речи представляет не только теоретический, но и практический интерес, в том числе с точки зрения преподавания устного перевода, а также практики языка и стилистики. Важно подчеркнуть, что ни классическая риторика, ни функциональная стилистика не позволяют дать однозначного ответа на вопрос о подобной классификации. Предлагаемые в рамках риторики параметры классификации во многом обусловлены социальными реалиями и общественными потребностями конкретной эпохи и далеко не всегда носят универсальный характер. Что же касается функциональной стилистики, то в рамках этой дисциплины внимание прежде всего обращено на письменные речевые жанры (исключение составляют лишь немногие работы, например, Г. М. Фадеевой (1977, 2016)). При этом вряд ли целесообразно применять к очевидно более раннему феномену (устной публичной коммуникации) подходы, выработанные для более позднего явления (письменной речи).

В предыдущих статьях мы рассмотрели совокупность устных монологических речевых жанров с точки зрения философии и антропологии, основываясь на двух базовых целях коммуникации, имеющих место в любом человеческом обществе: передаче информации о некоем фрагменте действительности, с одной стороны, и поддержании социальной стабильности (сплоченности в группе, приверженности определенным ценностям, сохранения коллективной памяти) – с другой.

Первая из этих функций (передача информации) генетически восходит к мифу как «чисто человеческому способу переживания, осмысления и освоения мира в форме его моделирования» [Агранович, Березин, 2005, с. 54]; вторая функция генетически восходит к ритуалу, который мы, вслед за И. В. Журавлевым, понимаем как «совокупность действий, смысл которых не выводится напрямую из их структуры» [Журавлев, 2017, с. 14]. Ритуал нередко предполагает наличие вербальной части (которая, однако, «вторична и необязательна») [Мечковская, 1998, с. 51].

В предлагаемой статье рассматриваются особенности социально-ритуальных текстов и их предпереводческого анализа при подготовке к устному переводу.

МОДЕЛЬ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-РИТУАЛЬНОГО ТЕКСТА

Как мы уже отмечали [Фирстов, 2011, с. 79], при устном переводе переводчик (в отличие от письменного перевода) нередко лишен возможности провести предпереводческий анализ текста, поскольку даже существующие в письменном виде материалы переводчику часто не представляются. В связи с этим предпереводческий анализ текста заменяется анализом коммуникативной ситуации. Этот анализ целесообразно проводить на основании модели, основа для которой была предложена еще в классической риторике, а позже несколько трансформирована Г. Д. Лассвеллом [Лассвелл, 2003] и рядом других авторов.

Основными вопросами и, соответственно, этапами анализа здесь будут следующие:

1. Кто? (адресант)
2. Кому? (аудитория)
3. Зачем? (прагматическая цель)
4. Что? (содержание)
5. Как? (форма сообщения: композиция, языковые средства и т. п.)
6. Когда? (при каких обстоятельствах)
7. Посредством какого канала коммуникации?

Для переводчика, помимо вышеперечисленных вопросов, очевидно, будет важен также вопрос о виде перевода (синхронный или последовательный).

При этом ответы на приведенные вопросы до некоторой степени обуславливают друг друга: имея информацию об адресанте и аудитории, можно с высокой вероятностью предположить прагматическую цель, которую преследует адресант или инициатор коммуникации [Цвиллинг, 2007], а зная отправителя, реципиента и цель коммуникации, можно предположить содержание сообщения (п. 4) и его форму (п. 5).

В дальнейшем попробуем определить, что в анализе ситуации коммуникации должно указать на принадлежность текста ожидаемого сообщения к социально-ритуальным речевым жанрам устной монологической публичной речи (*далее* УМПР), а также каков должен быть подход переводчика к подготовке к работе в данной ситуации коммуникации.

Кто?

Оратором в социально-ритуальной коммуникации выступает личность, имеющая авторитет среди слушателей. При этом следует иметь в виду, что оратор (отправитель) совершенно не обязательно совпадает с инициатором коммуникации.

¹Фирстов М. С. Стилистика для устных переводчиков // Мосты. 2022. № 2 (74). С. 51–54.

Кому?

Поскольку ритуал направлен на поддержание социальной стабильности и интеграцию, то необходимо исходить из того, что оратор и аудитория представляют собой некую общность, объединенную хотя бы по одному из параметров (этническая, социальная или профессиональная принадлежность, общие ценности, общая коллективная память и т. п.).

Зачем?

Основная цель ритуального действия (в состав которого не всегда входит вербальная часть) – поддержание социальной стабильности. Таким образом, целью выступления может быть подтверждение приверженности общим ценностям, сохранение общей исторической памяти, единства группы и т. п.

Что?

Учитывая цели коммуникации, можно исходить из того, что соотношение новой и старой информации в предлагаемом тексте будет стремиться к показателю 0:100, т. е. новая предназначенная для усвоения реципиентом информация в тексте будет практически отсутствовать. Парадоксальным образом информация в тексте не обязательно должна быть понятна реципиенту (как может быть непонятна католику церковная служба на латыни, а православному верующему – на церковнославянском), но элементы, оставшиеся непонятыми, не являются для аудитории релевантными. Многие ученые отмечают, что ритуал и, соответственно, его вербальная часть во многом схож с поэзией, музыкой и магией [Гофман, 1932; Карабыков, 2012] и воздействует не на левое полушарие головного мозга человека (отвечающее за логику и понимание членораздельной речи), а на правое, обеспечивающее восприятие художественных образов, музыкальных произведений и т. п. [Иванов, 2009]. Вслед за А. А. Леонтьевым, мы можем говорить здесь прежде всего о физиологическом, а не речевом воздействии на аудиторию [Леонтьев, 1999]. Таким образом, участнику ритуала совершенно не обязательно понимать его вербальную составляющую (как при пении хором не обязательно досконально понимать текст песни, а при чтении наизусть стихов, особенно детьми – знать значение каждого слова).

Как?

В социально-ритуальном тексте гораздо большую роль, чем в тексте, транслирующем новую информацию, играет форма. Ритуал всегда подчинен

строгому порядку и в идеале неизменен (хотя на практике ритуалы и переживают определенные трансформации, особенно в начале и в конце своего существования).

Такого рода тексты практически всегда готовятся заранее и представляют собой произведения с жесткой композицией (зачин, развитие мысли, акцентирование ключевых моментов, кульминация в конце). Тексты изобилуют типовыми языковыми решениями, различного рода устоявшимися формулами и клише, что объясняется тенденцией к «типизации» речевых явлений для отражения тех или иных фрагментов действительности, для выполнения тех или иных функций» [Солганик, 2010, с. 11].

Одновременно для таких текстов, характерна яркость и образность, они нередко носят отпечаток индивидуальности оратора. В особенности это касается выступлений с высокой степенью эмоциональности (надгробное слово, юбилейная речь). Например, в юбилейной речи «главным достоинством становится шутка, юмор, меткая характеристика черт юбиляра, воспоминания о приметных фактах его жизни» [Брандес, 1990, с. 146]. Интересный парадокс возникает, когда речь для оратора составляет спичрайтер, который при этом обязан внести в речь вышеописанный личностно-эмоциональный компонент, характерный не для личности автора речи (спичрайтера), а для личности оратора, которому эту речь предстоит произнести.

В ритуальном действии большую роль играют повторы. В масштабах одного текста это выражается, в частности, в широком использовании анафоры. В масштабе ритуальной традиции (ряда повторяющихся ритуалов) эта особенность проявляется в повторении отдельных элементов или целых фрагментов, переходящих из текста в текст.

Выше уже указывалось, что лицо, выступающее с социально-ритуальной речью (фактически проводящее ритуал) должно быть авторитетно для аудитории. Однако нередко регулирующая функция ритуала требует обращения к еще более значимым авторитетам, чем адресант. Этим объясняется большое количество ссылок на авторитеты и цитат в подобного рода текстах.

Когда?

Как правило, ритуальное действие связано с неким формальным поводом. Иными словами, наличие формального повода для выступления часто указывает на то, что вербальная составляющая мероприятия будет представлять собой социально-ритуальный текст. Можно утверждать, что чем официальнее повод, тем выше вероятность того, что текст будет социально-ритуальным.

Классификацией ритуалов (и, соответственно, формальных поводов, по которым они проводятся) впервые предложил Э. Дюркгейм в классический работе «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) [Дюркгейм, 2018]. На основании работ Дюркгейма и его последователей выделяют, в частности, ритуалы взаимодействия, кризисные ритуалы, ритуалы перехода, календарные, коммеморативные ритуалы и др.

Канал коммуникации

Форма выступления находится в зависимости от канала коммуникации и, соответственно, от наличия непосредственной обратной связи с аудиторией. Известно, например, что выступление, предназначенное для восприятия «здесь и сейчас», будет, как правило, иметь более разговорную форму, чем речь, передаваемая по радио или телевидению либо предназначенная для аудио- или видеофиксации [Леонтьев, 2008].

Проиллюстрируем некоторые из перечисленных явлений на конкретных примерах.

- Повторы в разных социально-ритуальных текстах, произносимых по одному и тому же поводу. Ярким примером такого рода текстов (вербальной части календарного ритуала) могут служить новогодние обращения Федерального канцлера к гражданам. В каждом обращении мы, в частности, обнаруживаем апелляцию к чувству социальной сплоченности:

(2009) ...der gute Geist des *Zusammenhalts*¹.

(2010) Wir wollen den *Zusammenhalt* in unserem Land stärken².

(2011) Europa wächst in der Krise *zusammen*³.

(2012) Das ist nur eine von vielen Geschichten, die überhaupt nicht spektakulär, aber dennoch bezeichnend für unseren *Zusammenhalt* sind⁴.

(2013) Das zeigt einmal mehr, wie viel wir erreichen können, wenn wir einander vertrauen und *zusammenhalten*⁵.

¹URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2010-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-795016>

²URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2011-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-793236>

³URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2012-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-am-31-dezember-2011-ueber-hoerfunk-und-fernsehen-793484>

⁴URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2013-794296>

⁵URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2014-803182>

(2014) Es ist und bleibt der *Zusammenhalt*, mit dem wir auch in Zukunft die großen Herausforderungen meistern können⁶.

(2015) Auch im nächsten Jahr kommt es ganz besonders auf eines an: auf unseren *Zusammenhalt*⁷.

(2016) *Zusammenhalt*, Offenheit, unsere Demokratie und eine starke Wirtschaft, die dem Wohl aller dient: Das ist es, was mich für unsere Zukunft hier in Deutschland auch am Ende eines schweren Jahres zuversichtlich sein lässt⁸.

Не менее показательный пример социально-ритуального текста (на этот раз речь идет о коммеморативном ритуале) представляют собой выступления германских государственных деятелей перед израильским парламентом.

В рамках этого ритуального действия, например, оратор почти всегда благодарит слушателей за возможность выступать на немецком языке:

(2008) Ich danke allen, dass ich in *meiner Muttersprache* heute zu Ihnen sprechen darf⁹.

(2014) Ich weiß, dass es keine Selbstverständlichkeit ist, in diesem Hohen Haus *die deutsche Sprache* zu hören. Das ist mir sehr bewusst und ich danke Ihnen, dass ich in meiner Muttersprache zu Ihnen sprechen darf¹⁰.

Отдельные элементы в разных выступлениях повторяются почти дословно. В частности, это касается ответственности Германии за сохранение памяти о трагедии Холокоста:

(2002) Ich verneige mich in Scham und Demut vor den Opfern und vor denen, die ihnen unter Einsatz ihres Lebens geholfen haben. Einer von ihnen war Raoul Wallenberg, an den Sie gestern erinnert haben¹¹.

(2008) Ich verneige mich vor den Opfern, ich verneige mich vor den Überlebenden und vor all denen, die ihnen geholfen haben, dass sie Überleben konnten¹².

⁶URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2015-798300>

⁷URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2016-796466>

⁸URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2017-389442>

⁹URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-796170>

¹⁰URL: <https://www.domradio.de/artikel/die-rede-von-martin-schulz-der-kneset>

¹¹URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Horst-Koehler/Reden/2005/02/20050202_Red.html

¹²URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-796170>

Наконец, используются одни и те же цитаты:

(2002) Ben Gurion wird der Satz zugeschrieben: „Wer nicht an Wunder glaubt, der ist kein Realist.“ Wir brauchen solche Realisten gerade jetzt: unter Israelis, Palästinensern und Arabern, Deutschen, Europäern und Amerikanern. Dann kann wirklich werden, was heute noch als Utopie erscheint: Frieden im Nahen Osten¹.

(2008) Aus der Erfahrung, dass das Unmögliche möglich werden kann, können wir die Entschlossenheit und die Zuversicht schöpfen, dass sich auch jede Anstrengung lohnt, die den Nahen Osten einen großen Schritt näher zu einem friedlichen Miteinander bringt. Oder um es mit den bekannten Worten von David Ben Gurion zu sagen: „Wer nicht an Wunder glaubt, der ist kein Realist“².

Можно вспомнить еще об одном коммеморативном ритуале – выступлениях в рамках Дня памяти жертв нацизма 27 января или в связи с годовщинами начала или окончания Второй мировой войны. Здесь из речи в речь практически без каких бы то ни было изменений повторяется список жертв нацистской диктатуры, ставший своего рода каноном³.

• Применительно к повторам в пределах одного текста с целью придания ему особого ритма, эстетической формы, которая будет воздействовать на эмоции слушателей, широко используется анафора:

(2002) *Ich denke* an ihre Begegnungen in New York und später im Negev. *Ich denke* daran, wie allmählich Vertrauen zwischen Israel und Deutschland wuchs. *Ich denke* an die ersten Staatsbesuche der Präsidenten Chaim Herzog und Richard von Weizsäcker. Und *ich denke* an Johannes Rau vor der Knesset und Ezer Weizman vor dem Deutschen Bundestag⁴.

(2008) *60 Jahre Israel* das sind 60 Jahre großartiger Aufbauarbeit der Menschen unter schwierigen Bedingungen.

60 Jahre Israel das sind 60 Jahre Herausforderungen im Kampf gegen Bedrohungen und für Frieden und Sicherheit.

60 Jahre Israel das sind 60 Jahre Integration von Zuwanderern in das Gemeinwesen dieses Staates.

60 Jahre Israel das ist ein Land voller Vitalität und Zuversicht, mit technologischen Spitzenleistungen, mit kulturellem Reichtum und Traditionen.

60 Jahre Israel das ist somit vor allem ein Anlass zu großer Freude. Im Namen der Bundesregierung und der deutschen Bevölkerung gratuliere ich allen Bürgerinnen und Bürgern Israels zu diesem Jubiläum⁵.

(2015) *Ich danke* den unzähligen freiwilligen Helfern für ihre Herzenswärme und ihre Einsatzbereitschaft, die immer mit diesem Jahr 2015 verbunden sein werden. *Ich danke* allen hauptamtlichen Helfern, *ich danke* allen Polizisten und Soldaten für ihren Dienst, *ich danke* den Mitarbeitern der Behörden im Bund, in den Ländern, in den Kommunen. Sie alle tun weit, weit mehr als das, was ihre Pflicht ist⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как вышеописанные особенности определяют стратегию подготовки переводчика к устному переводу социально-ритуального текста?

Первое правило – подобной подготовкой не следует пренебрегать. Обычно даже отсутствие материалов не может помешать переводчику подготовиться практически к любому выступлению. В особенности это касается социально-ритуальных текстов. Если выступление планируется в рамках некой церемонии и по официальному поводу, вероятность того, что речь будет идти о социально-ритуальном тексте, приближается к 100 %.

При наличии веских оснований предполагать, что переводчику придется столкнуться с текстом социально-ритуального характера, можно рекомендовать ему ознакомиться с выступлениями, звучавшими по тому же или аналогичным поводам. В случае с календарными ритуалами, ритуалами взаимодействия или коммеморативными ритуалами это обычно не представляет сложностей. В случае с кризисными ритуалами могут возникнуть затруднения, поскольку кризис, для успешного преодоления которого обществом и проводится ритуал, – как правило, уникален. Но и в этом случае информация о постигшем общество кризисе аудитории уже известна, соответственно, вероятность того, что выступление будет содержать новые сведения, чрезвычайно мала.

¹URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Horst-Koehler/Reden/2005/02/20050202_Rede.html

²URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeschkanzlerin-dr-angela-merkel-796170>

³URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/27-januar-tag-des-gedenkens-an-die-opfer-des-nationalsozialismus-gedenkstunde-des-deutschen-bundestages-am-27-januar-2014-an-sprache-des-bundestagspraesidenten-dr-norbert-lammert--798900>; https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Horst-Koehler/Reden/2005/05/20050508_Rede.html

⁴URL: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Horst-Koehler/Reden/2005/02/20050202_Rede.html

⁵URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeschkanzlerin-dr-angela-merkel-796170>

⁶URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahr-sansprache-2016-796466>

Поскольку новой и важной для реципиента информации выступление не содержит, при выборе между генерализацией или упущением, с одной стороны, и переспросом – с другой стороны, переводчику однозначно имеет смысл предпочесть первый вариант, поскольку обобщение или упущение нерелевантной или уже известной слушателю информации представляет собой явно меньшую потерю, чем нарушение

торжественности момента, неизбежное в случае переспроса¹.

Знакомство с вышеперечисленными принципами будет полезно студентам, приобретающим профессию устного переводчика и повысит качество их работы в будущем.

¹Здесь мы, разумеется, имеем в виду ситуацию последовательного перевода, поскольку при синхронном переводе такого выбора у переводчика нет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агранович С. З., Березин С. В. Homo amphibolos: Археология сознания. Самара: Издательский дом «БАХРАХ-М», 2005.
2. Журавлев И. В. Сознание и миф: Что мы делаем, чтобы быть сознательными существами. М.: Книжный дом «Либроком», 2017.
3. Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998.
4. Фирстов М. С. Предпереводческий анализ при обучении устному переводу // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 20 (626). С. 75–85.
5. Лассвелл Г. Структура и функции коммуникации в обществе. // Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М.: «Аванти плюс», 2003. С. 233–242.
6. Цвиллинг М. Я. Понятие переводческой констелляции // Тетради переводчика: научно-теоретический сборник. Вып. 26 / под ред. И. И. Халеевой. М.: Рема, 2007. С. 63–72.
7. Гофман В. А. Слово оратора: Риторика и политика. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1932.
8. Карабыков А. В. Смысл и судьба риторики в христианской культуре средневековья // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. №1 (17). С. 23–33.
9. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Институт теории и истории мировой культуры. М.: Знак, 2009.
10. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, 1999.
11. Солганик Г. Я. Основы лингвистики речи. М.: Издательство Московского университета, 2010.
12. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1990.
13. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
14. Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. М.: Смысл, 2008.

REFERENCES

1. Agranovich, S. Z., Berezin S. V. (2005). Homo amphibolos: Archeologiya soznaniya = Homo amphibolos: Archaeology of consciousness. Samara: BAHRAH-M. (In Russ.)
2. Zhuravlev, I. V. (2017). Soznanie i mif: Chto my delaem, chtoby byt' soznatel'nymi sushchestvami = Consciousness and Myth: What we do to be conscious beings. Moscow: Knizhnyj dom "Librokom". (In Russ.)
3. Mechkovskaya, N. B. (1998). Yazyk i religiya. Lekcii po filologii i istorii religij = Language and Religion. Lectures on philology and history of religions: Manual for students of humanitarian universities. Moscow: FAIR. (In Russ.)
4. Firstov, M. S. (2011). Pre-interpreting analysis in interpreter training. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 20 (626), 75–85. (In Russ.)
5. Lasswell, H. D. (2003). The structure and function of communication in society. In: Nazarov M. M. Massovaya kommunikaciya i obshchestvo. Vvedenie v teoriyu i issledovaniya = Mass Communication and Society. Introduction to theory and research. Moscow: Avanti plus, 233–242. (In Russ.)
6. Zwillling, M. Ya. (2007). Ponyatie perevodcheskoj konstellyacii = Concept of translation constellation. Tetradi perevodchika: nauchno-teoreticheskij sbornik, 26. Moscow: Rema, 63–72. (In Russ.)
7. Gofman, V. A. (1932). Slovo oratora: Ritorika i politika = Speaker's word: Rhetoric and politics, Leningrad: Izdatel'stvo pisatelej v Leningrade. (In Russ.)

8. Karabykov, A. V. (2012). Meaning and fate of rhetoric in the Christian medieval culture. Vestnik of Tomsk State University. Philology, 1(17), 23–33
9. Ivanov, V. V. (2009). Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 5: Mifologiya i fol'klor = Selected works on semiotics and history of culture. Volume 5: Mythology and Folklore. Moscow: Znak. (In Russ.)
10. Leont'ev, A. A. (1999). Psihologiya obshcheniya = Psychology of communication. Moscow: Smysl. (In Russ.)
11. Solganik, G. Ya. (2010). Osnovy lingvistiki rechi = Speech linguistics basics. Moscow: Moscow State University. (In Russ.)
12. Brandes, M. P. (1990). Stilistik der deutschen Sprache. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
13. Durkheim, E. (2018). The Elementary Forms of Religious Life. Moscow: Delo. (In Russ.)
14. Leont'ev, A. A. (2008). Prikladnaya psiholingvistika rechevogo obshcheniya i massovoj kommunikacii = Applied psycholinguistics of verbal communication and mass communication. Moscow: Smysl. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фирстов Михаил Сергеевич

старший преподаватель кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Firstov Mikhail Sergeevich

Senior lecturer at the Department of German and Translation and Interpreting
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

04.09.2023
02.10.2023
02.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Использование паронимов в заголовках статей (на материале современной французской прессы)

А. Н. Шумакова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ashumakova@yandex.ru

Аннотация. В работе анализируется употребление паронимов в заголовках современной французской прессы. Рассматривается паронимическая аттракция (парономазия) как средство создания языковой игры, повышающей экспрессивность заголовка. Исследование показывает, что для создания паронимии часто используются прецедентные феномены. На материале статей из журнала *L'Obs* исследуются особенности паронимической аттракции в заголовке, анализируются функции заголовков с паронимами.

Ключевые слова: французский язык, *L'Obs*, язык СМИ, заголовок, пароним, паронимическая аттракция, прецедентный феномен

Для цитирования: Шумакова А. Н. Использование паронимов в заголовках статей (на материале современной французской прессы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 109–113.

Original article

The Use of Paronyms in the Titles of Articles (based on the present-day French news magazines)

Anastasiya N. Shumakova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
ashumakova@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on the use of paronyms in the titles of articles in the present-day French periodicals. Paronymic attraction as a means to create language games that contribute to the expressiveness of a title is considered. The analysis shows that paronymic attraction is often based on precedent phenomena. Features of paronymic attraction in titles and functions of titles with paronyms are analyzed with reference to examples from the magazine *L'Obs*.

Keywords: French, *L'Obs*, media discourse, title, paronym, paronymic attraction, precedent phenomenon

For citation: Shumakova, A. N. (2023). The use of paronyms in the titles of articles (based on the present-day French news magazines). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(881), 109–113.

ВВЕДЕНИЕ

Заголовок – один из важнейших компонентов статьи, так как именно с него начинается знакомство с текстом. Чтобы привлечь внимание читателя, заголовок должен быть выразительным, ярким. Эти качества появляются у заголовка благодаря языковой игре, под которой мы, вслед за В. З. Санниковым, понимаем «сознательное манипулирование языком, построенное на <...> необычности использования языковых средств» (цит. по: [Александрова, 2015, с. 6]). Языковая игра создается разными способами, в том числе – с помощью паронимов – слов, разных по смыслу, но близких по звучанию¹. Стилистический прием, состоящий «в намеренном сближении слов, имеющих звуковое сходство», получил название «паронимическая аттракция» или «парономазия»². В некоторых случаях употребление паронимов создает юмористический эффект, в результате чего возникает каламбур [Ахманова, 2004].

Существует два способа использования паронимов при паронимической аттракции: парономазия *in praesentia*, когда оба паронима присутствуют в предложении, и парономазия *in absentia*, когда использовано только одно из обыгрываемых слов, а второе вспоминается под влиянием звуковых ассоциаций с первым [Fromilhague, 2003]. Отметим, что в этом стилистическом приеме могут быть использованы близкие по звучанию слова, выступающие в качестве паронимов в данном контексте, которые в действительности паронимами не являются. Таким образом, восприятие и понимание паронимической аттракции имеет субъективный характер и зависит от «человеческого фактора», от фоновых знаний.

МАТЕРИАЛ АНАЛИЗА

Как отмечает И. Н. Кузнецова, паронимическая аттракция используется в тех случаях, когда язык выступает как инструмент творчества, а смешение сходных слов «сознательно употребляется для яркой, действующей на воображение фигуры» [Кузнецова, 2005]. В работах, посвященных заголовкам, паронимия рассматривается как одно из основных средств создания выразительности [Кирсанова, 2021; Федорова, 2016]. Учитывая это, мы решили проанализировать особенности использования паронимической аттракции в заголовках современной французской прессы. Материалом исследования послужили заголовки с паронимами из статей, опубликованных в

еженедельном журнале «L'Obs»³. Выбор связан с тем, что этот журнал предназначен для широкой публики, в нем можно найти публикации на разные темы, включая политику, экономику, искусство.

ПАРОНИМЫ В ЗАГЛОВОКАХ СТАТЕЙ

Анализ показал, что во многих случаях в заголовках присутствует один из паронимов, т. е. речь идет о парономазии *in absentia*. Данный прием часто основан на прецедентных феноменах, хорошо знакомых широкой аудитории. Это можно объяснить тем, что пресса является средством массовой информации, поэтому заголовки должны быть понятными читателю.

О. Е. Федорова, изучавшая парономазию в заголовках на материале английского языка, также пишет об использовании прецедентных феноменов и выделяет две группы: прецедентные тексты (произведения современной популярной культуры) и прецедентные конструкции (узнаваемые устойчивые выражения или лексические единицы) [Федорова, 2016]. Собранный нами материал показал, что в большинстве проанализированных заголовков парономазия создается с помощью устойчивых словосочетаний с прозрачной внутренней формой. Так, в заголовке «Badinage artistique» (L'Obs. 17.09.2020) можно увидеть словосочетание *patinage artistique* – *фигурное катание*, где компонент *patinage* – *катание* заменен на пароним *badinage*, который можно перевести и как *шутливый разговор*, и как *изящество стиля*. В заметке приводится рецензия на фильм французского режиссера Эмманюэля Муре. В этом фильме бывшие влюбленные встречаются и вспоминают о проведенном вместе времени. Парономазия в заголовке позволяет выразить авторскую оценку, так как слово *badinage* воспринимается в значении «изящество стиля», а компонент *artistique* – с *мастерством* дополняет положительную оценку.

Заголовок «Sac à ... moi» (L'Obs. 17.06.2021) (букв.: «моя сумка») построен на обыгрывании компонентов *à moi* (мой) – *à main* (ручной). В основе заголовка – словосочетание *sac à main* – *дамская сумочка*. В заметке говорится о том, что появилась возможность придать дамской сумочке индивидуальный характер. Одна компания предлагает женщинам самим выбрать форму, материал, цвет сумки и нанести рисунок, что позволит сделать этот аксессуар непохожим на остальные (*sac personnalisable*). Замена компонента *à main* на элемент *à moi* привлекает внимание читателя, а также отражает смысл статьи. Отметим графическое оформление

¹ URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/228090>

² URL: <https://les.academic.ru/846/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%B7%D0%B8%D1%8F>

³ URL: <https://www.nouvelobs.com/>

заголовка: благодаря троеточию перед компонентом *moi* заголовок содержит элемент неожиданности, что также привлекает внимание.

Заметка о французском документальном фильме, герои которого размышляют о событиях на атомной станции в Фукусиме и о роли атомной энергии в современном мире, озаглавлена «*Nippon ni mauvais*» (*L'Obs.* 2020). В заголовке можно увидеть ассоциации с фразеологизмом *ni bon, ni mauvais* – *удовлетворительный* (букв.: ‘ни хороший, ни плохой’). Этот фразеологизм отличается прозрачной внутренней формой и обозначает что-то сносное, удовлетворительное. Парономазия в заголовке создается благодаря прилагательному *nippon* – *японский*, схожему по звучанию с компонентом *ni bon*. Компонент *Nippon* делает заголовок информативным, так как читатель еще до знакомства с текстом может предположить, что представленная информация связана с Японией. На наш взгляд, можно говорить об игре слов, так как заголовок приобретает оттенок иронии, становится более экспрессивным. Кроме того, благодаря ассоциациям с фразеологизмом *ni bon ni mauvais* в заголовке выражено нейтральное и даже негативное отношение автора заметки к фильму. Эта оценка отражена в тексте с помощью слов с негативной коннотацией, в которых описывается фильм: *brouet* – *похлебка, баланда*, *calamiteux* – *бедственный, катастрофический*. Отметим, что рецензия опубликована в рубрике *C'est raté* (букв.: ‘неудача’). Таким образом, парономазия не только придает заголовку экспрессивность и информативный характер, но и передает авторскую оценку.

Заголовок «*Faire sandale*» (*L'Obs.* 15.04.2021) вызывает ассоциации с устойчивым словосочетанием *faire scandale* – *нарушать приличия, вызвать скандал*. Речь идет о босоножках – *sandales*. К босоножкам часто относятся пренебрежительно, называя их *chaussures affreuses* (букв.: ‘ужасная обувь’), а появиться в них на официальном мероприятии ранее считалось дурным тоном, однако мода изменилась. Автор отмечает, что сейчас эта женская обувь становится популярной благодаря удобству (*tatanes confortables*), ее можно носить с разной одеждой и в разных ситуациях (*elles sont désormais partout*), хотя некоторые по-прежнему считают это нарушением этикета. Эта мысль отражена в заголовке благодаря ассоциациям с выражением *faire scandale*. Обыгрывание паронимов *sandale* и *scandale* усиливает действенность заголовка и привлекает внимание читателя к модной тенденции. Публикация сопровождается фотографией, на которой представлены босоножки с достаточно смелым дизайном, которые, по мнению автора, одним могут показаться нарушением правил хорошего тона, а у других – вызвать зависть.

Статья о кухне северных регионов Франции озаглавлена «*Bon appéché-ti!*» (*L'Obs.* 08.07.2021). Заголовок вызывает ассоциации с клише-формулой вежливости – пожеланием хорошего аппетита *Bon appétit!* В этой формуле компонент *appétit* – *annemum* заменен на созвучное ему слово *appéché-ti*. Это телескопическое слово (*mot-valise*), созданное, очевидно, автором заметки, на основе слов *appétit* и *ch'ti* – *шму*, представитель региона Севера Франции. Благодаря парономазии, читатель сразу может понять, о какой кухне пойдет речь. Формула вежливости также настраивает читателя на положительную оценку информации, изложенной в статье.

Чтобы привлечь внимание читателей, авторы создают языковую игру с помощью широко известных латинских выражений. Так, в заголовке «*Veni, Vidi, Vinted*» (*L'Obs.* 14.11.2019) можно увидеть аллюзию на известное высказывание, приписываемое Юлию Цезарю: «*Veni, vidi, vici*» – «*Пришел, увидел, победил*». Таким образом Цезарь описал победу над понтийским царем Фарнаком. Эта фраза стала общеизвестной, ее даже написали на доске, которую несли во время триумфального шествия Цезаря в Рим. Выражение ассоциируется с быстрой и решительной победой, но в некоторых случаях употребляется иронически¹. В данном случае это высказывание связано именно с успехом, потому что статья посвящена популярному приложению «*Vinted*», разработанному в Литве. С помощью этого приложения можно продавать, покупать и обменивать одежду секонд-хенд. Автор отмечает, что эта программа изменила потребительские привычки французов и набирает все большую популярность, хотя и не лишена недостатков. Идея успеха авторов приложения отражена с помощью высказывания Юлия Цезаря, в котором компонент *vici* – *победил* заменен на название приложения «*Vinted*». Паронимическая аттракция основана на сходстве слов *vici* и *vinted* (начальный элемент *vi*, два слога). Обыгрывание прецедентного высказывания позволяет сделать заглавие экспрессивным и четче донести мысль автора.

Парономазия в заголовках создается на основе устойчивых словосочетаний не только из французского языка, но также из других языков. Так, в заголовке «*Fink you very much*» (*L'Obs.* 06.04.2017) обыгрываются паронимы-заимствования из английского языка. Даже читатель, не владеющий английским языком, сможет увидеть англицизм-выражение благодарности: *thank you very much*, так как это одна из самых известных английских фраз. Использование

¹ URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/2262/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D1%88%D0%B5%D0%BB

англицизма оправдано, потому что заметка посвящена англоязычному исполнителю – артисту Фину Гриноллу (Fin Greenall), которого называют *Fink*. В заголовке компонент *thank – спасибо* заменен на *Fink* – имя собственное, эти слова созвучны, их можно назвать паронимами. Благодаря использованию англицизмов и паронимов заголовков привлекает внимание читателя, а клише, выражающее благодарность, позволяет предположить, что автор заметки положительно отзывается о творчестве артиста. В этом случае заголовок, основанный на паронимах, позволяет выразить авторскую оценку.

Кроме фразеологических единиц и клише, в заголовках с паронимами используются названия литературных произведений, которые также можно отнести к прецедентным феноменам. В заголовке «*Vipère au loin*» (*L'Obs.* 12.11.2020) угадывается название книги Э. Базена «*Vipère au roing*» (букв.: ‘гадюка в кулаке’). Это история сложного детства и раннего взросления, поэтому фраза ассоциируется с проблемами, трудностями. В статье приведена рецензия на книгу о французском писателе и дипломате Поле Моране. Приводится критическая оценка образа жизни и карьеры П. Морана (*il n'aima que lui – любил только самого себя, un diplomate impolitique – дипломат, не подходящий для политики*). Очевидно, эта оценка отражена и в заголовке благодаря ассоциациям с книгой Э. Базена. Дополнительную экспрессивность создает замена компонента *roing – кулак* созвучным ему элементом *loin – далеко*.

Заголовок рецензии на новый альбом американской певицы Арианы Гранде «*Ingénue Grande*» (*L'Obs.* 07.03.2019) вызывает ассоциации с названием романа О. де Бальзака «*Eugénie Grandet*». По мнению автора, новый диск певицы больше понравится ее поклонникам, чем предыдущий, в нем много простых запоминающихся мотивов (*ingénue kermesse de refrains accrocheurs*). Мнение автора об альбоме отражено в заголовке, где обыгрываются сходные по звучанию слова *ingénu – простой*,

наивный и имя героини Бальзака *Eugénie*. Отметим также созвучие фамилии певицы *Grande* и персонажа книги *Grandet*, что создает игру слов. Благодаря паронимии заголовок становится более выразительным.

В некоторых заголовках присутствуют оба паронима, что приводит к каламбурам, например: «*Coups bas à Cuba*» (*L'Obs.* 30.01.2020). В заметке говорится о фильме «*Cuban network*» режиссера Оливье Ассаяса, рассказывающем о кубинских разведчиках. В заголовке обыгрываются паронимы: устойчивое словосочетание *coups bas – нечестный удар* и *Cuba – Куба*. Заголовок отражает содержание, так как речь идет о жителях Кубы. Выражение *coups bas* позволяет читателю понять, что речь идет о проблемах, с которыми столкнулись персонажи. Паронимия делает заголовок более экспрессивным, выразительным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что в современной французской прессе паронимия в заголовках создается на основе прецедентных феноменов – устойчивых словосочетаний (фразеологизмов и клише), включая заимствования из английского языка, латинизмов, названий произведений художественной литературы. Было выявлено телескопическое словообразование. В большинстве проанализированных примеров в заголовке содержится только один из паронимов, а второй угадывается по фонетической структуре первого. Восприятие языковой игры с использованием паронимов зависит от фоновых знаний читателя, поэтому в создании паронимии участвуют прецедентные феномены, знакомые широкой аудитории. Паронимия повышает выразительность заголовка, позволяет выразить отношение автора к изложенной информации. В целом благодаря языковой игре, основанной на паронимии, заголовки привлекают внимание читателя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова Е. М. Языковая игра: механизмы создания и способы перевода (на материале французских анекдотов). М.: КДУ, 2015.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: УРСС : Едиториал УРСС, 2004. URL: http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_htm
3. Fromilhague C. Les figures de style. Paris: Nathan, 2003.
4. Кузнецова И. Н. О лексическом смешении, или интерференции // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2005. № 4. С. 55–64.
5. Кирсанова М. М. Прагматическая интерпретация игры со словами в устойчивых сочетаниях (на материале современных публицистических текстов) // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 49–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-interpretatsiya-igry-so-slovami-v-ustoychivyh-sochetaniyah-na-materiale-sovremennyh-frantsuzskih>

6. Федорова О. Е. Особенности газетных заголовков, содержащих паронюмию (на примере материалов табloidных онлайн-изданий) // Язык и культура (Новосибирск). 2016. № 21. С. 48–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-gazetnyh-zagolovkov-soderzhaschih-paronomaziyu-na-primere-materialov-tabloidnyh-onlayn-izdaniy>

REFERENCES

1. Aleksandrova, E. M. (2015). Yazykovaya igra: mehanizmy sozdaniya i sposoby perevoda (na materiale francuzskih anekdotov) = Puns: mechanisms of creation and strategies of translation (based on French jokes). Moscow: KDU. (In Russ.)
2. Akhmanova, O. S. (2004). Slovar lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. 2nd ed. Moscow: URSS: Editorial URSS. http://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_htm. (In Russ.)
3. Fromilhague, C. (2003). Les figures de style. Paris: Nathan.
4. Kuznetsova, I. N. (2005). O leksicheskome smeshenii, ili interferencii = Lexical confusion, or Interference. Moscow State University Journal. Series 9. Philology, 4, 55–64. (In Russ.)
5. Kirsanova, M. M. (2021). Pragmatic interpretation of a play with words in collocations (contemporary French publicistic texts). Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics. 1, 49–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmaticheskaya-interpretatsiya-igry-so-slovami-v-ustoychivyh-sochetaniyah-na-materiale-sovremennyh-frantsuzskih>. (In Russ.)
6. Fedorova, O. E. (2016). Osobennosti gazetnyh zagolovkov, sodержashih paronomaziyu (na primere materialov tabloidnyh onlayn-izdaniy) = Features of newspaper titles with paranomasia (based on online tabloids). Yazyk i kultura (Novosibirsk), 21, 48–53. <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-gazetnyh-zagolovkov-soderzhaschih-paronomaziyu-na-primere-materialov-tabloidnyh-onlayn-izdaniy>. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шумакова Анастасия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shumakova Anastasiya Nikolaevna

PhD (Philology), Associate Professor,

Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

31.08.2023
29.09.2023
02.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 82.0

Мифологемы мифа и типологемы истории

А. П. Бондарев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
literatura_mglu@mail.ru

Аннотация. Цель предлагаемой статьи заключается в обосновании гипотезы, согласно которой и мифологема, и типологема – равно исторические категории, образующие коррелятивную пару – единство аналогии и противопоставления. Их сближает общий для вневременной мифологемы и ситуативной типологемы архетип; противопоставляет – большое историческое время, локализирующее мифологему в абсолютном сакральном прошлом, а типологему – в относительном профанном настоящем, типизированные характеры и обстоятельства которого дорастают со временем до мифологических.

Ключевые слова: мифологемы, типологемы, мифологическая инициация, историческая типизация

Для цитирования: Бондарев А. П. Мифологемы мифа и типологемы истории // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 114–122.

Original article

Mythologemes of Myth and Typologemes of History

Alexandre P. Bondarev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
literatura_mglu@mail.ru

Abstract. The purpose of the proposed article is to substantiate the hypothesis that both mythologeme and typologeme are equally historical categories forming a correlative pair – the unity of analogy and opposition. They are brought together by the archiseme common to the timeless mythologeme and the situational typologeme; they are opposed by the great historical time, localizing the mythologeme in the absolute past, and the typologeme in the relative present, the typified characters and circumstances of which grow to archetypal over time.

Keywords: mythologemes, typologemes, mythological initiation, historical typification

For citation: Bondarev, A. P. (2023). Mythologemes of myth and typologemes of history. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 114–122.

МИФ И ИСТОРИЯ

В работе «Миф о вечном возвращении (Архетипы и повторение)» Мирча Элиаде рассматривает миф как некогда произошедшее *историческое событие*: «Сами архетипы составляют некую “историю” в той мере, в какой они состоят из жестов, действий и предписаний, которые, хотя и считается, что были явлены *во время оно*, все же были *явлены*, то есть рождены *во времени*, “явились” в том же смысле, как и любое другое историческое событие» [Элиаде, 1987, с. 137–138].

Обнаружение античной Трои в результате иницированных археологом самоучкой Генрихом Шлиманом раскопок подтвердило предположение об историческом генезисе мифа о Троянской войне. И позволило высказать предположение, что не миф предшествует истории, а неслучайное – типическое – событие восходит со временем до статуса мифологического.

«Повторение» – термин второй части названия работы Элиаде («Архетипы и повторение») – свидетельство востребованности архетипов каждым новым «потерянным поколением» (Г. Стайн), поставленным перед необходимостью самоидентификации в неустанно экспериментирующей истории.

Термин «мифологема» (др.-греч. μῦθος – сказание, предание + λόγος – мысль, причина) синонимичен юнгианскому *архетипу*¹. Его семантика включает в себя как смысловую составляющую «предания», так и неограниченный потенциал его «деконструкций» (Ж. Деррида. «О грамматологии»). Согласно К. Г. Юнгу, «мифология... это нечто застывшее и мобильное, субстанциональное и все же не статичное, способное к трансформации» [Юнг, 1996, с. 13]. В понятийной системе Юнга слово «трансформация» предполагает изменения хронологических ракурсов восприятия, позволяющие «остраненно» прочитывать динамичную архитектуру мифа.

Мифологема – архетипическое ядро мифа – экстраполируется на самоидентифицирующуюся благодаря ей современность, которая, со своей стороны, реализуя преимущества собственной трансгрессиентности, пробуждает спящие семантические составляющие мифологического образа. Таковы всегда открытые навстречу эвристическим усилиям архетипы Дианы, Персефоны, Эдипа, Ореста, Федры, Медеи, Электры, Прометея, Антигоны, Икара, Иокасты, старозаветных и новозаветных Авраама, Иакова, Моисея, Иова, Ионы, Каина, Агасфера (Вечного жиды) и многих других.

¹«Мифологема» – вот лучшее древнегреческое слово для их обозначения» [Юнг 1996, с. 13].

Мифологема *даруется* традиционалистскому сознанию *a priori*, типологема *отвоевывается* когнитивным сознанием *a posteriori* в расшифровке «Парки бабьего лепетанья» (А. С. Пушкин) «самой себя рассказывающей жизни» (Т. Манн).

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ИНИЦИАЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПИЗАЦИЯ

Обряд инициации психологически и ментально интегрирует неофита в образно-понятийную систему племенных мифов: космологических, теогонических, тотемных, антропологических, героических, эсхатологических и т. п., разъясняет ему генезис посягающих на его безопасность алеаторических (исторических) и апофатических (психических) процессов и прогнозирует перспективу их дальнейшего сюжетобразующего взаимодействия.

Аполлон в трилогии Эсхила «Орестея», драматизирующей этиологический (объяснительный) миф о матереубийстве, растолковывает неофиту Оресту архетипический статус его промежуточного положения между матриархальным гетеризмом и патриархальной моногамией и намечает перспективу законодательного перехода от материнского права к отцовскому:

В Палладин кремль спасайся и, пришед, воссядь,
На древний идол Девы опершись. Мы там
Судей обрящем, и вину смягчающих
Речей витийство, и пути – навек тебя
От сих мытарств избавить. Ибо помню: сам
На матереубийство я подвиг тебя.

Пер. Вяч. Иванова

Этиология мифологемы об Эдипе устами Тиресия, прорицателя из трагедии Софокла «Царь Эдип», открывает убийце Лаия причину совершенного им отцеубийства и инцеста и предрекает слепоту, которой он сам накажет себя за постигшее его умственное затмение. Слепота как инобытие греха эдипова комплекса феноменологизирует попустительство не контролируемым разумом первородным инстинктам:

Ты знаешь ли родителей своих?
Ты знаешь ли, что стал врагом их злейшим
И здесь, под солнцем, и в подземной тьме?
И час придет – двойным разя ударом,
И за отца, и за родную мать,
Тебя изгонит из земли фиванской
Железною стопой проклятья дух,
И вместо света тьма тебя покроет.

Пер. Ф. Ф. Зелинского

Под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо

МИФОЛОГЕМЫ И ТИПОЛОГЕМЫ

Мифологемы разъясняют феномены природных явлений, историю родовых отношений, технологию производственных процессов и гносеологию познавательной деятельности. Таково содержание «сказаний» об Уране (небе) и Геи (земле), Кроносе, пожирающем своих детей, Аиде подземного царства, Посейдоне протеевой стихии, Деметре и Персефоне плодородия и земледелия, Дионисе виноделия и творческого вдохновения, Аполлоне – свете разума, Афине Палладе – мудрости, Гесте – кузнеце, Гермесе – посреднике между богами и людьми и т. п.

Легенды занимают промежуточное положение между историзирующей типизацией и мифологизирующей ее архетипизацией. Посредническую функцию между ними выполняют: полутипологический / полумифологический Иосиф, сын библейского «царя стад» Иакова, «чернокнижник» Иоганн Фауст, герои кельтской легенды о Тристане и Изольде, дон Жуан (дон Хуан де Тенорио), «добрый грешник Грегориус» – будущий римский папа, легенду о котором Гартман фон Ауэ претворил в поэму, а Т. Манн – в роман «Избранник», Гамлет из «Деяний данов» Саксона Грамматика, Натан мудрый, персонаж ренессансных новелл и просветительской драмы Г. Лессинга «Натан мудрый» и др. История их фабульных рецепций и сюжетных вербализаций маркирует этапы возрастания их типических характеров до архетипических героев.

Типологемы, в отличие от даруемых традицией мифологем и легенд, задаются познающему историческому сознанию. Их возникновение свидетельствует о целенаправленном отборе неслучайных событий, выявляющих «героев своего времени».

Таковы типы *рыцарей* – Ланселота Озерного, Гавейна, Ивейна – героев куртуазного романа, *масок* итальянской комедии *del arte*, *говорящих фамилий* и *резонеров* комедий европейского и русского неоклассицизма, подобных Сеферсу и Снейку Шеридана, Альцесту Мольера, Чужехвату Сумарокова, Правдину и Стародуму Фонвизина, высказывающихся от имени своей социальной группы, *пикаро* – борющихся за физическое и социальное выживание протагонистов плутовского и авантюрно-бытового романов от Ласарильо с Тормеса до Жиль Блаза из Сантьяны, *лирических, демонических и гротескных* героев готического романа, сентиментализма и романтизма (Манфред Горация Уолпола, Амбросио Метью Грегори Льюиса, Сен-Прё Ж.-Ж. Руссо, Вертер Гете, Рене Шатобриана, Адольф Бенжамена Констана, Де Линар Мари Коттен), *байронических* (Манфред, Каин), *тираноборцев* и *благородных разбойников*

(Карл Моор Шиллера, Прометей Шелли, Жан Сбогар Нодье, Дубровский Пушкина), *гротескных персонажей* Возрождения и романтизма (Гаргантюа Рабле, Мория Эразма Роттердамского, Глостер Шекспира, Трибуле, Квазимодо, Гуимплена и Жан Вальжан Гюго), *молодых честолюбцев* Стендаля, Бальзака, Золя, Мопассана, Диккенса, Теккерера, русских и европейских *нигилистов* от Евгения Базарова Тургенева до доктора Рие Камю и Гёца Сартра, «выбирающих самих себя» минувших и грядущих *персоналистов*.

Типы «маленьких людей», дифференцированные русской классической литературой XIX века и явленные в образах бедной Лизы Н. М. Карамзина, Самсона Вырина и «бедного Евгения» А. С. Пушкина, Акакия Акакиевича Башмачкина и Аксентия Ивановича Поприщина Н. В. Гоголя, Макара Девушкина Ф. М. Достоевского, вступают в отношения аналогии и противопоставления с «лишними людьми», подобными Чацкому, Онегину, Челкатурину, Печорину, Бельтову, Рудину, Лаврецкому, Павлу Петровичу Кирсанову, Обломову, Лаевскому и др. И «маленькие», и «лишние» маркируют два полюса конфликта между личностью и обществом. Каждый из них манифестирует конкретно-историческую правду своей типологемы: социум выбраковывает детски наивных «маленьких», по причине их бесправия и неспособности к социальной адаптации, а «большие лишние» априорно отвергают унижительные формы самореализации, которые «ничтожная действительность» в состоянии предложить их завышенной романтической самооценке.

Предугаданный А. П. Чеховым тип *неизвестного человека*, неясного ни самому себе, ни окружающим («Рассказ неизвестного человека»), запечатлен Юрием Трифоновым в повестях «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь» и ждет расширенной объективации с позиции философско-антропологической «проблемы человека».

Непрерывно продуцируемым историей типическим конфликтам, даже свободным от невротических симптомов, предстоит со временем возвыситься до мифологических.

ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭПИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СИДА В ТРАГИКОМЕДИИ ПЬЕРА КОРНЕЛЯ

В трагикомедии «Сид» (1636) Пьер Корнель описывает этапы аналитического возвышения дон Родриго, придворного короля Кастилии дон Фернандо, до мифологизированного «абсолютным эпическим прошлым» героя Реконкисты Руя Диаса де Бивара, а следовательно, – до «высокого

миметического модуса» (Н. Фрай) испанской поэмы «Песнь о моем Сиде». Обратившись к дону Родриго, образ которого посредничает между двумя его ипостасями – историко-типической и эпико-мифологической – Корнель облек борьбу королевской власти с баронской фрондой в симбиотический жанр *трагикомедии*, характеризующейся минорной завязкой и мажорной развязкой. Расположив «Сиду» между трагедией и комедией, Корнель и типологизировал героя испанской Реконкисты, и мифологизировал его до эпической монументальности.

Судьба Сиды, как всякого смертного, порождается хронологической логикой биографических событий его жизни. Жанровая избирательность героического эпоса оставила без внимания принципиальный этап *становления личности* дона Родриго, послуживший непосредственным объектом изображения в трагикомедии Корнеля. Для высокого эпического модуса интимно-личные переживания дона Родриго оставались *внелитературным фактом*. Между тем, аналитический и интеллектуально-волевой потенциал будущего Кампеадора, который помог ему развязать тугой узел социально-психологических противоречий, развился до востребованного Реконкистой таланта стратега и полководца.

Ореол эпического избранничества осеняет Сиду уже в момент его рождения и многократно подтверждается лексическим повтором, славословящим все принципиальные для его славного будущего этапы подвижничества:

Сид, в час добрый, рожденный;
Мой Сид, надевший шпагу в час добрый;
Мартин Антолинес ведет их (дружинников Сиды. – А. Б.)
скорей

К тому, кто в час добрый рожден на свет.

Пер. Ю. Корнеева

Архангел Гавриил является во сне Сиду с призывом совершить лишь ему посильный подвиг отвоевания Кастилии от неверных:

О Кампеадор, отправляйтесь в путь.
Доли славней не дано никому –
Пока вы живы, удачи вас ждут.

В отличие от эпического Сиды, с рождения инициированного в героическую парадигму, трагикомедия Корнеля воспроизводит аналитический труд выработки доном Родриго собственной типологии – логического обоснования неотвратимости подчинения субъективного объективному – сверхличным общенациональным интересам. Корнель выстраивает центральный

монолог Дона Родриго с использованием риторического приема *восходящей градации*, маркирующей этапы эволюции его сознания от спонтанного намерения пожертвовать собой во имя любви к Химене, к осознанию необходимости защитить честь оскорбленного отца, своего знатного рода и поработенной Конкистой Испании.

В начале своего монологического волеизлияния Родриго готовится принять смерть, чтобы не оскорбить Химену убийством ее отца – дон Гомеса, графа де Гормаса:

Mourons du moins sans offenser Chimène. 1.

Вербализация этой мысли открывает перед молодым влюбленным возможность объективировать конфликт, малодушное уклонение от которого чревато осуждением Испанией его неспособности защитить свою родовую честь:

Endurer que l'Espagne impute à ma mémoire
D'avoir mal soutenu l'honneur de ma maison ! 2.

Прояснив структуру корреляции любви и сыновнего долга, на одном полюсе которой оказалась Химена, а на другом – отец дон Диего, Родриго отклоняет первоначальное заблуждение своего разума и выбирает честь:

Oui, mon esprit s'était déçu.
Je dois tout à mon père avant qu'à ma maîtresse. 3.

И пеняет на свою нерешительность в столь очевидном для благородного разума выборе между униженным отцом и оскорбившим его доном Гомесом:

Et tout honteux d'avoir tant balancé,
Ne soyons plus en peine,
Puisqu'aujourd'hui mon père est l'offensé,
Si l'offenseur est père de Chimène. 4.

Дифференцируя и релятивизируя композиционные составляющие конфликта, Родриго возводит свое эмпирическое *я* к своему героическому *Я*, которому в эпической перспективе суждено и встать на защиту Родины, и бросить вызов феодальной раздробленности. В поэме ее воплощают чванливые зятья Сиды, инфанты Карионские, трусливо оставившие своих жен в ночном лесу на растерзание диким животным.

На этом историко-эпическом фоне любовные переживания корнелевского Родриго умалются до части эпохального целого – растянувшейся на века Реконкисты (732–1492), борьбы испанского

и португальского народов за освобождение Пиренейского полуострова от арабских завоевателей.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ФЕДРЫ В ТРАГЕДИЯХ ЕВРИПИДА, СЕНЕКИ И РАСИНА

Типологические черты Федры, героини любовной трагедии Жана Расина «Федра» (1677), дифференцируются и релятивизируются в полемической соотнесенности с героической трагедией Пьера Корнеля. Объясняющие мотивы социально-психологической аналитики героя трагедии Корнеля восходили к историческому Кампеадору и мифологизировали его борьбу за восстановление территориальной целостности и государственного единства Испании. Объясняющие мотивы социально-психологической аналитики Расина восходили к древнегреческому мифу о Федре и архетипизировали всевластие любовного наваждения.

Судьба мифологической Федры, дочери критского царя Миноса и Пасифаи, была трагически предначертана родословной ее матери, опорочившей себя союзом с быком, от которого она родила Минотавра – полубыка получеловека. Этиология мифа о Пасифаи отразила переход мировой культуры от зооморфизма к антропоморфизму, наделявшему богов уже не животными, а человеческими свойствами. Трагедии Еврипида, Сенеки и Расина воссоздают *кризисное* состояние Федры, которая, вызывая к своей гордости, тщится превозмочь тяготеющую над ней дурную наследственность. В трагедии Сенеки Кормилица напоминает ей о ее нравственной ответственности перед супругом:

Мать хочешь превзойти? Грех хуже чудища:
Там лишь судьба виновна, а в грехах – твой нрав.

Пер. С. Ошерова

Однако, оставаясь во власти эротического наваждения, Федра признает неспособность своего сломленного разума уклониться от навязываемой ей Афродитой роли:

Что может разум? Правит, побеждая, страсть.
И вся душа во власти бога мощного.

Расиновская Федра в пререканиях с кормилицей Эноной почти дословно воспроизводит ламентации еврипидовой Федры:

Молчи! Не отворишь любовную напасть:
Мой ум безмолвствует, повелевает страсть.

Пер. Мих. Донского

Трансцендентализм Шеллинга вдохновил его на гипотезу, что боги древнегреческого пантеона персонифицируют философские идеи: «Идеи в философии и боги в искусстве – одно и то же» [Шеллинг 1966, с. 100].

Подобно тому, как создание непротиворечивой философской системы идей призвано сформировать единую картину мира, психическим функциям надлежит сложиться в гармоничное единство мироощущения. Подобное представление отсылает к ассоциированным законами природы *инстинктам*, каждый из которых актуален в рамках своей компетенции. В трагедии Еврипида «Ипполит» Артемида заявляет, что боги (как персонификация психических функций) не враждуют между собой:

...меж богов обычай:

Наперекор друг другу не идти.

Пер. Иннокентия Анненского

Однако анализ накопленного психотерапевтического материала позволяет современной аналитической психологии выдвинуть встречную гипотезу, согласно которой не боги, а психические функции феноменологизируют симптомы невротического комплекса. Интервенция социальной патриархальной этики в природную матриархальную эстетику нарушает экологию природных процессов. Так мог бы ответить Еврипид на неисполненный отчаяния вопрос Ф. И. Тютчева:

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

МЕЖДУ МАТРИАРХАТОМ И ПАТРИАРХАТОМ

Междоусобица аполлонических (интеллигидельных) и дионисийских (стихийных) процессов вовлекает смертных в превосходящее разрешающие способности их сознания противоречие между рациональным и чувственным. Тенденциозная матриархальность Федры возвращает ее к зооморфному прошлому. Для *действительного* освобождения от угнетающей ее страсти к пасынку ей недостаточно одного лишь *осознания* структуры парализующего ее конфликта. Она нуждается в *покровительстве* могущественных патриархальных сил – молодых Аполлона и Афины – поддержавших Ореста в навязанном ему историей отказе от материнского права ради отцовского¹.

¹ Подробнее см. [Бондарев, 2018, с. 129–140].

В отличие от Еврипида, который в трагедии «Ипполит, несущий венок» объективировал матриархальный образ Федры с позиции орестовской этики, Сенека, озаглавивший свою трагедию «Федра», объективировал конфликт героини с позиции эдиповой эстетики. На драматизм затянувшегося перехода от матриархата к патриархату Олимп ответил обострением размолвок между богами. Афродита трагедии Еврипида, мстя мужественной девственности Ипполита, в сущности, бросает вызов самой Артемиде:

Но в чем передо мной
Он погрешил, за то гордец ответит
Сегодня же... Нависла и давно
Лишь мига ждет, чтоб оборваться, кара.
Пер. Иннокентия Анненского

Инерционная женственность Федры иллюстрирует рассказанный Аристофаном в диалоге Платона «Пир» миф об Андрогине. После того как завистливый Зевс разрубил двуполого Андрогина надвое, его телесная половина досталась женщине, а интеллектуальная – мужчине. Управляемая мифологической Федрой матриархальность подчиняется не долгу, а спонтанному чувству: «Мой ум безмолвствует, повелевает – страсть», – возражает она Кормилице. Патриархальная, сознательная, активность ее психики подавляется бессознательной – сновидческой. Возвращение разума к состоянию бодрствования обостряет ее страдание:

И щеки горят от стыда... возвращаться
К сознанию так больно, что, кажется, лучше,
Когда б умереть я могла, не проснувшись.

Сновидческое состояние Федры феноменологизирует ее дионисийскую природу. В трактате «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм» Ф. Ницше рассматривает историю культуры как затяжную позиционную войну дионисийского и аполлонического начал, в ходе которой победа дионисизма всякий раз «упраздняла и уничтожала аполлонизм».

В трагедии Гете «Фауст» Мефистофель предупреждает отправляющегося в Обитель Матерей «чернокнижника» об опасности затеряться в семантическом вакууме матриархальности:

Фауст
Где путь туда?

Мефистофель
Нигде.
Их мир – незнаем,

Нехожен, девственен, недосыгаем,
Желаньям недоступен. Ты готов?
Не жди нигде затворов и замков.
Слоняясь без пути пустынным краем,
Ты затеряешься в дали пустой.
Достаточно ль знаком ты с пустотой?

Пер. Б. Пастернака

Победа над своей телесностью доступна Федре лишь ценою самоубийства. Правда, механически изымая себя из конфликта, она оставляет проблему бескомпромиссного противоборства разума и чувства нерешенной. Эту замыкаемую поступком смысловую незавершенность и имел, вероятно, в виду Юнг, говоря о «способности мифологемы к трансформации» в свете новых трансгрессионных истолкований.

Архаичное сознание древних воспринимало наследственную предопределенность как силу, более могущественную, чем порыв «индивидуального принципа» (*principii individuationis*). Тактическая победа аполлонизма французского рационализма над дионисийством позволила Расину вложить в уста Ипполита утверждение, что его унаследованное от матери, царицы амазонок Антиопы, врожденное целомудрие подверглось с годами переработке в сознательную нравственную позицию:

Сын амазонки я. И для тебя не новость,
Что с молоком всосал я гордость и суровость
Когда ж я возмужал, то, сам себя узнав,
Одобрил я судьбой ниспосланный мне нрав.

Исповедуемая Ипполитом аполлоническая этика актуализирует матриархальную эстетику Федры, провоцирующую в ней пробуждение «трагической вины». В трагедиях Еврипида, Сенеки и Расина самосознанию Федры отводится страдательная роль, ограниченная констатацией безысходности поработившего ее аффекта: патриархальная этика отвергает ее матриархальную эстетику, сопротивляющуюся полноценной интеграции супруги Тесея в патриархальную культуру. Клевета на Ипполита, она амбивалентно и отстаивает свое патриархальное достоинство, и потворствует бытийствующим в ее бессознательном богиням мести Эриниям.

ОТ СПОНТАННОЙ ГЕРОИКИ ПОДВИГА К АНАЛИТИКЕ БЕЗЫСХОДНОГО СТРАДАНИЯ

В третьем акте комедии Аристофана «Лягушки», посвященной поэтическому состязанию Эсхила и Еврипида, беспристрастное судейство Диониса констатирует инволюцию аттической трагедии к эллинской, отражающей кризис героического

периода афинской государственности. Эсхил видит назначение представляемого им драматического искусства в воспитании афинских граждан в духе высокой эпической героики:

По заветам Гомера в трагедиях я сотворил величавых героев –
И Патроков, и Тевкров, с душой как у льва. Я до них
хотел граждан возвысить,
Чтобы вровень с героями встали они, боевые слышавши трубы.

Пер. А. Пиотровского

Еврипид, поэт эллинизма, сосредоточившийся на анализе динамики психических процессов, проигрывает Эсхилу. Хор, подводящий итог спору, осуждает эллинистическую софистику Еврипида и призывает драматургию к ренессансу героической архаики Эсхила:

Не сидеть у ног Сократа,
Не болтать, забыв о Музах,
Позабыв про высший смысл
Трагедийного искусства –
В этом верный, мудрый путь.

В самом деле, коллизии частной жизни неуклонно становились предметом риторических высказываний софистического периода древнегреческой литературы. И всё же Хор Аристофана несправедливо осуждает Сократа как софиста: «сократический диалог» преодолевал релятивизм, скептицизм и аморализм.

Просматриваемая историческая параллель между древнегреческой софистикой и неоклассицистическим янсенизмом позволяет соотнести типические обстоятельства эллинизма с типическими обстоятельствами, в которых осознало себя «дворянство шпаги», умаленное до придворной свиты «Короля Солнце». «Софистическая» изощренность аргументаций расиновской Федры, типологизируя релятивизацию ее психических функций, отражает саморефлексию потомственной аристократии, проблематизированная душевная жизнь которой возвышается до мифологических архетипов драматургии Еврипида и Сенеки. Реакция обитателей Версальского дворца на постигшее их историческое унижение обрела философско-религиозное основание в учении голландского богослова Корнелия Янсения. В принципиальном для христианства вопросе о спасении души католический детерминизм янсенизма уповал не на свободу воли Эразма Роттердамского («Диатриба о свободе воли»), а на учение Святого Августина о божественной благодати («О Граде Божием»). Аналитическая

проза янсенизма, с одной стороны, отвергала «евклидово мышление» картезианского *cogito*, с другой – претворяла в интеллектуальное достоинство политическую ущербность потомственной аристократии: «Шла ли речь о пудовых трактатах или о емких афоризмах, научных доктринах или светских наблюдениях, – обобщает историк янсенизма Поль Бенишу, – моралистическая проза века Людовика XIV, похоже, всецело сосредоточилась на проблеме величия и ничтожества человека, достоинстве и низменности его инстинктов. Эта полемика, потребовавшая изощреннейшей аргументации, тончайшего психологизма, явившая собою самую серьезную дискуссию, которая когда-либо велась по проблеме человека, вынесла приговор минувшей эпохе. Если в ней и преобладала пессимистическая тональность, то потому, что в век Людовика XIV сверхчеловек аристократического происхождения очутился в безвыходном положении»¹ [Benichou, 1967, с. 156].

Диалог Федры с Эноной и с самой собой строится с использованием приема градации, но не восходящей от единичного ко всеобщему, как в трагедии Корнелия «Сид», а *нисходящей*, от всеобщего к единичному – от оскорбленного достоинства к клеветнической мстительности.

Адвокатом «софистических» умозаключений Федры выступает ставшая беззаконной по «вине» патриархальной этики страсть, направляющая логику ее аргументации: каждый оправдывающий Ипполита довод оборачивается очередным моральным унижением супруги Тесея. Столкнувшись с растерянностью Ипполита, Федра, защищая свою тлеющую надежду на взаимность, пытается оправдать его замешательство врожденной суровостью сына царицы амазонок:

Ты за бесчувственность судить его не вправе:
Он переменится, воспитанный в дубраве,
Он дик, как дикий лес. Кто говорил в глуши
Ему о нежности? Касался струн души?
Быть может, Ипполит молчал от удивленья?
Ведь слышал в первый раз он страстные моления...¹

Изощренная находчивость Федры, пребывающая на службе не разума, а чувства, объясняет смущение пасынка защищенностью сына Антиопы от притягательности женских чар:

Ну что ж, не нужно мне соперниц опасаться. 2.

Изобретательность упорствующей страсти готова поступиться женским тщеславием ради

¹ Перевод наш. – А. Б.

удержания юноши, без которого для Федры нет жизни:

Поищем путь иной... Задеть его гордыню?
Ступай. – Сверканием державного венца
Прельсти и зачаруй молодого гордеца. 3.

Наконец, в пароксизме отчаяния, одержимая обращает мольбы к истерзавшей ее богине:

Иль новых жаждешь ты триумфов, Афродита?
Тогда всю мощь свою обрушь на Ипполита. 4.

Узнав о возвращении Тесея, Федра малодушно переносит ответственность на Энону:

Когда б не поддалась твоим я уговорам,
Я с честью б умерла, – теперь умру с позором. 5.

И сокрушается о детях, на чьи головы несмываемым позором ляжет ее преступление.

Ответные аргументы Эноны убеждают Федру, что замысленное ею самоубийство послужит косвенным доказательством ее вины. Смена ценностной позиции направляет эмоциональный маятник Федры к противоположному полюсу:

Он чудовище! Мне вид его ужасен! 6.

Поиски способа психологической защиты побуждают Федру увидеть в Ипполите причину всех своих несчастий и молчаливо согласиться на предложение оклеветать его. И вот, встречая возвратившегося Тесея, она по-актерски лицемерно разыгрывает роль жертвы преступных домогательств пасынка.

Если в трагедии Корнеля организующая внутренний монолог Родриго восходящая градация

воспроизводила этапы личностного становления будущего Сиды, то в трагедии Расина нисходящая градация, фиксирующая инволюционную динамику душевных процессов Федры, отмечает этапы ее нравственного саморазрушения.

Корнель и Расин типологизировали характеры и обстоятельства своего времени, возводя их до эпических и мифологических архетипов.

Героические трагедии Корнеля прозвучали ответом на вопрос мыслящих патриотов Франции о способе сознательного участия в проводимой Людовиком XIII и Ришелье политике консолидации абсолютизма.

Любовные трагедии Расина прозвучали ответом на вопрос о способах существования потомственной аристократии в условиях утвердившегося абсолютизма Людовика XIV. Признание «дворянством шпаги» бесперспективности своего политического будущего компенсировалось совершенствованием форм салонной культуры, обогащавшей художественную литературу глубоким анализом диалектики душевной жизни.

Выводы

Непрекращающиеся усилия вырваться из состояния *нет* побуждают «мыслящего тростника» (Паскаль) отыскивать в современности *типические* конфликты между характерами и обстоятельствами, когнитивная структура которых проясняла бы генезис его безосновности. Типологизированный конфликт феноменологизируется в мифологеме, этиология которой помогает каждому новому поколению идентифицировать себя в «жизни без начала и конца» (А. Блок). Возобновление исторических типологем свидетельствует об их аподиктичности, превращающейся в мифологемы по мере погружения в абсолютное сакральное прошлое.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс, 1987.
2. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.
3. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.
4. Бондарев А. П. Орест и Эдип – два полюса европейской культуры // Эпистемология литературоведения. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2018. С. 129–140.
5. Benichou P. Morales du grand siècle. P.: Gallimard, 1967. P. 156.

REFERENCES

1. Eliade, M. (1987). Kosmos i istoriya. Izbrannye raboty = Cosmos and history. Selected works. Moscow: Progress. (In Russ.)

2. Jung, K. G. (1996). Dusha i mif: shest' arhetipov = Soul and myth: six archetypes. Kiev. (In Russ.)
3. Schelling, F. V. (1966). Filosofiya iskusstva = Philosophy of Art. Moscow: Mysl. (In Russ.)
4. Bondarev, A. P. (2018). Orest i Edip – dva polyusa evropejskoj kul'tury = Orestes and Oedipus – two poles of European culture. In Epistemologiya literaturovedeniya = Epistemology of Literary studies (pp. 129–140). Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
5. Benichou, P. (1967). Morales du grand siècle. Paris: Gallimard.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарев Александр Петрович

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarev Alexandre Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Professor at the Department of Russian and Foreign Literature

Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.09.2023
03.10.2023
02.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Автобиографический миф Виктора Сосноры: к постановке проблемы

Е. И. Зейферт

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
elena_seifert@list.ru*

Аннотация. Опираясь на методологию изучения мифа, автор статьи ставит проблему автобиографического мифа Виктора Сосноры. В своей мемуарно-эссеистической книге «Дом дней» В. Соснора перемежает факты реальной автобиографии с мифологическими и фантастическими. Автобиографический миф Сосноры имеет как лирическую, так и эпическую, нарративную природу: лирика и нарратив здесь питают друг друга, насыщаясь мифом. Язык лирики необходим Сосноре для активизации мифа. В дискретной системе его мифа несколько или даже множество героев (сам рассказчик, Феофан Грек, Лиля Брик, Василий Каменский и др.) являются одним мифологизированным образом писателя.

Ключевые слова: мифология, автобиографический миф, Виктор Соснора, «Дом дней», эпос и лирика в авторском мифе

Для цитирования: Зейферт Е. И. Автобиографический миф Виктора Сосноры: к постановке проблемы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 123–130.

Original article

The Autobiographical Myth of Viktor Sosnora: to the Formulation of the Problem

Elena I. Seifert

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
elena_seifert@list.ru*

Abstract. Following on the methodology of studying the myth, the author of the article raises the problem of Viktor Sosnora's autobiographical myth. In his memoir-essay book "The House of Days" V. Sosnora intersperses the facts of a real autobiography with mythological and fantastic ones. The autobiographical myth of Sosnora has both a lyrical and an epic, narrative nature: lyric and narrative feed each other here, saturated with myth. The language of the lyrics is necessary for Sosnora to activate the myth. In the discrete system of his myth, several or even many heroes (the narrator himself, Feofan the Greek, Lilya Brik, Vasily Kamensky, and others) are one mythologized image of the writer.

Keywords: mythology, autobiographical myth, Viktor Sosnora, "House of Days", epic and lyrics in the author's myth

For citation: Seifert, E. I. (2023). The autobiographical myth of Viktor Sosnora: to the formulation of the problem. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 123–130.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование мифа многогранно. Как справедливо отмечает автор книги «Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика» Г. П. Козубовская, мифопоэтика «опирается в своем инструментарии на такие понятия, как “миф”, “мифомышление”, “мифологизм”, “мифотворчество”, “мифологизация”, “неомифологизм”, “мифореставрация”, “мифогенная литература”, “мифологема”, “архетип”» [Козубовская, 2011]. Изучением мифа занимались знаковые ученые – А. Лосев, О. Фрейденберг, Ю. Лотман, Е. Фарыно, Е. Мелетинский, М. Гаспаров, Б. Успенский, В. Топоров и др.

Литературоведение вынуждено опираться на разноречивость определений и характеристик мифа. Е. Мелетинский видел нарративную природу мифа [Мелетинский, 2012]. Г. Х. Гадамер утверждал, что «рассказанное в этом сказании не допускает никакой иной возможности опыта, кроме той, что была получена с помощью этого рассказа» [Гадамер, 1991, с. 67]. По О. Фрейденберг, миф «всегда значит то, что передает, и передает только то, что значит», миф «субъектно-объектен» [Фрейденберг, 1998].

А. Лосев, считая миф «одной из самых тёмных областей человеческого сознания», не относит его к выдумке, фикции, фантастическому вымыслу. «Миф не есть бытие идеальное», – пишет Лосев [Лосев, 1994, с. 232]. Это не научное построение, мифология не предшествует науке. Миф не базируется на научной истине. Миф не есть поэтическое произведение. По А. Ф. Лосеву, миф есть наивысшая по конкретности, максимально интенсивная и напряженная реальность [Лосев, 1993; Лосев, 2001].

В статье «Миф – развернутое магическое имя» А. Ф. Лосев утверждает, что есть «имя, развернутое в направлении смысла и идеи, имя, данное как созерцаемая, изваянная смысловая картина сущности и судеб в инобытии» [Лосев, 1994, с. 232]. Мифология, по А. Ф. Лосеву, «есть вполне закономерное создание человеческого духа и есть нормальное социальное явление». Миф есть слово: это значит, что он должен высказать, в чем именно заключается его отрешенность. <...> миф превратился для нас в сознательно-личностно-словесную форму, развертывающуюся к тому же исторически. Миф есть чудо [там же, с. 153]. Что такое чудо с точки зрения мифического сознания? Вмешательство Высшей силы. Не нарушение, а установление и проявление подлинных, воистину нерушимых законов природы [Лосев, 1994, с. 155]. Взаимоотношение каких именно личностных планов есть чудо? Чтобы случилось чудо, достаточно одной личности [там же, с. 162]. Необходимы два плана личности: 1) личность сама по себе, вне своего

изменения, вне всякой истории; 2) самая история этой личности, реальное ее протекание и становление, алогическое становление [там же, с. 164].

Для Р. Барта миф – это слово, форма, способ выражения, в мифе обнаруживается означающее, означаемое и знак [Барт, 2000]. «Как мы видим, – размышляет Р. Барт, – в мифе имеется две семиологических системы, одна из которых смещена по отношению к другой: во-первых, это лингвистическая система, система естественного языка или же аналогичных ему способов представления, которую я в дальнейшем буду называть языком-объект, так как этим языком миф овладевает, чтобы построить свою собственную систему; во-вторых, сам миф, который я буду далее называть метаязыком, так как он представляет собой вторичный язык, на котором говорят о первичном» [там же, с. 239]. Барт считает миф похищением языка, любой естественный язык – добыча для мифа и оказывает мифу слабое сопротивление. Язык предоставляет мифу «как бы пористый смысл, легко способный набухнуть просочившимся в него мифом» [там же, с. 241]. Из всех сил противится мифу язык поэзии. Если миф стремится к сверхзнаковости, то поэзия как «убийство языка», «чувственно-протяженный аналог безмолвия» – к дознаковой природе языка. Ее идеалом является дойти не до смысла слов, а до смысла вещей. Но «отчаянно отвергая миф, она на самом деле покорно ему отдается». Сама сопротивляемость поэзии делает ее «идеальной жертвой мифа». В. Хализев определяет миф как «общеуказательное высказывание, которое требует к себе полного, безоговорочного, нерелективного доверия и такое доверие вызывает – или всеобщее, или, по меньшей мере, значительной части социума» [Хализев, 2002, с. 13].

По мнению Ю. Лотмана и З. Минц, «соотношение мифа и художественной (письменной) литературы может рассматриваться в двух аспектах: эволюционном и типологическом» [Лотман, Минц, 1981, с. 35–36]. С точки зрения эволюционного аспекта литература имеет дело с разрушенными, реликтовыми формами мифа и сама способствует его разрушению. С типологического ракурса миф и литература предстают различными системами, которые являются взаимно дополнительными, а не только лишь разнесенными во времени. «Универсальные мифопоэтические схемы реализуются полнее всего в архаических текстах космологического содержания, описывающих решение некоей основной задачи (сверхзадачи), от которого зависит все остальное» [Топоров, 1995].

Цель настоящего исследования – рассмотреть индивидуальный автобиографический миф Виктора Сосноры в его мемуарно-эссеистической книге «Дом дней». Автор статьи ставит эту проблему,

закладывая фундамент и намечая пути ее решения на основе структурно-описательного метода. В качестве сравнительного фона в перспективе будет исследована лирика Сосноры.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

«Мифологизм» является характерным явлением литературы XX века и как художественный прием, и как стоящее за этим приемом мироощущение (дело, конечно, не только в использовании отдельных мифологических мотивов) [Мелетинский, 2012]. Неомиф существенно отличается от древнего мифа. «На авансцену неомифологии с течением времени всё настойчивее выдвигается видение реальности как сущностно дисгармоничной, безысходно хаотической» [Хализев, 2002, с. 9], – правомерно рассуждает В. Хализев. Он считает, что неомифы не становятся «долгожителями», это преимущественно внутриэпохальные феномены [Хализев, 2002, с. 10].

В научном издании «Миф и художественное сознание XX века» [Миф и художественное сознание XX века, 2011] ученые рассматривают миф в модерне и модерн как миф, архитектуру мифа, мифологическое сознание и его метафизический предел, миф в системе построения культурной идентичности, локальные мифы, авторские мифы и др.

О нарративной природе авторского мифа говорит В. Пьянзина: «Авторский миф представляет собой нарратив, созданный при помощи мифа, как с точки зрения структуры, так и с точки зрения содержания» [Пьянзина, 2017]. С этим определением солидаризируются А. Борунов и Е. Шерчалова, добавляя, что авторский миф является набором фактов, связанных между собой автором, и «содержит в себе завершённую картину мира» [Борунов, Шерчалова, 2021]. Ученые изучили авторский миф в творчестве М. Цветаевой (И. Ю. Латыпова, 2008; М. О. Кучумова, 2020), Дж. Апдайк (О. М. Кравец, 2013), Ю. Домбровского (Ж. А. Баянбаева, 2016), Э. Канетти (А. Г. Барова, 2016) и др. Изучен мифологизм и теологизм Цветаевой (Е. Фарыно, 1985), в авторском мифе Цветаевой выделены архетипические элементы (Т. Н. Гурьева, 1995, 1996).

Исследование мифа Ю. Лотманом и З. Минц выводит на интересные наблюдения:

- 1) «общепризнанным свойством мифа является подчиненность его циклическому времени: события не имеют линейного развертывания, а только вечно повторяются в некотором заданном порядке, причем понятия «начала» и «конца» к ним принципиально не применимы»;
- 2) «герои мифа (которые, по сути, с мифологической позиции, – один герой и лишь

при перекодировке в дискретную систему превращаются в множество)»;

- 3) «наиболее очевидным результатом линейного развертывания циклических текстов было появление персонажей-двойников» [Лотман, Минц, 1981, с. 40].

Мифологическая сущность подобных текстов проявляется в том, что избранный ими герой оказывается демиургом некоего условного мира, который, однако, навязывается аудитории в качестве модели реального мира.

Эти тезисы остро актуальны при исследовании автобиографического мифа. Автобиографический миф создают не только писатели, но все люди. По исследованиям психологов, большая часть наших воспоминаний – контаминация обрывков событий, чьих-то рассказов о них, снов, мнительности, фантазий. Когда мы вынимаем файл из копилки памяти, а потом возвращаем его обратно, он уже измененный. На этом свойстве воспоминания основаны и попытки его трансформации в процессе исцеляющей работы психолога с пациентом. По утверждению исследовательницы Джулии Шоу, памяти не стоит доверять, она большей частью ложная [Шоу, 2017].

Е. Болнова, изучая орфический миф в контексте творчества В. Сосноры, отмечает, что для его поэтики «характерно обращение к мотивам, образам античной истории и мифологии» [Болнова, 2018]. Соснора встраивает орфический миф «в собственную неомифологическую картину мира» [там же, с. 195]. Эта же исследовательница делает анализ мифологических и литературных источников повести Сосноры «Человек и лошадь» [Болнова, 2021]. Через метатекстовые структуры О. Соколова анализирует кризис онтологического мифа о тексте в творчестве С. Сосноры [Соколова, 2019]. Ю. Орлицкий, изучая метрический репертуар Сосноры, особое внимание уделяет влиянию античной метрики на русского поэта: в его творчестве обнаруживается ряд дериватов гекзаметра, логоэды и псевдологаэды [Орлицкий, 2019]. И. Лощилов, называя свою статью заметкой, рассматривает влияние отдельных античных размеров на поэтику В. Сосноры [Лощилов, 2011]. Авторский миф Сосноры, безусловно, шире разработки им комплекса античных мотивов. Творчество Сосноры широко и глубоко изучено, однако монографическое исследование его автобиографического мифа предпринято не было.

КНИГА В. СОСНОРЫ «ДОМ ДНЕЙ» КАК КОЛЛЕКЦИЯ АВТОРСКИХ МИФОВ

«Я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки зрения другого», – так пишет М. Бахтин об оптике взаимоотношений автора и его

автобиографического героя [Бахтин, 2000, с. 241]. В «прозе поэта»¹ «Дом дней» автор «не совпадает со своим творением», слушает себя «другим ухом» [Деррида, 2002, с. 67]. Д. Магомедова выделяет три подхода к писательской биографии – комментаторский, историко-культурный и автобиографический миф [Магомедова, 1997]. В. Соснора в мемуарно-эссеистической книге «Дом дней» не стремится давать ключи к другим своим произведениям, однако в духе XX века, который во время создания книги уже на излете, рождает к жизни автобиографический миф. Уже столетие назад Ю. Тынянов называет мифологизированный образ писателя литературной личностью [Тынянов, 2002]. Тогда же Б. Томашевский исследовал соотношение подлинной биографии писателя и биографической легенды² [Томашевский, 1923]. О. Никитина предлагает разграничивать автобиографический и биографический миф: на первый сознательно влияет сам автор, на второй, спровоцированный автором сознательно или бессознательно, – его окружение [Никитина, 2011]. Добавлю от себя, что при жизни автора биографический миф становится для него словно зеркалом, в которое смотрится его автобиографический миф. Это продолжается и в посмертии, но в видоизмененной форме, потому что автобиографический миф не продолжает нарастать. В случае Виктора Сосноры объявленный им в 2005 году акт поэтического молчания («Больше стихов не будет. Еще ни один из уважающих себя поэтов не написал ни строчки после семидесяти, и так во всём мире» [Фаликов, 2014]) стал продуктивным для биографического мифа, и после ухода автора его инерция огромна. Искажение правды подано в акте молчания как истина: мы не верим, что ни один автор не писал после семидесяти, и, возможно, не верим тому, что Соснора молчал.

М. Кучумова под автобиографическим мифом подразумевает «концепцию личности автора, созданную им самим с целью признания ее читателями и приобретения ею статуса единственно верной трактовки личности создателя» [Кучумова, 2020, с. 12]. Относительно литературной личности Сосноры (и других автобиографических мифов с фантастическими элементами уровня первичной художественной условности) важны уточнения этого определения: это концепция личности автора, созданная им самим с целью творческой игры с читателем как одна из версий его литературной личности.

В книге В. Сосноры «Дом дней», части которой можно воспринимать как главы целого или как отдельные произведения, автор проращивает собственный миф на фоне созданных им мифов о Феофане Греке, Владимире Маяковском, Алексее Кручёных, Давиде Бурлюке, Василии Каменском, Николае Асееве, Лиле Брик и других знаковых людях. Контекст этих историй-мифов усиливает мифологическую «достоверность» собственной фабулы.

Феофана Грека (умершего естественной смертью в одном из городов Московского княжества), по мнению автобиографического героя-рассказчика, в Новгороде съели собаки, которых мешками костей заманили в храм завистливые люди. Феофан Грек бил в колокол сигнал SOS, но собаки всё же сожрали его.

Рабом пришел мифологизированный рассказчик книги к Николаю Асееву, а тот его выкупил и назвал «офицером Бога, из бриллиантов» и велел поэтам: «Чисть ему сапог, неумытое рыло!».

Мифологические Феофан Грек, Василий Каменский, Лиля Брик и другие герои «Дома дней» становятся своеобразными двойниками мифологизированного образа Сосноры. Тема двойничества пронизывает и его лирику, играя мотивами метаморфозы:

Я думал в кольцах табака
опять о двойниках.
У каждого есть свой двойник,
у капли, жабы, у луны.
Ты, мне вменяемый двойник,
поближе поблуждай!

Виктор Соснора. Два сентября и один февраль

В мифы об известных людях на равных с чудесными вплетаются реальные детали: у Василия Каменского действительно отняли обе ноги, у Лили Брик было кольцо Маяковского с гравировкой «Люблю».

Этот же принцип Соснора сохраняет и при создании «своей» биографии: будущий поэт действительно родился в Ленинграде; эвакуированного и попавшего под оккупацию на Кубани мальчика нашел отец, ставший к тому времени командиром корпуса Войска Польского³; Соснора дружил с Лилей Брик и Николаем Асеевым. Реальная биография Сосноры и без мифа легендарна. Сыном полка он дошел до Франкфурта-на-Одере, в возрасте девяти лет так метко стрелял, что был определен в снайперы. Легендарен при радикально отличной от официальной стилистики выход в 1969 году первой книги «Январский ливень» с предисловием Н. Асе-

¹Понятие «прозы поэта» ввел Р. Якобсон (Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 324).

²Позже названной «биографическим мифом», «автобиографическим мифом», «авторским мифом»

³Это гипертрофировано в созданном В. Соснорой мифе: «К. Рокоссовский папу любил и назначил комендантом Варшавы»

ева. Соснору поддерживали Николай Асеев и Борис Слуцкий, при этом он часто бывал за границей и читал лекции в США и Франции.

МИФЫ О РОЖДЕНИИ, ГРУДНОМ ВСКАРМЛИВАНИИ, ПРЕВРАЩЕНИИ, СМЕРТИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОСНОРЫ

Героя-рассказчика в «Доме дней» называют «орфи-ком» и «посланцем». Он «поэт», «авантюрист», «король», «пришелец», само его имя – произведение искусства (по Лосеву, «миф – развернутое магическое имя»), его лицо, о котором миллион женщин потрясенно сказали: «Какое старинное лицо!», «в равной степени принадлежит и прошлому, и будущему» [Соснора, 1997, с. 12].

Автобиографический миф Сосноры подробно изображает рождение героя-рассказчика, что уподобляет это повествование мифологическим нарративам о рождении героев. Рождение не начало нарратива, в мифе нет начала и конца, не зря книга Сосноры начинается текстом под названием «В закат». Автобиографический герой родился с двумя головами, одну из которых носит, а другую, хотя в ней было «много мозга», ампутировали. Она, безногая, с едва обозначенными ртом и глазами, нарисованными ушами, бескостная, без хрящей, росла из темени первой, и шейка была с лепестками. «О головах: и с одной я достиг в Олимпийский играх в беге на колесницах венки из фиалок с надписью» (В. Соснора. *Дом дней*. 1997. С. 10). Вскормить его пытались молоком львицы: у матери пропало молоко, и бабушка внесла младенца в клетку с львицей Люсиль. К ней рвались львы, которые «тогда расплодились в Ленинграде», и молочная мать разорвала младенца на куски. Он ожил, потому что его сшили из кусков в больнице: родные мать и отец дали ему кровь, а бабушка ему читала. В детстве герой-рассказчик любил есть грим – не вкус его, а цвет. Гримом он разрисовал свою сестру Ж., раздев донага и замазав толстым слоем грима. Сестра умерла. «Много пишут о моей божественности. Это не совсем так. Я с одной стороны посланец, на большее не претендую» (В. Соснора. *Дом дней*. 1997. С. 10). Трагическими мотивами сталинизма пронизана родословная: отец был арестован, год пыток, благодаря обращению матери к Высокому родственнику освобожден. «Книги о блокаде лгут, – пишет Соснора. – Спроси, как я страдаю, – ответу: миф» (В. Соснора. *Дом дней*. 1997. С. 20). Он пишет о полчищах крыс «за два дня до пожара Бадаевских складов». Крысы шли в воду, в Неву. Немцы даже перестали стрелять, видя колонны крыс. Сталинизм тоже мифологически

окрашен: герой-рассказчик «хоронил М. И. Калинина, его гроб несли на плече, как на субботнике – Сталин, Берия, Молотов, Ворошилов, Каганович и ряды друзей Всесоюзного старосты» (В. Соснора. *Дом дней*. 1997. С. 47).

Литературная личность Сосноры в «Доме дней», как видим, покоится на мифах о рождении, грудном вскармливании, превращении, волшебных предметах, смерти и др.

Герой, родившийся с двумя головами (одна из которых была сразу отнята после рождения), восходит к мифологическим персонажам. Двуголовы Орф, чудовищный двуглавый пес, брат Цербера, отец Сфинкса и Немейского льва, Амфисбена, гигантская двуголовая змея, вторая голова которой находится на хвосте. Немало многоголовых мифологических существ: Лернейская гидра, Цербер, Гекатонхейры, Равана, Змей Горыныч и др. Все эти существа могущественные и сильные. В природе вследствие генной мутации встречаются двуголовые змеи, рыбы и др. На голове расположено много органов чувств – уши, нос, рот, кожа. Для Сосноры двуголовый поэт, ставший одноголовым, – символ утраты сразу после рождения части своего могущества.

Если Ромул и Рем вскормлены молоком волчицы, Зевс – молоком божественной козы Амалфеи, то кормилицей литературной личности Сосноры пытались сделать львицу Люсиль, что отсылает к сказке о мертвой и живой воде: мертвая вода соединяет ткани, а живая оживляет.

В мифологии множество мифов о превращениях (Мидас, Ио, Арахна, Дафна, Пигмалион, Нарцисс, Эак, Гиацинт и др.) История с сестрой Ж. – перевертыш мифа о Пигмалионе и Галатее: литературная личность замазывает толстым слоем грима живую девочку, и та умирает.

Полчища крыс, идущие к воде, восходят к немецкой легенде о гамельнском крысолове, который под звуки своей волшебной флейты околдовал заплонивших город Гамельн крыс и увел их в воды реки Везер. Легенда имеет продолжение: магистрат Гамельна не заплатил ему обещанное вознаграждение, и музыкант под звуки флейты увел из города всех детей, которые потом пропали без вести (это косвенно отсылает к ладожской Дороге жизни, по которой вывозили эвакуированных ленинградцев, в том числе детей).

Мотивы книги «Дом дней» («скот уходит в смерть по костяной пустыне», «новая птичка с именем Отнюдь», которой грешник кричит «Огненно!» и др.) нередко работают по принципу лирической ассоциации, непредсказуемы. Эта эмоционально насыщенная проза поэта, с одной стороны, дополняет стихи Сосноры, с другой

– преобразует его биографию и исторический контекст по законам мифотворчества. Однако нарратив прослеживается как в малых фабулах (истории рождения, становления и др.), так и в целом во всей книге. Это сюжет о формировании поэта на фоне истории, столь легендарной, что различие между реальностью и фантастикой почти не ощущается.

В свете автобиографического мифа В. Сосноры в перспективе было бы интересно рассмотреть его стихотворения со словами *опять, снова, вновь*, мотивами рождения, смерти, Воскресения («И вот – опять...», «Храни тебя, Христос», «1111 год», «Фауст и Венера. Тьетта» и др.). Возможно, эти произведения нацелены на циклическое мифологическое изображение лирических событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируем предварительные наблюдения. Виктор Соснора создает автобиографический миф с комплексов элементов первичной художественной условности с целью творческой игры с читателем как одну из версий своей литературной личности.

Мифологизированный образ Сосноры в «Доме дней» покоится на мифах о рождении, грудном

вскармливании, превращении, волшебных предметах, смерти и т. п., причем рождение здесь не является началом нарратива. Художественное время автобиографического мифа Сосноры циклично.

Автобиографический миф Сосноры имеет как лирическую, так и эпическую, нарративную природу: лирика и нарратив здесь питают друг друга, насыщаясь мифом. Язык лирики необходим Сосноре для активизации мифа.

В дискретной системе его мифа несколько или даже множество героев (сам рассказчик, Феофан Грек, Лиля Брик, Василий Каменский и др.) являются одним мифологизированным образом писателя. Персонажи-двойники (герой-рассказчик и Лиля Брик; герой-рассказчик и Николай Асеев) свидетельствуют об одновременном циклическому мифологическому историческому, а значит, линейном разворачивании циклического образования. Два плана автобиографического мифа – литературная личность и ее развитие – создают алогический мифологический мир, художественное правдоподобие которого опирается на непредсказуемые творческие решения и живую историю, и рождает чудо, оцеляющее хаос эпохи. Книга В. Сосноры «Дом дней», имея основную автобиографическую мифологическую фабулу, предстает копилкой авторских мифов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Козубовская Г. П. Рубеж XIX–XX веков: миф и мифопоэтика. Монография. Барнаул: АлтГПА, 2011.
2. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Мир, Академ. проект, 2012.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
4. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература, 1998.
5. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994.
6. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993.
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001.
8. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2000.
9. Хализев В. Е. Мифология XIX–XX вв. и литература // Вестник МГУ. 2002. № 3. С. 7–21.
10. Лотман Ю. М., Минц З. Г. Литература и мифология // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 546. Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. С. 35–56.
11. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, Культура, 1995.
12. Миф и художественное сознание XX века / отв. ред. Н. А. Хренов. М.: Государственный институт искусствознания, 2011.
13. Пьянзина В. А. Авторский миф как жанр современной литературы // Universum: филология и искусствознание. 2017. Вып. 9 (43). С. 9–11.
14. Борунов А. Б., Шерчалова Е. В. Авторский миф в современном постмодернистском романе // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 3. С. 8–20.
15. Шоу Дж. Ложная память. Почему нельзя доверять воспоминаниям / пер. с англ. И. Никитиной. М.: Колибри, 2017.
16. Болнова Е. В. Орфический миф в контексте творчества В. Сосноры // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 194–199.
17. Болнова Е. В. Мифологические и литературные источники повести Сосноры «Человек и лошадь» // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2021. № 4 (12). С. 25–37.

18. Соколова О. В. Метатекстовые структуры: кризис онтологического мифа о тексте в творчестве В. Сосноры // От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019. С. 161–173.
19. Орлицкий Ю. Б. О стихосложении Виктора Сосноры (предварительные замечания) // Новое литературное обозрение. 2019. № 160 (6). С. 187–202.
20. Лошилов И. Е. «Но амфимах у нас еще не наш...». Из наблюдений над поэтикой книги Виктора Сосноры «Верховный час» // Культура и текст. 2011. С. 241–249.
21. Бахтин М. М. К вопросам самосознания и самооценки // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
22. Деррида Ж. Отобиографии: Учение Ницше и политика имени собственного / пер. с фр. В. Лапицкого. СПб.: Академ. проект, 2002.
23. Магомедова Д. М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997.
24. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Литературная эволюция. Избранные труды. М.: Аграф, 2002. С. 167–188.
25. Томашевский Б. В. Литература и биография // Книга и революция. № 4 (28). М., 1923. С. 6–9.
26. Никитина О. Э. Биографические мифы о русских рок-поэтах. М.: Гуманитарная академия, 2011.
27. Фаликов И. Поэт. Национальный. Русский // Литература. № 209. 06.07.2014. URL: <https://litteratura.org/criticism/204-ilya-falikov-poet-nacionalnyy-russkiy.html>, 06.07.2014.
28. Кучумова М. О. Автобиографический миф в прозе М. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2020.

REFERENCES

1. Kozubovskaia, G. P. (2011). Rubezh XIX–XX vv.: mif i mifopoetika = The turn of the 19th–20th centuries: myth and mythopoetics: monograph. Barnaul: AltGPA. (In Russ.)
2. Meletinskii, E. M. (2012). Poetika mifa = Poetics of myth. Moscow: Mir, Akademicheskij proekt. (In Russ.)
3. Gadamer, G.-G. (1991). Aktualnost' prekrasnogo = The relevance of beauty. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
4. Freidenberg, O. M. (1998). Mif i literatura drevnosti = Myth and literature of antiquity. Moscow: Vostochnaia literatura. (In Russ.)
5. Losev, A. F. (1994). Mif. Chislo. Sushchnost' = Myth. Number. Essence. Moscow: Mysl. (In Russ.)
6. Losev, A. F. (1993). Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii = Essays on ancient symbolism and mythology. Moscow: Mysl. (In Russ.)
7. Losev, A. F. (2001). Dialektika mifa = Dialectic of myth. Moscow: Mysl. (In Russ.)
8. Bart, R. (2000). Mifologii = Mythology. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. (In Russ.)
9. Khalizev, V. E. (2002). Mifologiya XIX–XX vv. i literatura = Mythology 19th–20th centuries and literature. Lomonosov Philology Journal, 3, 7–21. (In Russ.)
10. Lotman, Iu. M., Mintz, Z. G. (1981). Literatura i mifologiya = Literature and mythology. In Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta (issue 546. Trudy po znakovym sistemam, pp. 35–56). Tartu. (In Russ.)
11. Toporov, V. N. (1995). Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo = Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of mythopoetic. Moscow: Progress, Kultura. (In Russ.)
12. Khrenov, N. A. (Ed.). (2011). Mif i khudozhestvennoe soznanie XX veka = Myth and artistic consciousness of the 20th century. Moscow: Gosudarstvennyi institut iskusstvovedeniia. (In Russ.)
13. Pianzina, V. A. (2017). Avtorskii mif kak zhanr sovremennoi literatury = Author's myth as a genre of modern literature. Universum: filologiya i iskusstvovedenie, 9(43), 9–11. (In Russ.)
14. Borunov, A. B., Sherchalova, E. V. (2021). Author's Myth in the Contemporary Post-modern Novel. Filologicheskii klass, 26(3), 8–20. (In Russ.)
15. Shou, Dzh. (2017). Lozhnaia pamiat. Pochemu nelzia doveriat' vospominaniiam = False memory. Why You Can't Trust Memories. Moscow: Kolibri. (In Russ.)
16. Bolnova, E. V. (2018). Orficheskii mif v kontekste tvorchestva V. Sosnory = Orphic myth in the context of V. Sosnora's creativity. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, 2, 194–199. (In Russ.)
17. Bolnova, E. V. (2021). Mifologicheskie i literaturnye istochniki povesti Sosnory «Chelovek i loshad'» = Mythological and literary sources of Sosnora's story "The Man and the Horse". Palimpsest. Literaturovedcheskii zhurnal, 4(12), 25–37. (In Russ.)
18. Sokolova, O. V. (2019). Metatekstovye struktury: krizis ontologicheskogo mifa o tekste v tvorchestve V. Sosnory = Metatext Structures: The Crisis of the Ontological Myth about the Text in the Works of V. Sosnora. Ot avangarda k neoavangardu: iazyk, subektivnost', kulturnye perenosy (pp. 161–173). Moscow: Kulturnaia revoliutsiia. (In Russ.)

19. Orlitskiy, Yu. B. (2019). On Victor Sosnora's Versification (Preliminary Notes). *Novoe literaturnoe obozrenie*, 160(6), 187–202. (In Russ.)
20. Loshchilov, I. E. (2011). "No amfimakr u nas eshche ne nash..." Iz nabliudenii nad poetikoi knigi Viktora Sosnory «Verkhovnyi chas» = "But the amphimacra is not ours yet...". From Observations on the Poetics of Victor Sosnora's Book "The Supreme Hour". In *Kultura i tekst* (pp. 241–249). (In Russ.)
21. Bakhtin, M. M. (2000). K voprosam samosoznaniia i samootcenki = To questions of self-awareness and self-esteem. Avtor i geroi: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. St. Petersburg: Azbuka. (In Russ.)
22. Derrida, Zh. (2002). Otobiografii: Uchenie Nitshe i politika imeni sobstvennogo = Otobiographies: The Teachings of Nietzsche and the Politics of the Proper Names, transl. from French by V. Lapickij. St. Petersburg: Akademicheskij proekt. (In Russ.)
23. Magomedova, D. M. (1997). Avtobiograficheskii mif v tvorchestve A. Bloka = Autobiographical myth in the work of A. Blok. Moscow: Martin. (In Russ.)
24. Tynianov, Yu. N. (2002). Literaturnyi fakt = Literary fact. In *Literaturnaia evoliutcia. Izbrannye trudy* (pp. 167–188). Moscow: Agraf. (In Russ.)
25. Tomashevskii, B. V. (1923). Literatura i biografiia = Literature and biography. *Kniga i revoliutcia*, 4(28), 6–9. Moscow. (In Russ.)
26. Nikitina, O. E. (2011). Biograficheskie mify o russkikh rok-poetakh = Biographical myths about Russian rock poets. Moscow: Gumanitarnaia akademiia. (In Russ.)
27. Falikov, I. (2014). Poet. Nacionalnyi. Russkii = Poet. National. Russian. *Litteratura*, 209. 06.07.2014. <https://litteratura.org/criticism/204-ilya-falikov-poet-nacionalnyy-russkiy.html>. (In Russ.)
28. Kuchumova, M. O. (2020). Avtobiograficheskii mif v proze M. Tsvetaevoi = Autobiographical myth in the prose of M. Tsvetaeva: PhD in Philology. Kazan. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зейферт Елена Ивановна

доктор филологических наук

профессор Российского государственного гуманитарного университета

ведущий научный сотрудник Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seifert Elena Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.)

Professor of Russian State University for the Humanities

Leading research fellow of Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.08.2023
25.09.2023
02.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Поэтические прошения Уильяма Данбара

К. Р. Ибрагимова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
agitato72@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается средневековый поэтический жанр прошения и его реализация в творчестве шотландского поэта Уильяма Данбара. Предлагается краткий очерк творческой биографии Данбара, типология его поэтических прошений (просьба, жалоба, «объяснительная записка»), анализ его стихотворений в этом жанре, сопоставление их с прошениями других поэтов Средневековья. Автор статьи приходит к выводу, что во всех типах жанра прошения у Данбара художественная задача соединяется с задачей прагматической.

Ключевые слова: Уильям Данбар, Джеффри Чосер, поэтическое прошение, шотландские чосерианцы, Средневековье

Для цитирования: Ибрагимова К. Р. Поэтические прошения Уильяма Данбара // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 131–137.

Original article

William Dunbar's Poetic Petitions

Karina R. Ibragimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
agitato72@mail.ru

Abstract. The article deals with the medieval poetic genre of petition and its implementation in the work of the Scottish poet William Dunbar. The main topics are a brief sketch of Dunbar's creative biography, a typology of Dunbar's poetic petitions (a request, a complaint, a "letter of explanation"), analysis of his poems in this genre, and their comparison with the petitions of other medieval poets. The author of the article comes to the conclusion that in all types of the genre of Dunbar's petition, the artistic task is combined with the practical task.

Keywords: William Dunbar, Geoffrey Chaucer, poetic petitions, Scottish Chaucerians, the Middle Ages

For citation: Ibragimova, K. R. (2023). William Dunbar's poetic petitions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 131–137.

ВВЕДЕНИЕ

Уильям Данбар (William Dunbar, ок. 1460 – ок. 1520) был одной из знаковых фигур шотландского позднего Средневековья. Он принадлежал к плеяде шотландских чосерианцев – поэтов, избравших в качестве ориентира Джеффри Чосера и в своем творчестве на языке скотс (шотландском варианте английского языка) стремившихся обновить национальную поэтику, обращаясь к его художественным открытиям [Фох, 1966]. В России творчество Данбара остается малоизученным: его имя появляется в обзорных статьях о шотландской средневековой литературе М. П. Алексеева (1984), а также в статьях Э. Р. Тулуп (2012), рассматривающей творчество Данбара в свете героических мотивов в средневековой шотландской поэзии. Поэзия Данбара не переведена на русский язык, и в настоящий момент существуют лишь любительские переводы отдельных стихотворений, что не дает возможности русскоязычному читателю составить цельного представления о его творчестве.

Достоверных источников, освещающих жизнь Данбара, крайне мало: основные факты его биографии известны нам по его финансовым документам, а также восстанавливаются биографами по воспоминаниям современников и стихотворениям самого поэта. Большая часть этих материалов принадлежит времени, когда судьба поэта была тесно связана с двором шотландского короля Иакова IV (James IV, 1473–1513), куда Данбар приехал в 1500 году. Точно не установлено, какую должность Данбар занимал при дворе: он мог быть как писцом, секретарем или посланником, так и капелланом или даже личным духовником короля [Baxter, 1952]. Несомненно одно: поэтическое творчество было включено в придворные обязанности Данбара.

Главным модусом придворной поэзии была хвала: восхвалялись либо высокопоставленные лица, либо (что встречается реже) значимые для шотландцев места; описывались важные события, происходившие некогда в шотландской истории и празднества, принятые при дворе. Поэзия становилась неким официальным рупором власти, фиксирующим все происходящее и дающим ему оценку (всегда, впрочем, положительную). Придворный поэт неизбежно оказывался в ситуации, когда тематическая вариативность была практически невозможна: необходимо было следовать как законам жанра, так и желаниям власть имущих [Holzknecht, 1967].

Придворная поэзия Данбара также строилась на восхвалении, однако включала в себя не только хвалебную лирику, представленную панегириками, но и жанр поэтического прошения с обращениями

к важным лицам, которые имели возможность изменить жизнь поэта к лучшему.

Цель статьи – рассмотреть жанр поэтического прошения в творчестве Данбара, выделить основные поджанры, а также проанализировать ключевые образы, сопрягающиеся с фигурой лирического «я» данбаровских поэтических прошений.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ПРОШЕНИЕ КАК ЖАНР

Сохранилось более двадцати поэтических прошений, написанных Данбаром, и все они очень похожи по форме и стилю: большая их часть написана четырехстопным ямбом, задействована простая лексика, а в конце каждой строфы появляется рефрен. В отличие от панегирика, где поэту в первую очередь отведена роль выразителя общественной или королевской позиции, прошение конкретизирует говорящего субъекта, замыкает его голос в определенном теле.

Система отношений, сложившаяся между королем как сеньором и поэтом как вассалом, представляла ее участникам возможность поддерживать общение: король заказывал поэту написать ту или иную вещь, а за это вознаграждал его; в свою очередь, поэт, желающий получить новый заказ, недовольный своим местом при дворе или вознаграждением, также мог обратиться к королю. Эту задачу поэт мог решить несколькими способами, изящнейшим из которых было сочинение поэтического прошения, которое являлось одновременно подтверждением исполнения обязанностей придворного поэта и выражением его просьбы.

Данбар не был первооткрывателем жанра поэтического прошения: задолго до него поэты, поступавшие на придворную службу, писали подобные вещи. Так, к примеру, Архипиита Кельнский (Archipoeta, ок. 1130 – ок. 1165) жаловался своему господину Райнальду фон Дасселю на то, что его вино разбавляют; Примас Орлеанский (Hugo Primas Aurelianensis, ок. 1093 – ок. 1160), получив в дар от своего господина меха, сокрушался в послании ему, что эти меха уже поношены; Матье Вандомский (Matthaeus Vindocinensis, ок. 1100 – ок. 1185) составлял почти «поэтические резюме», в которых давал характеристику своей учености, прося оценить его по достоинству [Curtius, 1963]. Поэтические прошения писали и английские предшественники Данбара: подобные стихотворения встречаются в творчестве Джеффри Чосера, Джона Лидгейта, Томаса Окклива и др. Однако, как отмечает Присцилла Бокатт, несмотря на устойчивую традицию обращаться к своему господину с просьбами, выраженными в стихах, жанр этот не подчинялся строгим правилам [Bawcutt,

1992]. Общими для этих стихотворений были лишь интенция и тоpos смирения, однако эти отличительные особенности были продиктованы самой целью высказывания. Поэты, писавшие подобные прошения, редко ссылались на предшественников, поэтому была возможна широкая вариативность.

Жанр прошения имел не только художественное, но и практическое значение: несмотря на то, что доподлинно неизвестно, функционировали ли поэтические прошения как официальные документы, эти тексты могли влиять на положение придворных поэтов. Так, в 1507 и 1510 годах жалование Данбара было увеличено: вероятно, причиной тому стали его прошения [Ross, 1981]. Некоторые стихотворения Данбара в этом жанре, напротив, не содержали конкретных просьб, оказываясь скорее попыткой коммуникации с высокопоставленным лицом, нежели способом добиться материальных благ.

По мнению исследовательницы Рэйчел Тейлор, «Данбару не повезло, что сохранилось так много его поэтических прошений, ведь у читателей возникает ощущение, что как поэту и, более того, как шотландцу, Данбару не следовало просить так настойчиво»¹ [Taylor, 1931, с. 64]. В этой оценке ей вторит Клайв Стейплз Льюис, отмечая, что эти стихотворения являются «на первый взгляд непривлекательными» [Lewis, 1973, с. 93]. Однако нас интересует не столько моральная оценка поэтических прошений Данбара, сколько то, как в них функционирует поэтический субъект, а также вопрос о том, насколько новаторским можно считать подход шотландского поэта к исполнению этой задачи.

ТРИ ТИПА ПРОШЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ У. ДАНБАРА

Изучив корпус художественных текстов, можно выделить три основных поджанра данбаровских поэтических прошений: во-первых, облеченные в стихотворную форму просьбы, во-вторых, поэтические жалобы и, наконец, в-третьих, своеобразные поэтические «объяснительные».

Так, стихотворение «К королю» («To the King», с рефреном «My panefull purs so priclis me», ок. 1507) отнесено нами к первому из поджанров, так как является просьбой о повышении жалования. Жанр прошения здесь сближается с жанром жалобы: поэт повествует о терзаниях, связанных с его полунищей жизнью. Причиной тому оказывается опустевший кошелек, который причиняет герою не только душевную, но и почти что физическую боль:

строка «Мой полный боли кошелек так терзает меня» становится рефреном с некоторыми вариациями повторяющимся во всех строфах стихотворения. Поэт сетует на то, что прежде он мог писать прекрасные стихи, но отныне слабость мешает ему взять перо в руки, он больше не способен петь и танцевать, а на пиру ему приходится поститься:

Quhen I wald blythlie ballattis breif,
Langour thairto givis me no leif (6–7)

<...>

Quhen men that hes pursis in tone
Pasis to drynk or to disjone,
Than mon I keip ane gravetie
And say that I will fast quhill none (16–19).

W. Dunbar. My panefull purs so priclis me

Нигде ему не могут помочь, и поэтому он умоляет господина избавить его от этой беды:

And all men sayis, my lord, that ye
Can best remeid for this malice (33–34).

W. Dunbar. My panefull purs so priclis me

«Сколько в этих стихотворениях “настоящего”, сколько литературной традиции и сколько обыкновенного морализирования?» [Reiss, 1979, с. 36] – задается вопросом Эдмунд Райсс. Думается, что все перечисленное в прошениях Данбара присутствует в разной пропорции. То, что поэтическое прошение имеет не только художественную, но и прагматическую цель, заставляет его лирический субъект сблизиться с реальной личностью автора. Данбар использует местоимение я (I) и в конце обращается напрямую к королю, что, вероятно, могло возыметь успех, и в таком случае деньги по просьбе Данбара-героя стихотворения мог получить Данбар – автор стихотворения. Отношения, связывающие Данбара и короля Иакова IV, переносятся в пространство поэтического текста, тем самым связывая реальность и вымысел.

При этом провести грань между вымыслом и реальностью в этом стихотворении нетрудно: очевидно, что Данбар избирает подчеркнуто иронический и легкий тон, чтобы обосновать свою просьбу. Поэт, несомненно, как пишет о нем исследовательница Криста Канитц, не «жил в жалкой нищете, забытый покровителями и находящийся на грани голодного истощения, не питая надежду на то, чтобы когда-либо достичь хоть какой-то экономической стабильности» [Christa Canitz, 2004, с. 42], более того, в действительности Данбар получал от короля суммы, вдвое превышающие оклад Гектора Бойса, бывшего в то же время главой Абердинского университета [Baxter, 1952]. Однако в своем стихотворении он рисует образ измученного нищетою человека, в чем прослеживается влияние традиции.

¹ Зд. и далее перевод наш. – К. И.

Несмотря на то что прямое подражание предшественникам в жанре поэтического прошения не было частым явлением, наше стихотворение Данбара является таковым. Оно восходит к стихотворению Джеффри Чосера (Geoffrey Chaucer, ок.1340–1400) «Сетование Чосера на его кошелек» (*The Complaint of Chaucer to His Purse*, ок. 1399), где также возникает образ пустого кошелька: его пустота так угнетает героя (отчасти совпадающим с самим Чосером, как и Данбар совпадает со своим героем в прошениях последнего), что тот умоляет кошелек наполниться вновь, иначе его хозяину грозит смерть.

Чосер наделяет кошелек человеческими свойствами. Именно конкретный предмет становится адресатом стихотворения: кошелек сравнивается с прекрасной дамой, к которой и обращена жалоба героя. Чосер вводит характерную для куртуазной поэзии образность, воспринимающуюся здесь в ироническом ключе: он нарекает кошелек своей королевой, утверждает, что тот правит его сердцем:

Ye be my lyf, ye be myn hertes stere,
Queene of comfort and of good companye (12–13).

G. Chaucer. *The Complaint of Chaucer to His Purse*

Для содержимого кошелька характерны приятнейшие звуки и ярчайшие цвета:

That I of yow the blisful soun may here,
Or see your colour lyke the sonne bright» (9–10).

G. Chaucer. *The Complaint of Chaucer to His Purse*

Однако изначальное воззвание к милости кошелька в конце сменяется на послание (*envoi*) к королю, которое отделено от основного текста и направлено на разрешение не только поэтической задачи: короля умоляют быть внимательным к этому прошению:

Have minde upon my supplicacioun (26).

G. Chaucer. *The Complaint of Chaucer to His Purse*

Любопытно, что Данбар был не единственным, кто обратился к этому стихотворению Чосера. Так, у Джона Лидгейта (John Lydgate, ок.1370–1451) есть схожее поэтическое прошение, называемое «Письмо к Глостеру» (*Letter to Gloucester*, ок. 1431). Оно также делится на две части: первая, как и у Чосера, посвящена описанию злоключений, постигающих человека с пустым кошельком, вторая же является посланием к господину, который может этот кошелек наполнить. Однако Лидгейт, в отличие от Чосера, не вводит других адресатов, кроме того, кто должен снабдить его деньгами. Пустой кошелек у Лидгейта больше не прекрасная дама – он сравнивается с пустым желудком, и помощь, таким образом, нужна не только лирическому герою, по

такому трагическому случаю одетому в черное: «выпотрошенность» кошелька оказывается аналогом его болезни, излечить которую способен лишь господин [Cooper, 2008].

Неизвестно, был ли Данбар знаком со стихотворением Лидгейта, но многое в его прошении пересекается как с чосеровским, так и с лидгейтовским текстом. Как и у последнего, кошелек Данбара «очеловечивается», но не превращается в восплаемую даму: он становится аналогом части тела человека – точно так же, как может болеть пустой желудок, болит пустой кошелек героя. Несчастья лирического героя представлены преувеличенно тяжкими, как и в стихотворениях предшественников.

Стихотворение Данбара отличается от его предполагаемых образцов та форма, которую он избирает. Он видоизменяет двухчастную структуру прошения: в его стихотворении, как и у Чосера, два адресата, – Спаситель, способный излечить «недуг» его кошелька, и король, обращение к которому находится в конце, венчая собой прошение. Однако, в отличие от стихотворений Чосера и Лидгейта, Данбар не оформляет это обращение как послание, что позволяет нам провести аналогию между двумя адресатами: возможно, Спаситель в этом случае – это не только образ Христа, но и некий второй лик короля. Таким образом, Данбар как опирается на опыт предшественников, так и оригинально перерабатывает его.

Среди поэтических прошений Данбара возникают не только столь мало завуалированные просьбы, каким является вышеупомянутое стихотворение: можно выделить также поджанр прошения-жалобы. Его отличие заключается в большей абстрактности: лирический герой не уточняет, что он хотел бы получить от адресата, зато рисует картину нравов общества.

Темой, которая объединяет прошения-жалобы Данбара, становится мировая несправедливость, заключающаяся в том, что люди не всегда соответствуют занимаемым ими местам. Понятие справедливости у Данбара совпадает с традиционными средневековыми представлениями об иерархии: люди достойные благодаря своим благим делам и помыслам должны занимать более высокое положение, чем подлецы, бездельники и обманщики. Однако королевский двор, с которым Данбар был тесно связан, устроен иначе, и это тревожило поэта.

В стихотворении «К королю» (*To the King*, начинающегося со строки *Of benefice, sir, at everie feist*, ок. 1510), Данбар описывает пир, на котором придворные не только наслаждаются кушаньями, но и подают свои прошения королю. Большую

часть этих прошений тот удовлетворяет, но не замечает того, что расточает свои милости на низких и недостойных людей: они тут же принимают делить богатства, полученные от короля.

Позиция Данбара по отношению к происходящему становится ясна сразу же благодаря тому, что он использует слово *pelffe* (*pelfe*, *pelf*) для обозначения денег, получаемых придворными. Оно обыкновенно употребляется в значении «награбленное» [Dunbar, 1979]: таким образом, придворные превращаются в шайку воров, делящих добычу, что в сочетании с их высоким положением кажется Данбару невыносимым. Более того, слепота короля по отношению к своим приближенным выражается не только в их несправедливом возвышении, но и в принижении заслуг того, кто стремится раскрыть ему глаза на истину, – в стихотворении роль незаслуженно забытого играет лирический герой Данбара:

Sum swelleis swan, sum swelleis duke,
And I stand fastand in a nuke
Quhill the effect of all thai fang thame.
Bot Lord! how petewouslie I luke
Quhone all the pelfe thai pairt amang thame (6–10)

W. Dunbar. *Of benefice, sir, at everie feist*

Одни пожирают лебедей, другие – уток,
А мне приходится поститься в углу,
Поскольку все блага они забрали себе.
Но Боже мой! Как же жалко я выгляжу
В то время как они делят между собой
награбленное!¹

Пир здесь может восприниматься двояко: это как описание дворцового праздника (и в таком случае стихотворение можно расценивать и как исторический документ эпохи, повествующий о том, как происходили такие пиры), так и метафорическая характеристика различного положения королевских вассалов: дорогие блюда, которыми лакомятся недостойные слуги короля, становятся аналогом королевских милостей, которые на них незаслуженно изливаются.

Схожая идея возникает в другом стихотворении Данбара с рефреном *Schir, ye have mony servitouris* (*Сир, у Вас много слуг*). Его композиция несколько сложнее: Данбар начинает с восхваления тех придворных, которые честно исполняют свои обязанности и приносят пользу государству: одному только перечислению профессий достойных слуг короля поэт посвящает 14 строк. Но это не единственный каталог, возникающий в стихотворении: в противоположность ему появляется перечисление тех, кто несет Шотландии и королю лишь вред, прикрываясь благими намерениями.

Здесь интересно то, что в стихотворении проявляется свое «я» Данбара. Его рассуждения о своем месте при дворе появляются между частями, описывающими других придворных: лирический герой Данбара сравнивает себя сначала с одними, затем с другими и лишь благодаря этому соотносению обретает возможность оценить себя по заслугам. После того как он характеризует лучших вассалов короля, его одолевают сомнения о том, насколько ценно то, чем он занимается по сравнению со священниками, докторами, музыкантами, кузнецами и др.

And thocht that I amang the laif
Unworthy be ane place to have (25–26).

W. Dunbar. *Schir, ye have mony servitouris*

Однако затем он вспоминает о недостойных придворных, которых, тем не менее, король щедро вознаграждает, и это вызывает у него гнев, ведь сам он не получает ничего за свои труды – пусть малые по сравнению с лучшими, но значительные по сравнению с худшими:

Ar all rewardit, and nocht I,
Than on this fals world I cry “Fy!” (67–68).

W. Dunbar. *Schir, ye have mony servitouris*

Возмущение мирской несправедливостью, которое Данбар выражает в своих прошениях-жалобах, может восприниматься двояко. С одной стороны, это выражение личного отношения Данбара к подобным вещам, которые могли быть связаны с его опытом службы при дворе. Это по-прежнему прошения, включающие в себя традиционное для Данбара обращение *Schir* (*shir*, *sir*) и, несмотря на отсутствие конкретной просьбы, имеющие практическую цель: поэт устами своего героя указывает на неудовлетворенность сложившейся ситуацией. Кроме того, Данбар передает лирическому «я» свои собственные качества, касающиеся профессиональной сферы: его герой – поэт, не случайно он связывает свою ценность со своими трудами, которые могут его пережить (*Als lang in mynd my work sall hald* (28) (W. Dunbar. *Schir, ye have mony servitouris*), а в конце утверждает, что его перо может лишь оскорблять, так он расстроен, что его не признают:

My mind so fer is set to flyt
That of nocht ellis I can endyt» (79–80).

W. Dunbar. *Schir, ye have mony servitouris*

Характерно, что Данбар отделяет себя от остальных: перечисляет лучших и худших вассалов своего господина, не упоминая себя ни среди тех, ни среди других. Однако при этой внешней отстраненности, составляющей суть страданий лирического я Данбара (одинокое стояние в углу,

¹ Здесь и далее подстрочный перевод наш. – К. И.

неуверенность в своем положении), он всё же принадлежит к обществу, за справедливость в котором борется.

С другой стороны, более абстрактный характер прошений-жалоб по сравнению с прошеними-просьбами делает данбаровские стихотворения в этом жанре не только высказываниями о горькой доле конкретного поэта, но и характеристиками устройства мироздания. Данбар тяготеет в них к классификации и систематизации, описывая социальные группы и объединяя их по определенным признакам (достойные / недостойные, богатые / бедные). Стремясь указать королю на несоответствие между его милостями и трудами его слуг, Данбар обращается к традиции *specula principum*, «зеркала правителей» – произведения, служащего наставлением правителю в вопросах политики и морали. Лирическое я его стихотворений – это некий универсальный голос разума и справедливости, который возникает для того, чтобы указать королю на его возможные ошибки, а также чтобы защитить его от недоброжелателей. В этом случае данбаровский герой оказывается как личным голосом своего автора, так и отражением образа абстрактного поэта, который, по мнению Тома Скотта, привлекает внимание к несправедливому положению таких же, как он, в обществе [Scott, 1966].

Среди поэтических прошений Данбара можно выделить третий поджанр. Это своеобразная поэтическая объяснительная, покаянное письмо, в котором основополагающим становится топос смирения: Данбар поясняет, почему не смог выполнить тот или иной заказ короля, жалуется на старость и бедность, а также молит о снисхождении. Ярким примером становится стихотворение «Головная боль» (*The Headache*, ок. 1510). Поэт описывает свое болезненное состояние, не позволяющее ему творить, оправдывается и обращается к королю, стремясь вызвать его сочувствие:

My heid did yak yester nicht,
This day to mak that I na micht (1–2)

<...>

And now, schir, laitlie eftir mes
To dyt thocht I begowthe to dres,
The sentence lay full evill till find,
Unsleipit in my heid behind,
Dullit in dulnes and distress (6–10).

W. Dunbar. *The Headache*

Вчерашней ночью у меня болела голова,
И я не могу сегодня ничего написать.

<...>

И тогда, сир, вскоре после мессы,
Я пытался, одеваясь, творить,

Но мне было трудно подобрать слова,
Которые дремали в моей голове,
Потускневшие от отупения и страдания.

Ситуация, представленная здесь, парадоксальна: в сущности, поэт пишет стихотворение о том, как не смог написать стихотворение. Это может быть как выражение искреннего желания оправдаться за невыполненный заказ, так и развернутая метафора. По мнению Изна Росса, головная боль может восприниматься как аналог королевской немилости, – огорчение, причиняемое ею, так велико, что лишает поэта возможности творить. Поэтому поэт и обращается к королю: тот способен выступить в роли лекаря и избавить того от мучений [Ross, 1981].

В плане функционирования лирического субъекта прошения-объяснительные сближаются с прошеними-просьбами в творчестве Данбара: это в первую очередь его личный голос, тем явственнее возникающий в стихотворении, чем важнее выполняемая с помощью него практическая задача. Ситуация, касающаяся Данбара как автора стихотворения, заставляет его обращаться к конкретным образам, сближая свой лирический голос со своей реальной фигурой.

В отличие от других подтипов жанра поэтического прошения, прошение-объяснительная не имеет устойчивой традиции. Несмотря на то что у многих поэтов до Данбара встречались стихотворения, связанные с жалобами на тяготы жизни, Данбар, опираясь на их опыт во всем, что касается образности, в жанровом отношении самостоятелен – его прошения-объяснительные отражают его уникальные жизненные ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы видим, что тесная связь Данбара с придворной жизнью заставляет его значительным образом развить жанр поэтического прошения, который в его творчестве представлен тремя поджанрами: просьбой, жалобой и объяснительной. Во всех типах прошения художественная задача, выполняемая поэтом, соседствует с задачей практической: стихотворение начинает функционировать как подобие официального документа, способного повлиять не только на судьбу лирического «я» поэта, но и на его собственную жизнь. При этом степень конкретности лирического субъекта в разных поджанрах различается: сводя свой поэтический голос к определенному образу, Данбар иногда обретал возможность говорить от лица некоего сообщества или социальной группы. Создавая свои поэтические прошения, Данбар двигался в русле традиции, отзываясь на свой лирический голос.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fox D. The Scottish Chaucerians // Chaucer and Chaucerians: Critical Studies in Middle English Literature / Ed. by D. S. Brewer. L.: Thomas Nelson and Sons, 1966. P. 164–200.
2. Baxter J.W. William Dunbar: A Biographical Study. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1952.
3. Holzknecht K.J. Literary Patronage in the Middle Ages. L.: Taylor & Francis Group, 1967.
4. Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages / Translated from the German by Willard R. Trask. N.Y.: Bollingen Foundation Inc., Harper & Row, Publishers, Inc., 1963.
5. Bawcutt P. Dunbar the Makar. Oxford: Clarendon Press, 1992.
6. Ross I.S. William Dunbar. Leiden: E. J. Brill, 1981.
7. Taylor R. Dunbar, the Poet and His Period. L.: Faber & Faber, 1931.
8. Lewis C. S. English Literature in the Sixteenth Century, excluding Drama. Oxford: Oxford University Press, 1973.
9. Reiss E. William Dunbar. Boston: Twayne Publishers, 1979.
10. Christa Canitz A.E. A Benefice for the Prophet: William Dunbar's Petitionary Poems // Studies in Scottish Literature. 2004. №6. P. 42–61.
11. Cooper L. H. "His guttys wer out shake": Illness and Indigence in Lydgate's Letter to Gloucester and Fabula duorum mercatorum // Studies in the Age of Chaucer. 2008. №. 30. P. 303–334.
12. Scott T. Dunbar: A Critical Exposition of the Poems. Edinburgh: Oliver and Boyd, 1966.

REFERENCES

1. Fox, D. (1996). The Scottish Chaucerians. In Chaucer and Chaucerians: Critical Studies in Middle English Literature (pp. 164–200). Ed. by D. S. Brewer. L.: Thomas Nelson and Sons.
2. Baxter, J. W. (1952). William Dunbar: A Biographical Study. Edinburgh: Oliver and Boyd.
3. Holzknecht, K. J. (1967). Literary Patronage in the Middle Ages. London: Taylor & Francis Group.
4. Curtius, E. R. (1963). European Literature and the Latin Middle Ages. Translated from the German by Willard R. Trask. N.Y.: Bollingen Foundation Inc., Harper & Row, Publishers, Inc.
5. Bawcutt, P. (1992). Dunbar the Makar. Oxford: Clarendon Press.
6. Ross, I. S. (1981). William Dunbar. Leiden: E. J. Brill.
7. Taylor, R. (1931). Dunbar, the Poet and His Period. London: Faber & Faber.
8. Lewis, C. S. (1973). English Literature in the Sixteenth Century, excluding Drama. Oxford: Oxford University Press.
9. Reiss, E. (1979). William Dunbar. Boston: Twayne Publishers.
10. Christa Canitz, A. E. (2004). A Benefice for the Prophet: William Dunbar's Petitionary Poems. Studies in Scottish Literature, 6, 42–61.
11. Cooper, L. H. (2008). "His guttys wer out shake": Illness and Indigence in Lydgate's Letter to Gloucester and Fabula duorum mercatorum. Studies in the Age of Chaucer, 30, 303–334.
12. Scott, T. (1966). Dunbar: A Critical Exposition of the Poems. Edinburgh: Oliver and Boyd.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ибрагимова Карина Рашитовна

кандидат филологических наук

преподаватель кафедры истории зарубежной литературы

Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ibragimova Karina Rashitovna

PhD (Philology)

Lecturer at the Department of History of Foreign Literature

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.08.2023
25.09.2023
02.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 82-312.1

Проблематика индивидуально-авторской картины мира в трудах отечественных и французских лингвистов

Н. Ф. Розанова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nat_ros@inbox.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются методологии исследования индивидуально-авторской картины мира в работах отечественных и зарубежных ученых. Проведен сравнительный анализ, позволяющий выявить особенности языковой репрезентации образа мира творческой личности, отражение индивидуально-авторской картины мира в художественных произведениях.

Ключевые слова: индивидуально-авторская картина мира, авторское видение мира, концептуальная система художественного текста, когнитивная метафора, языковые репрезентации

Для цитирования: Розанова Н. Ф. Проблематика индивидуально-авторской картины мира в трудах отечественных и французских лингвистов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 138–144.

Original article

Problems of Author's Individual Worldview in the Works of Russian and French Linguists

Nataliya F. Rozanova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nat_ros@inbox.ru*

Abstract: The article is devoted to the methodology of research on the author's individual world view in the works of Russian and French linguists. The article carries out the comparative analysis which reveals particularities of representation of the image of the world of an individual author in the works of fiction.

Keywords: author's individual worldview, author's vision of the world, conceptual system of work of fiction, cognitive metaphor, language representations

For citation: Rozanova, N. F. (2023). Problems of Author's individual worldview in the works of Russian and French linguists. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 138–144.

ВВЕДЕНИЕ

Феномен индивидуально-авторской картины мира привлекает пристальное внимание отечественных и зарубежных лингвистов. В широком смысле, под индивидуально-авторской картиной мира понимают отображение через призму языка в художественных произведениях писателя его мировоззрения и мировосприятия. Иными словами, субъективный образ объективной реальности, который отражается в индивидуальном сознании автора в соответствии с его художественным кредо и затем вербализуется языковыми средствами в его произведениях. Более глубокое исследование этой проблематики стало возможным благодаря понятийному аппарату, разработанному в когнитивной лингвистике. В настоящее время данная проблематика включает широкий круг вопросов: факторы, оказавшие влияние на процесс формирования индивидуально-авторской картины мира, моделирование концептосферы писателя, идентификация образующих ее концептов, их иерархию и особенности вербализации в соответствии с идиостилем писателя. Писатель конструирует свой собственный мир посредством *концептов, символов, ключевых слов*, вербализуемых в художественном произведении.

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЛИНГВИСТОВ

Определение индивидуально-авторской картины мира

Порождение у читателя нового, предлагаемого автором, мироощущения является основной задачей индивидуально-авторской картины мира.

Так, например, французский поэт, эссеист и философ Поль Валери (Paul Valéry) (1871–1945) указывал, что произведение Г. Флобера «Искушение святого Антония» – «это странная и уникальная книга, которая ослепляет и соблазняет нас тем, что пробуждает в памяти все, чего нам недостает, все, что может взбудоражить или взволновать наши способности, наконец, заставить нас лучше понять не только сон святого Антония, но и абсурдный, трагический и восхитительный сон жизни»¹.

Несмотря на то что многие ведущие лингвисты концентрируют свое внимание на исследовании индивидуально-авторской картины мира,

в настоящее время не существует ее общепризнанного определения и методов исследования. В этой связи, целью ученых является построение когнитивной концепции индивидуально-авторской картины мира – анализ ее концептуальной системы и языковых репрезентаций.

В России данной проблемой занимаются такие ведущие лингвисты, как В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин, М. В. Пименова, Н. А. Кузьмина, В. П. Григорьев, Б. А. Ларин и др.

Так, В. А. Маслова определяет индивидуально-авторскую картину мира как «особую континуальную систему смыслов, которые организуют сознание и интерпретируют существующую реальность» [Маслова, 2014, с. 50].

Н. А. Кузьмина дает определение индивидуально-авторской картине мира в качестве «альтернативы действительному, физическому миру» [Кузьмина, 2000, ч. 1, с. 119]. Таким образом, ученый идентифицирует ее с образом мира, сформированным посредством индивидуально-авторского сознания писателя как результат его духовной деятельности.

Ж. Н. Маслова считает, что «индивидуально-авторскую картину мира следует определить как концептуальную систему, эстетически значимую и структурирующую творческую деятельность писателя по созданию и интерпретации индивидуально-авторской реальности, характеризующуюся субъективностью и эмоциональной доминантой» [Маслова, 2011, с. 12]. По мнению В. А. Масловой, «материальным выражением индивидуально-авторской картины мира являются произведения писателя, их текстовое пространство» [Маслова, 2014, с. 80–81].

Таким образом, в своих работах ученые дают определение индивидуально-авторской картины мира как субъективное, уникальное и творчески эксплицированное представление об окружающем мире, явившееся результатом духовной деятельности писателя, которое он стремится реализовать в художественном произведении.

Релевантные свойства, признаки и функции индивидуально-авторской картины мира

Одна из основных особенностей авторской картины мира заключается в том, что она обладает большим количеством признаков, обусловленных индивидуально-авторским сознанием.

Прежде всего индивидуально-авторская картина мира *репрезентирует своеобразие творческой личности*, и вместе с тем интегрирует в себе *универсальные и национальные* признаки. Индивидуально-личностный аспект авторской картины

¹Babelio. URL: <https://www.babelio.com/livres/Flaubert-La-Tentation-de-saint-Antoine/797545#:~:text=Chez%20Flaubert%2C%20il%20est%20assaili,laquelle%20il%20est%20enti%C3%A8rement%20d%C3%A9vo%C3%A9>

мира объективирует сущность текста как литературно-художественного, эстетического явления.

Среди отличительных признаков индивидуально-авторской картины мира российские ученые выделяют следующие признаки:

- субъективный творческий характер эстетического моделирования окружающего мира, где под *субъективностью* индивидуально-авторской картины мира понимают совокупность образных элементов, репрезентантов индивидуально-авторского сознания, т. е. образ мира, в котором отражена личность самого писателя;
- репрезентация посредством художественных образов индивидуально-авторских знаний о мире, где *индивидуальность* творческой личности заключается в использовании писателем таких способностей индивидуально-авторского сознания, как: *мышление, восприятие, память, внимание, представление* и др.

Подобная индивидуальность получает свое воплощение в определенном наборе элементов, которые содержатся в художественном тексте. К таким элементам можно отнести: употребление ряда *языковых единиц и средств*, в том числе *особый, индивидуальный состав образных выражений и метафор*;

- одним из основных свойств индивидуально-авторской картины мира выступает ее *своеобразие*, которое обусловлено индивидуальной концептосферой автора. В результате открываются *новые свойства и признаки объекта*, имеющие место исключительно в сознании писателя, и, наряду с этим, новые репрезентации имеющих свойства.

Следует отметить, что индивидуально-авторская картина мира обладает также иными характеристиками. Среди них особо выделяются ее «целостность, системность, связь с окружающей действительностью, изменчивость» [Болотнова, 2004, с. 21].

С этим утверждением согласны известные лингвисты Б. А. Серебренников и Е. С. Кубрякова, которые в своих работах указывают, что «при сохранении целостности авторской картины мира, т. е. организованности ее рамок, принципа изображения и др., в ней могут меняться отдельные фрагменты или общая колористика, репрезентирующая мироощущение субъекта этой картины» [Серебренников и др., 1988, с. 48].

Что касается системности индивидуально-авторской картины мира, следует отметить, что данная характеристика объективируется посредством ее моделирования, описания, установления взаимосвязи и взаимозависимости между концептуальными и языковыми средствами. Для более точной и продуктивной экспликации индивидуально-авторской

картины мира используется концептуальный анализ, который позволяет выделить в художественном тексте базовый концепт. Вместе с этим, посредством концептуального анализа определяется основная информация, совокупность данных и знаний, связанных с содержанием концепта, которые являются составными элементами концептосферы писателя. Это позволяет говорить о том, что все компоненты индивидуально-авторского сознания объединены системными отношениями.

Таким образом, разделяя взгляды Ж. Н. Масловой, мы следуем ее утверждению о том, что «построение концептуальной системы в сознании автора имеет свою иерархичность и последовательность, что объясняет переход одного концепта к другому, определение одних концептов посредством других, а также образование новых концептов на основе уже существующих» [Маслова, 2011, с. 12]. Следовательно, индивидуально-авторский концепт в художественном произведении интегрирует в себя смыслы, актуальные для конкретного писателя, что и образует уникальное содержание художественного текста, создавая тем самым некий подтекст, предназначенный для читателя.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что основным инструментом проникновения в индивидуально-авторскую картину мира, реализованную в художественном произведении, является моделирование концепта как оперативной содержательной единицы памяти.

Также необходимо отметить признак *динамичности* индивидуально-авторской картины мира, как основополагающего компонента на пути миропостижения писателя. Данная характеристика является главной для определения особенностей картины мира автора, ибо содержит в себе особые качества своего создателя и, следовательно, динамичность его мировидения.

В этой связи, трансформация того или иного фрагмента авторской картины мира, т. е. мировидения писателя как языковой личности, влечет за собой и трансформацию средств ее репрезентации в художественных текстах, создаваемых автором.

Одним из характерных примеров, репрезентирующих динамику авторской картины мира, является преобразование доминантного признака морально-ценностного концепта «*âme* – душа» в философско-религиозной драме Г. Флобера «Искушение святого Антония». Так, по данным толкового словаря *Le TLFi, issu du Trésor de la Langue Française* (1971–1994), одним из основных признаков концепта «*âme* – душа» является то, что он характеризуется как «бессмертная, бестелесная сущность», в то время как в произведении Г. Флобера, отдающего предпочтение постулатам философии Пантеизма,

отождествляющего Бога с природой, концепт «âme – душа» персонифицирован и репрезентирован посредством характеристик, имеющих признаки материальных предметов, в частности, такой горной породы, как мрамор, что коренным образом отличается от общепринятой основной характеристики, зафиксированной в толковом словаре.

Благодаря уникальной способности писателя воспринимать и чувствовать окружающий мир, происходит трансформация нематериальных признаков концепта в материальные, а также преобразование одноименного концепта в индивидуально-авторский концепт «âme – душа», являющийся одним из составных элементов авторской картины мира. О динамичности авторской картины мира, в данном случае, свидетельствует ее персонификация и материализация, обусловленная приверженностью Г. Флобера философии пантеизма, отождествляющей Бога с природой.

Наряду с формированием знаний о существующей действительности, индивидуально-авторская картина мира моделирует систему ценностных ориентаций. В этой связи при концептуализации мира когнитивное сознание писателя акцентирует внимание на тех концептах и их признаках, которые наиболее точно характеризуют специфику его произведения.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать ряд выводов о том, что индивидуально-авторская картина мира:

- 1) это картина мира писателя, вербализованная средствами языка и объективированная индивидуальным восприятием автора;
- 2) является носителем ключевых концептов индивидуально-авторской концептосферы;
- 3) значительно отличается от объективной интерпретации характеристик и свойств предметов и явлений, а также научных представлений о них, ибо, по утверждению В. А. Масловой, «она есть субъективный образ объективного мира» [Маслова, 2004, с. 42–43], т. е. образ мира, созданный в контексте индивидуально-авторского сознания, а также языка писателя, явившимися достижением его духовной деятельности [там же].

ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКАЯ КАРТИНА МИРА В ТРУДАХ ФРАНЦУЗСКИХ ЛИНГВИСТОВ

Теоретические основы исследования индивидуально-авторской картины мира

При изучении творчества писателей и их литературно-художественных произведений французские ученые основываются на доктрине немецкого

философа Вильгельма Дильтея (*Wilhelm Dilthey*), который в своих работах вводит идею «мировидения», или «миропостижения» (*нем. Weltanschauung*), и определяет ее следующим образом: «Видение мира не является средством концептуализации (действительности), а представляет собой фактическую составляющую индивидуального опыта писателя» [Dilthey, 1942]¹.

Указанные философские позиции разделяет французский исследователь *Андре Голен* (*André Gaulin*) отмечая, что «каждый писатель имеет свое видение мира, ибо творцом является тот, кто создает свой способ видения людей и окружающей действительности. <...> Писательский труд неким образом становится способом передачи своего мировидения» [Gaulin, 1973, с. 153].

Таким образом, в научных работах французских исследователей используются термины «*vision du monde*» или «*conception du monde*», т. е. «мировидение» или «миропостижение», что не тождественно подходу к этой проблеме отечественных ученых.

Релевантные свойства, признаки и функции индивидуально-авторской картины мира

В процессе исследования литературно-художественных произведений второй половины XIX века французскими учеными было выявлено становление реалистическо-натуралистической парадигмы.

Так, профессор французской литературы университета Сорбонны Бернар Вуйу (*Bernard Vouilloux*) показывает, что писатели, принадлежавшие этому новому направлению, ярким представителем которого являлся Г. Флобер, отличались особым, пристальным видением реальности (*vision du monde*), позволяющим последовательно различать каждую деталь репрезентируемых событий, а также общим, глобальным видением в перспективе существующей действительности, которое выстраивает иерархию элементов в целом [Vouilloux, 2003].

Таким образом, творчество писателей того времени обнаруживает в себе черты, ассоциирующиеся с индивидуальным видением, что представляло собой «новое слово» в художественной литературе [Goncourt et al, 1989].

Существуют различные подходы к оценке деятельности писателей этого периода. Так, например, французский исследователь Фердинанд Брюнетьер (*Ferdinand Brunetière*), считая взгляды литераторов поверхностными, упрекает их в одностороннем подходе к репрезентации существования мира, а именно, с позиций материи и чувственности [Brunetière, 2006].

¹Зд. и далее перевод наш. – Н. Р.

Другие французские исследователи считают, что творческая мысль писателей конца XIX века характеризуется *самовыражением, эстетизмом и индивидуализмом*, но, при этом упрекают их в излишнем *материализме и пантеизме*, а также в пренебрежении *духовным* измерением литературы [Goncourt, 1989; Aureville, 2006; Sainte-Beuve, 2006].

Такому обличительному портрету реалистов, противостоит похвала французского ученого Теофила Готье (Théophile Gautier). Он утверждает, что картина мира писателей характеризуется тем, что она несет в себе духовное значение, репрезентируя вещи с высокой степенью ясности. И если ученые упрекают писателей в излишних иллюминациях (расцвечиваниях, разрисовках), то это потому, что современные глаза не привыкли к такому великолепию [Gautier, 2006].

Но то, что порой кажется чрезмерным, является признаком превосходной остроты ощущения, особой способностью видеть. Именно эта разница между восприятием творческой личности и общепринятым понятием (*le percept et le concept*), между видением писателя и научным знанием (*le voir et le savoir*) и является предметом изучения в творчестве того или иного автора.

Свое мнение высказывает французский исследователь Жюльет Азуле (Juliette Azoulai), которая считает, что вопрос о компетентности авторской картины мира лежит в основе оценки творчества писателя, ибо писатель видит происходящие события сквозь призму индивидуально-авторского сознания и обращает на них внимание читателя.

Что касается языковых репрезентаций, ведущие французские исследователи Жан-Луи Шисс, Жак Фийоле, Доминик Менгено утверждают, что для автора произведения использование метафор является средством выражения глубинного содержания творческой личности, а для читателя подобная практика показывает те предпосылки, которые повлияли на зарождение сюжета произведения и открыли пути доступа к нему [Chiss, Filliolet, Maingueneau, 2001].

Подобного мнения придерживаются и другие французские исследователи, отмечая в своих работах, что анализ образных сравнений на семантическом уровне позволяет выявить дополнительные средства, отражающие оригинальную авторскую манеру [Bacry, 1992; Gazelles, 1996; Robrieux, 1993].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования можно отметить:

1) различие индивидуально-авторской картины мира в трудах отечественных и французских лингвистов: для российских лингвистов индивидуально-авторская картина мира есть концептуальная система, структурирующая творческую деятельность писателя по созданию и интерпретации индивидуально-авторской реальности, в то время как французские лингвисты ее определяют как «*vision du monde*» (мировидение) или «*conception du monde*» (миропонимание), т. е. как фактическую составляющую индивидуального опыта писателя, не являющуюся средством концептуализации окружающей действительности;

2) различие предмета изучения российскими и французскими учеными: интерес отечественных исследователей направлен на изучение концептуальной системы индивидуально-авторского сознания и ее языковых репрезентаций, а для французских ученых предметом изучения является разница между восприятием творческой личности и общепринятым понятием (*le percept et le concept*), между видением писателя и имеющимся научным знанием (*le voir et le savoir*);

3) единый подход российских и французских ученых к определению признаков индивидуально-авторской картины мира: уникальность, субъективность, индивидуальность, системность, последовательность, иерархичность, динамичность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маслова В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста: монография / Витебск: Изд-во Витебского государственного университета им. П. М. Машерова, 2014.
2. Кузьмина Н. А. К основаниям реконструкции индивидуальной поэтической картины мира (на материале творчества Ю. Левитанского) // Язык. Человек. Картина мира: сборник материалов Всероссийской научной конференции: в 2 ч. Омск: Изд-во Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, 2000. Ч. 1. С. 119–131.
3. Маслова Ж. Н. Поэтическая картина мира и ее репрезентация в языке: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2011.
4. Болотнова Н. С. Ассоциативное поле художественного текста как отражение поэтической картины мира // Вестник Томского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2004. Вып. 1 (38). С. 20–25.

5. Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева ; отв. ред. Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988.
6. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. М.: Флинта: Наука, 2004.
7. Dilthey W. Introduction à l'étude des sciences humaines. Essai sur le fondement qu'on pourrait donner à l'étude de la société et de l'histoire. Paris: P.U.F. 1942.
8. Gaulin A. La Vision du monde d'André Langevin. Études littéraires. 1973. Vol. 6 (2). P. 153–167.
9. Vouilloux B. Les tableaux de Flaubert. Poétique. 2003. №135. P. 259–285.
10. Goncourt E. et J., Ricatte R. Journal: Mémoires de la vie littéraire. 5 juin 1863. Paris: Edition Robert Laffont. Collection «Bouquins». 1989. Vol. I. P. 971.
11. Brunetière F. Gustave Flaubert. Textes réunis et présentés par Didier Philippot // Collection "Mémoire de la critique". Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne (PUPS), 2006. P. 451–479.
12. Aurevilly J. B. Madame Bovary par M. Gustave Flaubert. Gustave Flaubert, textes réunis et présentés par Didier Philippot // Collection "Mémoire de la critique". Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne (PUPS), 2006. P. 155–162.
13. Sainte-Beuve Ch.-Aug. Salammbô par M. Gustave Flaubert. Gustave Flaubert, textes réunis et présentés par Didier Philippot // Collection "Mémoire de la critique". Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne (PUPS), 2006. P. 197–231.
14. Gautier Th. Salammbô par M. Gustave Flaubert. Gustave Flaubert, textes réunis et présentés par Didier Philippot // Collection "Mémoire de la critique". Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne (PUPS), 2006. P. 253–263.
15. Chiss J.-L., Filiot J., Maingueneau D. Introduction à la linguistique française. Vol. 1 : notions fondamentales, phonétique, lexic. Paris: Hachette, 2001.
16. Bacry P. Les figures de style: et autres procédés stylistiques. Paris: Belin, 1992.
17. Gazelles N. Les comparaisons du français. Paris: Belin, 1996.
18. Robrieux J. J. Des tropes ou des différents sens. Paris, 1993.

REFERENCES

1. Maslova, V. A. (2014). Kognitivnyi i kommunikativnyi aspekty khudozhestvennogo teksta = Cognitive and Communicative Aspects of the literary text: monograph. Vitebsk: Publisher of Vitebsk State University named after P. M. Masherov. (In Russ.)
2. Kuzmina, N. A. (2000). K osnovaniyam rekonstruktsii individual'noi poeticheskoi kartiny mira (na materiale tvorchestva Yu. Levitanskogo) = To the bases of reconstruction of the individual poetic picture of the world (on the material of creativity of Y. Levitansky). Yazyk. Chelovek. Kartina mira (part 1, pp. 119–131): sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii ; in 2 parts. Omsk: Publisher of Dostoevsky Omsk State University. 2000. (In Russ.)
3. Maslova, Zh. N. (2011). Poeticheskaya kartina mira i jejo reprezentatsiya v yazyke = Poetic picture of the world and its representation in the language: PhD in Philology. Tambov. (In Russ.)
4. Bolotnova, N. S. (2004). Assotsiativnoe pole khudozhestvennogo teksta kak otrazhenie poeticheskoi kartiny mira = Associative field of the literary text as a reflection of the poetic picture of the world. Vestnik of Tomsk State Pedagogical University, Humanities, 1(38), 20–25. (In Russ.)
5. Serebrennikov, B. A., Kubryakova, E. S., Postovalova, E. I et al. (1988). Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira = Role of the human factor in the language: Language and worldview, ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Maslova, V. A. (2004). Poet i kul'tura: kontseptosfera Mariny Tsvetaevoi = Poet and culture: conceptsphere of Marina Tsvetaeva. Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
7. Dilthey, W. (1942). Introduction à l'étude des sciences humaines. Essai sur le fondement qu'on pourrait donner à l'étude de la société et de l'histoire. Paris: P.U.F.
8. Gaulin, A. (1973). La Vision du monde d'André Langevin. Études littéraires, 6(2), 153–167.
9. Vouilloux, B. (2003). Les tableaux de Flaubert. Poétique, 135, 259–285.
10. Goncourt, E. et J., Ricatte R. (1989). Journal: Mémoires de la vie littéraire. 5 juin 1863. Paris: Edition Robert Laffont. (Collection "Bouquins", vol. I, p. 971).
11. Brunetière, F. (2006). Gustave Flaubert. Gustave Flaubert, textes réunis et présentés par Didier Philippot. In Collection "Mémoire de la critique" (pp. 451–479). Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne (PUPS).

12. Aurevilly, J. B. (2006). Madame Bovary par M. Gustave Flaubert. Gustave Flaubert, textes réunis et présentés par Didier Philippot. In Collection "Mémoire de la critique" (pp. 155–162). Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne (PUPS).
13. Sainte-Beuve, Ch.-Aug. (2006). Salammbô par M. Gustave Flaubert. Gustave Flaubert, textes réunis et présentés par Didier Philippot. In Collection "Mémoire de la critique" (pp. 197–231). Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne (PUPS).
14. Gautier, Th. (2006). Salammbô par M. Gustave Flaubert. Gustave Flaubert, textes réunis et présentés par Didier Philippot. In Collection "Mémoire de la critique" (pp. 253–263). Paris: Presses de l'université Paris-Sorbonne (PUPS).
15. Chiss, J.-L., Filiollet, J., Maingueneau, D. (2001). Introduction à la linguistique française (vol. 1: notions fondamentales, phonétique, lexique. Paris: Hachette.
16. Bacry, P. (1992). Les figures de style: et autres procédés stylistiques. Paris: Belin.
17. Gazelles, N. (1996). Les comparaisons du français. Paris: Belin.
18. Robrieux, J.-J. (1993). Eléments de Rhétorique ed d'Argumentation. Paris: Dunot.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Розанова Наталия Феликсовна

аспирант кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rozanova Nataliya Feliksovna

Postgraduate Student at the Department of French Lexicology and Stylistics
Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	01.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	29.09.2023	approved after reviewing
принята к публикации	02.11.2023	accepted for publication

Особенности репрезентации этничности в повести Дениса Осокина «Овсянки»

Д. А. Хромова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
idianaalexandrova@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ повести Дениса Осокина «Овсянки», литературно реконструирующей национальные культурные традиции меря. Эта повесть, своеобразная литературная Одиссея по бывшим землям мери, рассматривается как наиболее полно представляющая культурные коды современных мерян. Писатель обращается к мифологической картине мира, акцентируя внимание на ценностях современного малого народа, тем самым «закрепляя» этносы Поволжья на культурной карте современной России, легитимируя их право на свое историческое наследие.

Ключевые слова: Денис Осокин, народ меря, русская литература, мифологическая картина мира, магический реализм

Для цитирования: Хромова Д. А. Особенности репрезентации национальной этничности в повести Дениса Осокина «Овсянки» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 145–149.

Original article

Peculiarities of Ethnicity Representation in Denis Osokin's story «Yellowhammers»

Diana A. Khromova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
idianaalexandrova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes Denis Osokin's story «Yellowhammers», dedicated to the literary reconstruction of the national cultural tradition of the merya people. This story, a kind of literary Odyssey through the former lands of the merya people, is considered as the most complete representation of the cultural codes of modern merya. The writer refers to the mythological picture of the world, focusing on the values of the modern small ethnic people, thereby “fixing” the Volga ethnic groups on the cultural map of modern Russia, legitimizing the right of small peoples to accept their historical heritage.

Keywords: creativity of Denis Osokin, merya people, Russian literature, mythological view of the world, magical realism

For citation: Khromova, D. A. (2023). Peculiarities of ethnicity in Denis Osokin's story «Yellowhammers». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 145–149.

ВВЕДЕНИЕ

Тема национальной идентичности, или этничности, стала одной из актуальных тем в современной художественной литературе. Эта тенденция обусловлена историко-культурными реалиями. В 1990-е годы на смену советским концепциям, наиболее известной из которых была официальная концепция «многонациональный советский народ – новая историческая общность людей», пришли новые концепции идентичности, в основе которых оказался не только гражданский статус, «гражданская идентичность» [Дробужева, 2017, с. 112], но и самоидентичность посредством мироощущения индивидуумов. Таким образом сложилось несколько уровней национальной самоидентификации: гражданско-географический (официально закрепленный статус, дающий гражданство той или иной страны), национально-исторический (определяется генетикой или родственными связями), соотносимый с мироощущением (самостоятельное соотнесение себя с каким-либо народом). Последний формат идентичности относительно новый для российского пространства. Так, в конце XX века на территории бывших мерянских поселений появилась группа людей, идентифицирующих себя как «потомки меря» [Скрыльников, 2016], несмотря на то что данный этнос считается исчезнувшим. Тема новой мерянской этничности в литературе впервые появляется в повести Дениса Осокина «Овсянки».

Денис Сергеевич Осокин (р. 1977) – российский поэт, прозаик и сценарист, фольклорист, регулярно обращающийся к культурам коренных народов Поволжья и ближнего зарубежья. В 2019 г. вышел его сборник «Огородные пугала с ноября по март», который вообрал в себя результаты двадцатилетней литературной деятельности писателя. Произведения, входящие в этот сборник, сгруппированы в тематические циклы (автор обозначает их как книги), состоящие из отдельных рассказов, новелл, быличек, стихов. В сборник включено также самое известное прозаическое произведение Д. Осокина – повесть «Овсянки» (впервые была опубликована в 2008 г. в журнале «Октябрь»), экранизированная Алексеем Федорченко в 2010 году.

Большинство произведений Осокина написаны на основе фольклора средней полосы России и некоторых европейских стран (Германии, Чехии, Польши, Латвии и др.), а фольклорные представления, сливаясь с авторским вымыслом, в свою очередь, формируют особое «пространство прозы, полное мифов, загадок, истории...» [Антоничева, 2011, с. 210]. Подобная «двойственность» определяет основным творческим методом писателя

магический реализм. Этот метод, по мнению Сергея Чупринина, заключается в соединении мифического и неомифического сознания, где «стремление видеть за явлениями, самими, казалось бы, обыденными, но экзотичными с точки зрения европейца, их экзистенциальную, бытийную природу» [Чупринин, 2007, с. 287].

Для осокинских текстов в целом характерна перцепция сверхъестественного как обычного, повседневного, что присуще мифологическому сознанию. Его герои отличаются архаическим мышлением, их восприятие действительности связано с цикличностью бытия: ротацией рождения и смерти, увядания и обновления, любви и одиночества, а также другими элементами, характерными для той или иной национальной культуры.

ДОМИНАНТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Многие произведения Осокина репрезентируют культуру малоэтнических народов (помимо «Овсянок», это «Новые ботинки», «Фигуры народа коми», «Небесные жены луговых мари», «Утка на барабане», «Ночной караул» и др.). Под репрезентацией этничности мы понимаем все элементы, закрепленные в тексте и отсылающие нас к:

- традиционному материальному быту (устройство дома, традиционные ремесла и орудия труда, предметы религиозного культа и т. д.);
- духовно-религиозным и магическим практикам (мифология, традиционные верования, обряды, религиозные и магические тексты: молитвы, заговоры, заклинания и т. п.);
- календарно-обрядовым и необрядовым жанрам фольклора (песни, сказки, пословицы);
- национальным обычаям и традициям.

Произведения Дениса Осокина, обращающиеся к национальной проблематике ряда народов Поволжья, оцениваются не только с эстетической точки зрения, но и с культурно-просветительской: большинство читателей принимают описанные в тексте сюжеты, мифы, обряды и т. п. как культурные реалии, несмотря на то что некоторых из этих народов давно не существует. Подобным примером является народ меря, или меряне, которым и посвящена повесть Дениса Осокина «Овсянки».

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДА МЕРЯ

Повествование «Овсянок» осуществляется от лица главного героя произведения – Аиста Сергеева, который принимает участие в «мерянском»

похоронном обряде. Хоронят Таню – жену директора нейского бумажного комбината (Аист работает на этом комбинате). Обряд герои совершают вдвоем с мужем покойной, который мотивирует подобную «камерность» тем, что:

не хочет никому жену показывать – не повезёт в морг. хочет всё сделать вдвоём со мной. не хочет быть один¹ (*Д. Осокин. Овсянки*).

Однако похороны в этом произведении – не центральное, хотя и сюжетообразующее событие.

Повесть «Овсянки» – это своеобразная литературная одиссея по бывшим землям мери. Меря (меряне) – летописный народ, о существовании которого стало известно благодаря старинным рукописям (последнее упоминание датируется XIV в.). Известно, что у этого финно-угорского народа существовал культ воды, у них были свои, отличные от соседних народов, костюмы и украшения, вероятно также мерянское происхождение некоторых современных топонимов. Меряне изначально существовали как малочисленный народ и постепенно утратили свою идентичность, растворившись среди русского, марийского и мордовского этносов.

Закономерно возникает вопрос о происхождении обрядов, описанных Д. Осокиным в повести. В своих интервью писатель неоднократно подчеркивал, что «новые меряне» – это «люди, которые ощущают себя меря не по национальности, такого народа нет, а через чувствование своих предков, своей земли, т. е. это скорее такое поэтическое мироощущение, вопросы личной навигации и веры»². Поэтому в повести «Овсянки» рассказчик делает оговорку, что фактически от исторического народа осталось немного, «незабытые мерянские смыслы», которые закрываются «русскими кальками» из-за утраты мерянского языка:

прекрасные имена оставшиеся от меря – финского племени – лет чыреста назад как известно растворившегося среди славян (*Д. Осокин. Овсянки*).

В то же время это оказывается вполне достаточно для самоопределения людей, живущих на берегу Неи:

тут многие мерей себя продолжают считать
(*Д. Осокин. Овсянки*).

¹ Орфография и пунктуация здесь и далее сохранена авторская. – Прим. Д. Х.

² Нигматуллин А. Денис Осокин: «С людьми, пропагандирующими всякие антиказанские теории, не стану ни дружить, ни работать» // БИЗНЕС Online. 22.09.2019. URL: <https://m.business-gazeta.ru/article/439745>.

Культура современных мерян, описанных в повести Д. Осокина, – попытка реконструировать традиции меря [Скрыльников, 2016], с одной стороны, и авторское мифотворчество – с другой.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ МЕРЯ В ПОВЕСТИ «ОВСЯНКИ»

Повесть Осокина, как и большинство современных художественных текстов, основывается не на строго документальных фактах, а в большей степени на авторском вымысле. Являясь профессиональным фольклористом, Денис Осокин обставляет сцены с мерянскими обрядами таким образом, что они выглядят подлинными (например, похоронные и свадебные обряды). Интересно, что смерть, как и замужество, автор представляет своего рода инициациями – переходными состояниями к другой жизни. Мертвое тесно переплетено с живым, можно даже сказать, что для героев повести смерть намного важнее жизни, потому что там, за гранью, начинается «настоящая жизнь». Например, в конце произведения читатель узнает, что повествователь «Овсянок» – Аист Сергеев, оказывается, давно мертв в нашем мире, но продолжает «жить» в загробном, пишет повесть и даже планирует ее опубликовать:

...отыскал заиленную пишущую машинку отца... на рдестах-водорослях и боках мёртвых рыб я отстучал эту книгу.

<...>

река скоро вскрыется. я дойду до коноплянки – и попробую пристроить написанное в какой-нибудь её журнал (*Д. Осокин. Овсянки*).

Главный герой умирает «идеальной смертью», по мнению мерян: «утонуть – мечта каждого мери» (*Д. Осокин. Овсянки*). Это происходит после похорон, когда Аист вместе с мужем Татьяны возвращаются в свой город из Горбатова: овсянки, вылетевшие из клетки, закрывают обзор водителю, и машина улетает с моста. Однако факт смерти не огорчает героя, напротив, он выражает благодарность овсянкам, что «кинулись к нам с поцелуями» (*Д. Осокин. Овсянки*), потому что меряне не верят в жизнь после смерти: «и только утонувшие продолжают жить – в воде и вблизи от берега» (*Д. Осокин. Овсянки*). Поэтизация смерти в воде привносит в повесть как платоновский мотив («Чевенгур»), так и мотив, связанный с русской классической традицией (А. Н. Островский. *Гроза*) и выраженный вполне очевидно: «от русских святых катерин в волге не протолкнуться» (*Д. Осокин. Овсянки*).

Примечательно, что загробный мир мерян – место встречи утраченных предметов, но не

людей: герой не встречает ни отца, ни мать, зато находит пишущую машинку отца. Поэтому Аист не предпринимает никаких попыток по поиску родных, понимая, что подобная затея изначально непродуктивна и не реализуема. В отличие от него, погибший одновременно с Аистом Мирон Алексеевич не готов лишиться надежды встретить недавно скончавшуюся жену, «хоть прекрасно знает, что это бесполезно» (Д. Осокин. *Овсянки*).

На свое необычное (внеземное) место жительства герой указывает еще в самом начале произведения, однако смысл этой необычной фразы, где Нея – город на земле, река и город в воде, – становится понятен лишь в конце повести после описания сцены аварии, тем самым образуя замкнутую композицию:

я живу в нее. этот город из тех – о которых никто не думает. река нея – костромской лес (Д. Осокин. *Овсянки*).

«Овсянки» – пространство повсеместного переплетения «живого и мертвого», где смерть воспринимается как проявление жизни, а понятие жизни распространяется сразу на несколько миров. Мировосприятие героя определяется лиминальностью: он как бы балансирует между живым и мертвым, между прошлым и настоящим, между подлинными и вымышленными реалиями.

Подобная концепция мироощущения оказывает прямое влияние на неписанные законы, по которым живет мерянский край: так, стражи порядка, обнаружившие тело на заднем сидении машины, не задают ни одного вопроса водителю, понимая смысл подобного груза и, можно сказать, потворствуя незаконным местным обычаям. Автор объясняет это мерянским происхождением полицейских и их привычкой к местным ритуалам.

Жителей мерянской земли Осокин изображает некрасивыми:

лица невыразительные как сырые олады. волосы и глаза непонятного цвета. глубокие тихие души (Д. Осокин. *Овсянки*).

«Мерянского конечно не знают», но сохранили некоторые «прекрасные имена оставшиеся от мери – финского племени» (Д. Осокин. *Овсянки*),

которые проявляются в основном в названиях рек (Вохтома, Вига, Унжа, Века и др.), населенных пунктах и людских именах. Так, о своем имени Аист Сергеев пишет, что оно «редкое имя. мерянское – ясно» (Д. Осокин. *Овсянки*). Проверить, действительно ли имя *Аист* является исконно мерянским, не представляется возможным.

Идентификация современных меря, описанных в повести «Овсянки», как уже было сказано выше, основывается на личном мироощущении людей, проживающих на территории, некогда принадлежавшей историческому мерянскому народу. Осокин лишь указывает на то, что «тут многие мерей себя продолжают считать» (Д. Осокин. *Овсянки*), объясняя причины подобной самоидентификации постфактум в одном из своих интервью: эта идентичность происходит из личного ощущения некоторых людей, проживающих на бывших мерянских землях, и оттого считающих себя мерей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, отметим, что обращение к национальной проблематике в творчестве Осокина не случайно: писатель старается изобразить не жизнь «экзотических дикарей», а акцентировать внимание читателей на утрате ценностей мифологической картины мира, подчеркнув значимость сохранившейся идентичности малоэтнических народов, их уникальную «инаковость». В повести «Овсянки» Денис Осокин намечает один из возможных путей решения проблемы, связанной с утратой «культурной памяти» народа: обретение новой этничности, созданной на фундаменте традиционной национальной культуры, с одной стороны, и созданием новых культурных явлений на основе нового ментального опыта – с другой.

Обращаясь к малоэтническим народам, проживающим на территории России, дальнего и ближнего зарубежья, и их культуре, Д. Осокин как бы «закрепляет» различные этносы на культурной карте современной России и других стран, тем самым легитимируя право народов на уход от «интимности» в самоидентификации и принятие своего исторического наследия, а также право на создание новой этничности с помощью реконструкции культурных традиций разных этносов и индивидуального мифотворчества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дробижева Л. М. Гражданская и этнонациональная идентичность как ресурс консолидации общества // Роль и место национально-культурной автономии в гармонизации межэтнических отношений в регионах России: сборник материалов Международной конференции. Казань: Отечество, 2017. С. 38–43.

2. Скрыльников П. А. Неоязычество сегодня: движение Merjamaa в региональном и общероссийском контексте // Ойкумена. 2016 №2. С. 99–105.
3. Антоничева М. Денис Осокин. Овсянки // Знамя. 2011. № 10. С. 210–212.
4. Чупринин С. И. Жизнь по понятиям: русская литература сегодня / Сергей Чупринин. М.: Время, 2007.
5. Осокин Д. Огородные пугала с ноября по март. М.: Изд-во АСТ, 2019.

REFERENCES

1. Drobizheva, L. M. (2017). Grazhdanskaja i jetnonacional'naja identichnost' kak resurs konsolidacii obshhestva = Civil and ethno-national identity as a resource for the consolidation of society. In Rol' i mesto nacional'no-kul'turnoj avtonomii v garmonizacii mezhdnetnicheskikh otnoshenij v regionah Rossii (pp. 38–43): collection of papers of the International conference. Kazan': Otechestvo. (In Russ.)
2. Skrylnikov, P. A. (2016). Neojazychestvo segodnja: dvizhenie Merjamaa v regional'nom i obshherossijskom kontekste = Neo-paganism today: the Merjamaa movement in the regional and all-Russian context. Ojkumena, 2, 99–105. (In Russ.)
3. Antonicheva, M. (2014). Denis Osokin. Ovsjanki = Denis Osokin. Yellowhammers. Znamja, 10, 210–212. (In Russ.)
4. Chuprinin, S. I. (2007). Zhizn' po ponyatijam : russkaya literatura segodnya = Life by concepts: Russian literature today. Moscow: Vremya. (In Russ.)
5. Osokin, D. (2019). Ogorodnye pugala s nojabrja po mart = Garden scarecrows from November to March. Moscow: AST. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хромова Диана Александровна

преподаватель кафедры словесных искусств факультета искусств
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khromova Diana Alexandrovna

Lecturer, Department of Verbal Arts, Faculty of Arts
Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

01.09.2023
03.10.2023
02.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Понятия «ренессанс» и «неоренессанс»: сущность, содержание, границы значений

А. В. Норманская

*Крымский университет культуры, искусств и туризма, Симферополь, Россия
anzelanormansky@gmail.com*

Аннотация. Понятие «ренессанс» и опыт его применения в культурной и академической практике демонстрируют акцентуацию на таком семантическом аспекте, как восстановление утраченного статуса, его ре-актуализацию. Такой акцент обусловлен изначальным употреблением термина «ренессанс», символизирующим восстановление ценностей античной культуры. В последующие века и сегодня можно отметить ситуацию, в которой этот процесс повторяется, пусть и в меньших масштабах; когда «возрождению» подвергается сама идея «возрождения» культурного наследия – тем самым происходит расширение границ значения терминов «ренессанс» и «неоренессанс».

Ключевые слова: ренессанс, неоренессанс, культурный взрыв, современная культура

Для цитирования: Норманская А. В. Понятия «ренессанс» и «неоренессанс»: сущность, содержание, границы значений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 150–157.

Original article

The Concepts of “Renaissance” and “Neo-Renaissance”: the Essence, Content, Boundaries of Meanings

Anzhela V. Normanskaya

*Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russia
anzelanormansky@gmail.com*

Abstract. The analysis of the concept of “Renaissance” and the experience of its application in cultural and academic practice demonstrates the emphasis on such a semantic aspect as the restoration of the lost status, its re-actualization. This emphasis is due to the original use of the term “Renaissance”, symbolizing the restoration of the values of ancient culture. In the following centuries and today, we can note a situation in which this process is repeated, albeit on a smaller scale; when the very idea of the “revival” of cultural heritage is subjected to “revival”, thereby the boundaries of the meaning of the terms “Renaissance” and “neo-Renaissance” are expanded.

Keywords: renaissance, neo-Renaissance, “cultural explosion”, modern culture

For citation: Normanskaya, A. V. (2023). The concepts of “Renaissance” and “neo-Renaissance”: the essence, content, boundaries of meanings. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 150–157.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность рассматриваемой темы определяется экспоненциальным ростом в современных условиях не только академического, но и массового интереса к проблематике мирового культурного наследия. «Формирование новых культурных кодов, безусловно, имеет своим источником культурное наследие. Но разработка новых программ “набора культурных ценностей прошлого”, релевантных решению проблем современной эпохи, не может быть произвольной. Чтобы понять, что в этой области возможно, а что – нет, необходимо изучение механизмов наследования» [Селезнева, 2013, с. 6]. Именно в рамках такого подхода мы предлагаем рассматривать сущность и содержание понятий «ренессанс» и «неоренессанс», значимые связи между ними и границы значений обоих терминов – как уже сформированные, так и предлагаемые нами. Цель данного исследования – обосновать расширение границ значения термина «неоренессанс».

Понятия «культура» и, соответственно, «культурное наследие» могут восприниматься и трактоваться по-разному, сохраняя как общий идентификационный момент представление об «искусственно созданном» (в отличие от «природного»). В перечень сохраняемых и транслируемых элементов культуры включают обычно: язык, обычаи, нормы, традиции, религию и ее формы, социальные и экономические системы и организации, художественную культуру (литературу и искусство). В настоящей работе мы под «культурой» понимаем преимущественно культуру художественную, в рамках которой понятия «ренессанс» и «неоренессанс» имеют особый эвристический и исследовательский потенциал.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Термин «неоренессанс», вынесенный в заголовки настоящей работы, достаточно прозрачен для «дешифровки»: сложносоставное слово содержит два элемента – древнегреческое *νέος* (новый) и французское *renaissance* (возрождение). Последний элемент, в свою очередь, состоит из существительного, производного от французского глагола *naître* (рождаться), восходящего, через итальянский и латинский, к тому же протоиндоевропейскому корню **ǵenH-*, что и греческие в своей основе слова *ген*, *генезис*, *генетика* и латинского префикса *re-*, означающего возобновление некогда уже существовавшего, но на определенном этапе остановленного или прекращенного действия, явления либо состояния.

Само французское слово *Renaissance*, наряду с итальянским *Rinascimento*, помимо общего значения «возрождение» давно обрело такой устоявшийся и общепринятый семантический аспект, как обозначение конкретного исторического периода в развитии мировой культуры. В наиболее общих сущностных чертах его относят к XIV – началу XVI веков и рассматривают как своего рода пограничный между европейским Средневековьем и Новой историей.

Применительно к конкретному историческому периоду термин «возрождение» в его итальянской форме «*rinascita*», согласно наиболее распространенному и вошедшему в большинство учебников и хрестоматий мнению [Пинский, 1987, с. 66], впервые употребил Джорджо Вазари в своих знаменитых «Жизнеописаниях художников» (*Le vite de' più eccellenti pittori, scultori, e architettori*, ок. 1550) [Вазари, 1956]. Эта работа Вазари до сих пор оценивается как первый значительный источник по ренессансной художественной культуре. Данный термин сохраняет в качестве смыслообразующего отмеченный выше семантический нюанс, определяемый латинской приставкой *re-* либо итальянской *ri-*: речь всегда идет не просто о «рождении» некоего феномена, но именно и в первую очередь о его «возрождении». О восстановлении определенного его статуса, имевшего место в прошлом и когда-то утраченного – либо «замороженного», пребывающего в состоянии «консервации».

Идеология Ренессанса изначально нацелена на «восстановление (после средневекового “упадка”) античных норм прекрасного, основанных на изучении природы. Возрождение <...> впервые всерьез ставит задачу воссоздать античную классику, восстановить латинский язык “золотой” и “серебряной” поры, сравняться с античностью в литературном и художественном творчестве» [Пинский, 1987, с. 66].

Можно вспомнить многочисленные примеры достаточно вольного употребления терминов «ренессанс» и «возрождение» без такой строгой привязки к значению приставок *re-* и *воз-*; т. е. без провозглашения особой подразумеваемой хронологической меты в давно прошедшем прошлом – условного Золотого века, те или иные характеристики которого должны быть восстановлены в новых условиях. Такая интенциональная направленность *ad fontes*¹ если не полностью отсутствует, то трактуется в основном метафорически, а не буквально, даже в условиях сложившейся в академическом сообществе и достаточно устойчивой конвенции по поводу применения

¹ В переводе с лат. «к истокам».

данной терминологии, например, при обсуждении так называемых каролингского возрождения (расцвет империи Карла Великого и ее культуры в VIII–IX веков), восточного возрождения (подъем средневековой восточной, в первую очередь персоязычной литературы, хронологически почти совпадающий с европейским Ренессансом), русского ренессанса (взрывное развитие русской религиозной, философской и художественной культуры на рубеже XIX–XX веков). Таким образом, используемые в подобных контекстах термины «ренессанс» и «возрождение» недостаточно релевантные, не имея той точки отсчета в прошлом, которая должна диалектически трансформироваться в настоящую и будущую цель.

Между тем вся культура «истинного» Ренессанса, или европейской эпохи Возрождения, буквально пронизана мотивом такой трансформации, телеологической по своей сути. И раз за разом исследователи задаются резонным вопросом, воспроизводя его почти дословно, говоря об «основной метафоре Ренессанса»¹ [Vickers, 2002, с. 10] (т. е. возрождении): «в чем именно заключалось это “возрождение” [*rebirth*]? Что было “возрождено” [*reborn*]; когда; как; и с какими последствиями?..» [Vickers, 2002, с. 10] – или же: «Любое исследование того, действительно ли имело место Возрождение (Ренессанс) в западной культуре между четырнадцатым и шестнадцатым веками, рано или поздно должно столкнуться с вопросом о том, что именно должно было “возродиться” [*to have been “reborn”*]...» [Houghton, 2010, с. 17]

Ответ остается всё тот же: античная культура, ее ценности и идеалы. Эпоху Возрождения отличает «целеустремленность, если не воинственная преданность античности, какая была неизвестна более ранним векам» [Baron, 1966, с. 3–4]. Великий Петрарка первым сформулировал представление о средневековом периоде как «темных веках»², отделяющих современную Петрарке Европу от идеального – или максимально приближенного к идеалу – античного этоса; позиция «из прошлого» переносится «в будущее» и рассматривается как актуальный ориентир. «... трудно избавиться от представления об этом времени как о периоде возрождения, в значительной степени основанного как на буквальном, так и на образном повторном открытии классической древности. То, что это должно быть так, возможно, неудивительно, учитывая неоднократное использование образов, связанных с перерождением, обновлением, реваншем и реставра-

цией, со стороны самих гуманистов» [Houghton, 2010, с. 17].

Конечно, такая трактовка всего процесса очень схематична, и конкретные формы реализации данной схемы в различных сферах культуры весьма многообразны. Можно выделить три основных направления, в рамках которых она репрезентируется.

1. *Нарративное* (наиболее очевидное и общеизвестное, но в то же время и самое поверхностное): оно включает трансляцию и активную переработку античных мотивов, сюжетов, персоналий / персонажей и т. п. Примеров для иллюстрации этого направления существует колоссальное множество – начиная с ренессансной литературы Данте Алигьери и его «Божественной Комедии». Данте не скрывает, что мотив путешествия в преисподнюю навеян «Энеидой» Вергилия, главный герой которой Эней спускается в Тартар.

2. *Аксиологическое*. Е. Н. Селезнева предлагает говорить о следующих аксиологических критериях, используемых в контексте культурного наследия:

- «утилитарных – сохраняется потому, что это “полезно”;
- прагматических <...>;
- эстетических – эстетические объекты наследуются и сохраняются, потому что идентичны своей эпохе <...>;
- этических, необходимых для нормирования человеческих отношений» [Селезнева, 2013, с. 1–2].

В ренессансной культуре вся совокупность этих критериев оказывается направленной на радикальное обновление ценностного дискурса, включающее такие новаторские для своего времени (но характерные для времени античного) тренды, как гуманизация, реабилитация индивидуально-личностного начала, секуляризация – не полная, но существенная, – и т. п.

3. *Организационно-формализующее*: восстановление канонических для античной культуры форм, приемов, методов иерархизации культурных артефактов и т. п. в соответствии с одним из главных принципов, сформулированных еще в «Поэтике» Аристотеля: «Прекрасное – в величине и порядке» (цит. по: [Тронский, 1946, с. 190]). В представлении Е. Н. Селезневой, это направление во многом пересекается с аксиологическим, а именно, с эстетическими ценностными критериями: «Например, в эпоху Возрождения сохранялись античные образцы (ордерные стили в архитектуре – ионические, дорические, коринфские образцы), принцип “идеальных пропорций” в пластических искусствах...» [Селезнева, 2013, с. 1–2]. На практике же можно отследить

¹ Эд. и далее перевод наш. – А. Н.

² Лат. *tenebrae*.

отдельные примеры того, как стремление следовать античным художественным нормативам в условиях культуры Возрождения вступало в прямое противоречие с аспектом эстетическим.

Показательный, хотя и неоднозначный пример – перипетии с изданием знаменитой героической поэмы Торквато Тассо, творчество которого «подводит своеобразный итог всему литературному развитию Ренессанса, его идейным, художественным, эстетическим поискам» [Топорова, 2012, с. 150]. Изначально поэма, посвященная событиям Первого крестового похода, называлась «Освобожденный Иерусалим» (*La Gerusalemme liberata*, 1559–1575) представляла собой достаточно органичное сочетание религиозной патетики с авантурным сюжетом и романтическими историями любви между крестоносцами и прекрасными язычницами. Впоследствии текст был переработан автором: формальной целью было заявлено большее соответствие «принципу единства», выдвинутому Аристотелем в «Поэтике». Тассо усилил религиозную линию, убрал из поэмы большинство фривольных эпизодов, а также добавил четыре песни – с тем расчетом, чтобы общее число песен (24) совпало с числом песен каждой из гомеровских поэм, «Илиады» и «Одиссеи». В таком виде произведение Тассо было опубликовано уже под новым названием, «Завоеванный Иерусалим» (*La Gerusalemme conquistata*, 1587), однако публика этот вариант не приняла. Действительно, проведенная «чистка» лишила поэму ее самых, по общему мнению, трогательных и лирических эпизодов – любовных. Именно они обеспечили «Освобожденному Иерусалиму» массовую популярность и восхищение читателей.

Таким образом, одной из маркерных особенностей культуры Ренессанса выступает парадоксальная и дихотомичная направленность сознания ее представителей одновременно в прошлое (умопостигаемый идеал) и в настоящее / будущее (интенция к «возрождению» этого идеала). Однако подобная дихотомия, пусть и не в столь ярко выраженной форме, была характерна не исключительно для эпохи Возрождения. Когда возрождению подвергается уже сама концепция «возрождения» – притом возрождения, в частности, всё того же античного прошлого.

К таким периодам можно отнести и конец XVII века, когда вновь становится популярным ретроспективное обращение к классическому античному наследию. В этот период в европейской художественной культуре доминирует эстетическое направление, так и обозначенное как классицизм. Классицистский подход подразумевает тяготение к произведениям античной классики в качестве

идеальных образцов. В числе выдающихся авторов-классицистов назовем драматургов Пьера Корнеля и Жана Расина, а также таких писателей, поэтов и философов, как Джонатана Свифта, Александра Поупа, Вольтера и Карло Гольдони. В русской литературе XVIII века классицизм представлен такими именами, как М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский, Г. Р. Державин, М. М. Херасков, Д. И. Фонвизин и др.

Однако в отличие от подхода ренессансного, классицизм характеризуется гораздо большей приверженностью не столько «духу», сколько «букве» античного наследия. Целью, как и в античном искусстве, является достижение единства и гармонии, ясности и простоты. Но форма превалирует над содержанием; классицисты желают уподобить искусство точным наукам, унифицировать и стандартизировать его, ограничив свободу творчества строгими формалистическими рамками – в противовес античным идеалам, которые они номинально провозглашают своим базовым ориентиром. Такие приоритеты обусловлены, прежде всего, историческими условиями, в которых формировался и существовал классицизм, в первую очередь – запросами укрепления монархии и развития абсолютизма.

С изменением исторической и политической обстановки меняются и творческие парадигмы – как это произошло в начале XX века с неоклассицизмом в литературе и архитектуре, в первую очередь российских. «За несколько лет создаются образцовые произведения стиля, происходит ряд решающих событий, накапливается критическое осмысление неоклассической программы <...>. Смена мироощущения в 1910-е гг., выразившаяся в стремлении к “глубоко сознательному и стройному творчеству”, вывела художественную культуру на новый путь “аполлонизма”, который требовал пересмотра “законов культурной преемственности”, иными словами, отношения к исторической традиции» [Бабаджан, 2022, с. 418]. Неоклассицисты, в отличие от классицистов, творят в условиях гораздо большей свободы и возможности выбора. В числе других важных отличий – неоклассицизм не доминирует над прочими подходами, не претендует на роль господствующей и, по сути, единственной художественной стратегии эпохи.

То же можно отнести, возвращаясь немного назад по временной шкале, к одному из архитектурных направлений XIX века, представители которого поставили во главу угла всё ту же идею возрождения, одновременно ретроспективного и проспективного. Именно для обозначения этого направления впервые был использован термин «неоренессанс», под каковым названием он и остался в истории архитектуры.

Архитектурный неоренессанс, представлявший собой не столько конкретный стиль, сколько группу различных стилистических стратегий, с одной стороны, продолжает традиции позднего классицизма в архитектуре; с другой – со всей очевидностью противостоит классицизму. В отличие от которого, декларирует своей целью решение задачи в некоторой мере «вторичной»: возрождены должны быть не столько античные традиции, сколько традиции Ренессанса, возрождавшего античные традиции, т. е. мы в очередной раз имеем дело с ситуацией «возрождения» самой концепции возрождения. На английском это направление даже часто так и называют: *Renaissance Revival*; эффект ложной тавтологии снимается здесь использованием двуязычия – сочетанием английского и французского слов, означающих «возрождение»; английский термин здесь относится к собственно возрождению, французский же – к конкретной исторической эпохе. Та же игра слов присутствует в заголовке коллективной монографии, опубликованной в 1997 году и посвященной данному направлению: «Возрождая Ренессанс: использование и злоупотребление прошлым в итальянском искусстве и декоре XIX века» [Reviving the Renaissance, 1997].

Открывая сборник, его составительница Р. Павони отмечает: «...[К]огда “культура Ренессанса” <...> вышла за пределы Италии, чтобы стать общим наследием Западной цивилизации, она, с одной стороны, обогатилась новыми витальными элементами, связанными со специфическими формами креативности в рамках тех стран, где она укоренилась; с другой стороны, она утратила свое “право первородства” – или, по меньшей мере, оно было ограничено, – и ей пришлось признать “универсальную” природу этой культурной эпохи» [Reviving the Renaissance, 1997, с. 34]. В свою очередь, и итальянской архитектуре пришлось адаптироваться к новой культурной ситуации, и возрождение ренессансных архитектурных принципов сопровождалось их объединением, в самых разнообразных сочетаниях, с традициями других эпох и направлений. Соответственно, одной из определяющих примет неоренессанса в архитектуре, дизайне, декоративно-прикладном искусстве Италии (а затем и в других странах) становится эклектика, сочетание различных приемов и подходов, в том числе таких, которые раньше считались несочетаемыми. Как сформулировал эту особенность советский и российский теоретик, искусствовед В. Г. Власов: «В композиции зданий, оформлении интерьеров, в мебели и изделиях декоративно-прикладного искусства, называемых неоренессансными <...>, эклектично соединяются элементы искусства Северного Возрождения – Фландрии,

Нидерландов, Германии, Англии, готические мотивы, формы французского Ренессанса и немецкого барокко» [Власов, 2007, с. 188]. Подобный эклектический синтез характерен для многих так называемых «неостилей» в мировой художественной культуре (неоренессанс, неоклассицизм, неobarocko и др.).

Рассмотренное архитектурное направление – на сегодняшний день фактически единственный пример употребления понятия «неоренессанс» в качестве достаточно общепринятого и конвенционально устойчивого термина. Под термином «неоренессанс» мы подразумеваем широкомаштабный, кумулятивный и синергетичный процесс актуализации и ре-актуализации всей совокупности наследия мировой культуры (в первую очередь художественной) в XX–XXI веках.

Разберем более подробно отдельные детали этой дефиниции. Рассматриваемый нами процесс выступает как:

1. Широкомасштабный. Модель «культурного взрыва», предложенная Ю. М. Лотманом, представляет один из наиболее интересных, взвешенных и детально проработанных подходов к проблеме культурного развития и культурного наследия. Лотман видел культуру как общее семиотическое пространство, представляющее собой единое производное от множества составляющих это пространство систем. Культура открыта для внешнего воздействия со стороны систем большего масштаба, а также для разных форм взаимообмена с ними; в то же время не менее важную роль для ее функционирования и развития играет подобный взаимообмен между подсистемами самой культуры, в том числе подсистемами языковыми, национальными, региональными и пр. Они существуют в постоянной и динамичной взаимной зависимости и обусловленности, поскольку ни одна из них, будучи взята как единичное и вполне самостоятельное явление, не способна отобразить существующую реальность в достаточной полноте – для какого отображения необходимо наличие «другого» или «других». (В терминологии Лотмана – «чужого» или «чужих», выделяемых им как антитеза «своему» и «своим».)

В качестве одного из примеров Лотман приводит известный факт: «начиная с царствования Елизаветы Петровны русская дворянская культура подвергается исключительно мощному “офранцуживанию”. Французский язык становится в конце XVIII – начале XIX века в дворянской (особенно столичной) среде неотделимой частью русской культуры...» [Лотман, 2000, с. 66] Таких примеров существует действительно невообразимое множество;

и именно из многочисленных и многообразных явлений этого рода – единичных *per se*¹, но неисчислимых *en masse*², – формируются потоки информационного взаимодействия между различными культурами, составившие впоследствии процесс, который мы рассматриваем как неоренессансный.

Одним из наиболее мощных и по-настоящему масштабных среди этих потоков был интерес европейцев не только к собственному (античному) культурному наследию, но также к культуре Востока, берущий начало еще в XVI–XVII веках (параллельно эпохе Великих географических открытий и началу европейской колонизации Азии) и принявший взрывной характер в XVIII–XIX веках. В то же время в связи с важными открытиями в другой сфере, археологической (раскопки Помпеи и Геркуланума, обнаружение Генрихом Шлиманом развалин Трои и Микен), углубляются и интенсифицируются и познания европейцев в области той же античной культуры. С другой стороны, не менее грандиозные исторические и археологические открытия совершались в этот период и в восточоведении (Розеттский камень и гробница Тутанхамона, памятники древней Месопотамии, расшифровка клинописи и египетских иероглифов), еще больше стимулируя заинтересованность публики в культуре Востока. Таким образом, мы видим, что, начиная с эпохи Возрождения, в рамках мировой культуры иницируются и развиваются многоуровневые и весьма интенсивные процессы актуализации и ре-актуализации ее собственного наследия.

2. Кумулятивный. Одна из важных составляющих лотмановского концепта культуры как семиосферы – выделение им двух важнейших этапов любого культурного развития: 1) этап постепенного, последовательного, «эволюционного» развития и 2) этап «культурного взрыва». Такой подход можно сопоставить со знаменитой теорией «научных революций» Томаса Куна: как Лотман в развитии культуры, Кун видел в развитии науки чередование «нормальных» этапов, аккумулирующих научное знание, и «революционных», на которых накопленное знание трансформируется в новые формы и новые, ранее недоступные уровни рефлексии.

Неоренессансный тренд гармонично сочетает в себе качества обеих фаз – «накопительной» и «взрывной». Его предначальные стадии в пределах отмеченных нами направлений (Азия – Европа, Европа – Европа, Европа – Азия) характеризуются довольно неспешным, но постоянным ростом массы и объема вновь вводимой в публичный оборот культурной информации, их аккумуляцией.

Как и показал Лотман, в период «взрыва» культурная информация во многом меняет свой характер, обретает инновационные черты в соответствии с новыми культурно-историческими условиями.

Одну из важных позиций, свидетельствующих о начале «взрывного» развития неоренессансных тенденций, мы видим в становлении модернистского направления в художественной культуре первой половины XX века. В первую очередь в литературе – в творчестве ирландского писателя Джеймса Джойса, которого часто называют одним из «первопроходцев» литературы модернизма. Джойс заложил основы того приоритетного интертекстуального подхода, который стал «визитной карточкой» модернизма, а со временем и постмодернистской культуры. Его знаменитый роман «Улисс» посредством сложной системы аллюзий, намеков, стилизаций и откровенных пародий отсылает к одному из наиболее древних произведений европейской словесности – к «Одиссее» Гомера; однако эти отсылки не прямолинейны (как было принято на протяжении поколений писателей и поэтов, откровенно развивающих гомеровские традиции), а весьма хитроумно и изощренно замаскированы. Будучи органично вплетены в общую ткань остросовременного текста, они создают тот самый инновационный эффект.

3. Синергетичный. Как видим, неоренессансный процесс является многоуровневым. Каждый из уровней представляет отдельную систему, состоящую из множества подсистем. Та же системность отличает культуру в целом, что позволяет современным исследователям рассматривать ее как феномен синергетический. «Синергия – совместное действие, взаимодействие различных потенциалов или энергий, имеющее общую направленность к идеалу, с одновременным достижением синергетического эффекта» [Берсенева, 2013, с. 40]. Важно подчеркнуть общий системный характер культурных явлений и процессов: «Синергетические механизмы способствуют интеграции компонентов культурного наследия в единую систему, демонстрируя их взаимовлияние и взаимозависимость» [Мазенкова, 2009, с. 5]. «Компонентами» (элементами системы) могут выступать разнохарактерные феномены: так, говоря о системе художественной культуры, мы не можем не учитывать такой фактор, как механизмы распространения информации. Хорошо известно, что популяризации идей Ренессанса способствовало широкое распространение книгопечатания в Европе в XIV и в XV веке. Неоренессансные же тенденции, особенно в массовой культуре – для которой они с каждым десятилетием становятся всё более характерными, – оказываются во многом связаны

¹ Лат. самих по себе.

² Фр. в массе.

с развитием киноиндустрии (XX в.) и электронных технологий (XXI в.). В частности – и в очень значительной степени – с геймингом, играющим колоссальную роль в сегодняшней массовой культуре, ее генерации и трансляции.

Ранее мы уже отмечали: «Рассматривая массовую культуру как семиотическое пространство, мы анализируем тексты геймификации как тексты культуры. В данном ключе рассматриваются сюжеты, их конструирование, создание нового текста на основе первоисточника, его преломление в следующей интерпретации» [Норманская, 2020, с. 38]. Культурное наследие огромного количества стран и народов «заимствуется» множеством самых разных игр, а часто и целым комплексом базирующихся на этих играх аудиовизуальных объектов. Рассмотрим для примера такое суперпопулярное совсем недавно явление, как «Лара Крофт, расхитительница гробниц», – серию компьютерных игр, дополненную множеством фильмов, мультипликационных сериалов, комиксов и книг. За время своей «карьеры» Лара Крофт успела посетить Азию, Африку, Перу, Египет, Китай, Ирландию, Россию, всюду исследуя артефакты, непосредственно связанные с культурным наследием этих стран и регионов. Несмотря на некоторые неточности, которые допустили разработчики при освещении артефактов, данная игра, как и многие подобные ей, успешно выполняет функцию ознакомления

современной молодежи с различными формами культурного наследия прошлого, в том числе наследия инокультурного, «чужого», о важности познания которого как элемента развития культуры говорил Ю. М. Лотман: «...Картина мира в геймификации зачастую представляет “инаковость” мира. В данном случае мы наблюдаем тенденцию к созданию “второй реальности” <...> данная “инаковость” отражается во времени и пространстве (историческом, фэнтезийном и т. д.), атрибутике, ролях, контекстах, культурных кодах, элементах, уровнях, результате» [Лотман, 2000, с. 40].

Выводы

Таким образом, в настоящей статье мы обосновали предлагаемое нами расширение границ понятий «ренессанс» «неоренессанс» и рассмотрели основные характеристики явления, отображаемого термином «неоренессанс» в его более широком, чем принято, значении. Тенденции неоренессанса были рассмотрены как комплексное явление, инициированное в европейской культуре XVII–XVIII веков и вновь набирающего особую интенсивность в XX–XXI веках. В качестве основных особенностей, определяющих неоренессанс как парадигматический культурный процесс современности, мы выделяем его широкомасштабный, кумулятивный и синергетичный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Селезнева Е. Н. Теоретико-методологические проблемы актуализации культурного наследия // Культурологический журнал. 2013. № 2. С. 1–14.
2. Пинский Л. Е. Возрождение // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советской энциклопедия, 1987. С. 66–68.
3. Вазари Дж. Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих: в 5 т. М.: Искусство, 1956–1971.
4. Vickers B. The idea of the Renaissance, Revisited // Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies. 2002. Vol. 12. P. 1–27.
5. Houghton L. Introduction: Veteris vestigia flammae? The 'Rebirths' of Antiquity // Renaissance? Perceptions of Continuity and Discontinuity in Europe, c.1300 – c.1550 / Eds. A. Lee, P. Péporté, H. Schnitker. Leiden & Boston: Brill, 2010. P. 17–26.
6. Baron H. The Crisis of the Early Italian Renaissance. 2nd ed. Princeton, 1966.
7. Тронский И. М. История античной литературы. Л.: Учпедгиз, 1946.
8. Топорова А. В. Поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим»: замысел и его воплощение // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. № 22–2. С. 150–153.
9. Бабаджан С. Г. Неоклассицизм в архитектуре 1900–1910-х годов и поэзии акмеизма: к вопросу общности проблемного поля // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. Т. 12. С. 414–425.
10. Reviving the Renaissance: The Use and Abuse of the Past in Nineteenth-Century Italian Art and Decoration / Ed. R. Pavoni. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
11. Власов В. Г. Неоренессанс // Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. СПб.: Азбука-Классика, 2007. Т. VI. С. 188–193.
12. Лотман Ю. М. Семиосфера и другие работы. СПб.: Искусство-СПб, 2000.
13. Берсенева Т. П. Синергия в культуре // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 36–44.

14. Мазенкова А. А. Культурное наследие как самоорганизующаяся система: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тюмень, 2009.
15. Норманская А. В. Тексты геймификации как тексты массовой культуры // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 37. С. 37–43.

REFERENCES

1. Selezneva, E. N. (2013). Theoretical and methodological problems of cultural heritage actualization. *Kul'turologicheskiy zhurnal*, 2, 1–14.
2. Pinskiy, L. E. (1987). *Vozrozhdenie = Renaissance*. In Kozhevnikova, V. M., Nikolaeva, P. A. (eds.), *Literaturny enciklopedicheskiy slovar'* (pp. 66–68). Moscow: Sovetskoy enciklopediya. (In Russ.)
3. Vazari, Dzh. (1956–1971). *Zhizneopisaniya naibolee znamenitih zhivopiscev, vayatelej i zodchih = Biographies of the most famous painters, sculptors and architects: in 5 vols*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
4. Vickers, V. (2002). The idea of the Renaissance, Revisited. *Yearbook of the Spanish and Portuguese Society for English Renaissance Studies*, 12, 1–27.
5. Houghton, L. (2010). Introduction: Veteris vestigia flammae? The 'Rebirths' of Antiquity. In Lee, A., Péporté, P., Schnitker, H. (eds.), *Renaissance? Perceptions of Continuity and Discontinuity in Europe, c.1300 – c.1550* (pp. 17–26). Leiden & Boston: Brill.
6. Baron, N. (1966). *The Crisis of the Early Italian Renaissance*. 2nd ed. Princeton, 1966.
7. Tronskiy, I. M. (1946). *Istoriya antichnoy literatury*. Leningrad: Uchpedgiz.
8. Toporova, A. V. (2012). Poema Torkvato Tasso "Osvobodivshiy Ierusalim": zamysel i ego voploshchenie = Torquato Tasso's poem "Liberated Jerusalem": the Idea and its embodiment. In *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferenciya Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo humanitarnogo universiteta = Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities* (vol. 22-2, pp. 150–153). (In Russ.)
9. Babadzhan, S. G. (2022). Neoclassicism in Architecture and Poetry of the 1900s and 1910s: The Commonality of the Problem Field. *Actual Problems of Theory and History of Art*, 12, 414–425.
10. Pavoni, R. (Ed.). (1997). *Reviving the Renaissance: The Use and Abuse of the Past in Nineteenth-Century Italian Art and Decoration*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Vlasov, V. G. (2007). Neorenessans. In Vlasov, V. G. *Novyy enciklopedicheskiy slovar' izobrazitel'nogo iskusstva* (vol. VI, pp. 188–193): in 10 vols. St. Petersburg: Azbuka-Klassika. (In Russ.)
12. Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosfera i drugie raboty*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb. (In Russ.)
13. Berseneva, T. P. (2013). Sinergy in culture. *Tomsk State University Journal*, 377, 36–44. (In Russ.)
14. Mazenkova, A. A. (2009). *Kul'turnoe nasledie kak samoorganizuyushchayasya sistema = Cultural heritage as a self-organizing system: abstract of PhD. Tyumen'*. (In Russ.)
15. Normanskaya, A. V. (2020). Texts of gaming as texts of mass culture. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 37, 37–43. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Норманская Анжела Викторовна

кандидат культурологии, доцент
заведующая кафедрой философии, культурологии и гуманитарных дисциплин
Крымского университета культуры, искусств и туризма
ORCID ID: 0009-0005-5082-976X, ResearcherID: HPC-9027-2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Normanskaya Anzhela Viktorovna

PhD (Culturology), Associate Professor
Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Humanities,
Crimean University of Culture, Arts and Tourism
ORCID ID: 0009-0005-5082-976X, ResearcherID: HPC-9027-2023

Статья поступила в редакцию	04.09.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	03.10.2023	approved after reviewing
принята к публикации	02.11.2023	accepted for publication

Французские рейтары на службе русского царя (историческая связь России и Франции в XVI–XVII веках)

Ю. Н. Сдобнова¹, А. О. Манухина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹vk-sdobnova@yandex.ru

²amanuhina@mail.ru

Аннотация. В статье в рамках изучения русофонии и франкофонии в диахроническом аспекте исследуется преемственность княжеством Московским (а впоследствии Российским государством) французского военного опыта и европейской стратегии ведения войн; рассматривается восприятие Россией опыта западноевропейской «военной революции» с ее новыми достижениями в военной доктрине, в науке и технике и проведен анализ исторической роли французских наемников – рейтаров как особого феномена европейской военной культуры XVI–XVII веков и их влияния на русскую культуру.

Ключевые слова: русофония, франкофония, исторический диалог, культурный диалог, рейтары, диахронические исследования

Для цитирования: Сдобнова Ю. Н., Манухина А. О. Французские рейтары на службе русского царя (историческая связь России и Франции в XVI–XVII веках) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 158–164.

Original article

French Reitars in the Service of the Russian Tsar (historical connection between Russia and France in the 16th–17th centuries)

Yulia N. Sdobnova¹, Alla O. Manuhina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹vk-sdobnova@yandex.ru

²amanuhina@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study, within the framework of the study of Russophony and Francophony in the diachronic aspect, of the continuity of the Principality of Moscow (and later the Russian state) of the French military experience and strategy of warfare. The article examines Russia's perception of the experience of the Western European "military revolution" with its new achievements in military doctrine, science and technology and analyzes the historical role of French mercenaries – reitars as a special phenomenon of the European military culture of the 16th–17th centuries and their influence on Russian culture.

Keywords: Russophony and Francophony, historical dialogue, cultural dialogue, reitars, diachronic studies

For citation: Sdobnova, Yu. N., Manuhina, A. O. (2023). French reitars in the service of the Russian tsar (historical connection between Russia and France in the 16th–17th centuries). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 158–164.

ВВЕДЕНИЕ

Отношения России и Франции в рамках культурного, военного и дипломатического сотрудничества длятся несколько столетий и уходят корнями в эпоху Средневековья. Об одной из сторон исторической российско-французской связи в диахроническом аспекте свидетельствует заимствование Княжеством Московским (а впоследствии Российским государством) французского опыта в военной сфере.

Начиная с середины XV века в Западной Европе происходят значимые политические события, которые повлекли за собой переосмысление стратегии ведения войн. XV–XVI века стали переломными в истории военного искусства: феодалы уступают место наемным армиям и их массовому использованию. Так называемая западноевропейская «военная революция» с ее новыми достижениями науки и техники того времени (широкое использование артиллерии и огнестрельного оружия) свидетельствует о постепенном закате рыцарства и переходе к армиям «нового типа», предвестникам национальных армий.

Московское государство, объединившее русские земли и княжества, оказалось перед новыми политическими вызовами. Русские цари всегда стремились использовать самые современные военные технологии и наиболее эффективную военную тактику. Главным путем усвоения достижений «военной революции» было привлечение в Россию носителей нового знания и опыта – западноевропейских военных: «с первых шагов формирования Российского государства и общерусского войска московские власти стали использовать иностранных военных специалистов. С конца XV века западноевропейцы постоянно находились в русском войске, участвуя практически во всех войнах, которые вело Московское государство, а также в гражданской войне эпохи Смуты. Именно через них в Россию проникали новые веяния в военном деле, начиная от терминологии и кончая образцами вооружения» [Скобелкин, 2015, с. 4]. Особую роль здесь сыграли французские рейтары на службе русских царей в XVI–XVII веках. Эти наемники из Франции повлияли на формирование кардинально нового типа армии и на военную культуру в целом.

РЕЙТАРЫ ВО ФРАНЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ФРАНЦУЗСКУЮ КУЛЬТУРУ

Рейтарами (от нем. *Reiter* – всадник) в Западной Европе конца XV – начала XVI веков именовались

вооруженные пистолетами конные наемники, изначально немецкого происхождения. Участие рейтаров в боевых действиях стало настоящей революцией в военном деле той эпохи: рейтары, в отличие от других всадников, использовали тогда еще редкое огнестрельное оружие (от двух до четырех специально созданных кавалерийских однозарядных и многозарядных пистолетов: *Reitpistole* и *Doppelfauster*). Рейтары появились при Карле V (1519–1556) и стали серьезным новшеством в армиях Европы: по сути, это была первая настоящая кавалерия со времен Античности. Они сразу зарекомендовали себя с наилучшей стороны благодаря четкой воинской дисциплине, умению держать строй, беспрекословному повиновению командиру, спаянности в бою и храбрости – их приемы ведения боя разительно отличались от рыцарских войн предыдущего столетия. Особый так называемый рейтарский доспех, покрытый черной краской, или вороненый, дал рейтарам прозвище «черные всадники». Рейтары не упускали из внимания и психологический аспект: они не только носили черные доспехи, стилизованные шлемы «мертвая голова» и черные плащи, но и перед боем мазали лица сажей, чем наводили ужас на противника.

Термин «*reître*», обозначающий легковооруженного наемника, всадника-кавалериста, встречается во французских документальных источниках, начиная с XVI века. Так, военачальник Рабютен упоминает об отряде рейтаров (*un ost reitres*), участвовавшем в войне между французским королем Генрихом II и Карлом V и так описывает свои впечатления: «*pour nous intimider s'estoient tous faits noirs, comme beaux diables*» («чтобы нас застрашить, они сделали себя совершенно черными, как настоящие черти») [цит. по: Дельбрюк, 1997, с. 341].

Примечательно, что в современном французском языке существительное *reître*, помимо своего основного терминологического значения, имеет несколько дополнительных оценочных значений с отрицательной коннотацией:

- 1) «грубиян, солдафон, жестокий человек»¹;
- 2) «*guerrier brutal et grossier; homme qui se complaît dans la violence et la grossièreté*»² («жестокий и грубый воин; человек, который потворствует насилию и грубости»³).

Существительное *reître* с конца XVI века вошло в пословицы. Например, в сборнике «*Le Livre*

¹ Гак В. Г., Ганьшина К. А. Новый французско-русский словарь. 5-е изд., испр. М.: Русский язык, 2000. С. 120.

² Dubois J. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris: Larousse, 2000. P. 237.

³ Зд. и далее перевод наш. – Ю. С., А. М.

Рис. 1

des proverbes français»¹ так оцениваются действия рейтара:

Où les reîtres (Rheîtres) ont passé, on n'y doit point de dismes (*Le Roux de Lincy Antoine. Le Livre des proverbes français. 1842. P. 92*). – Там, где прошли рейтары, не должно быть никаких десятинов.

Там же дается пояснение автора – исследователя XIX века Антуана Ле Ру де Линси: «Ce qui signifie que les Reîtres ayant tout pillé, la dîme du seigneur ne peut être acquittée» (*Le Roux de Lincy Antoine. Le Livre des proverbes français. 1842. P. 92*) – «что означает, что, поскольку рейтары разграбили все, господская десятина не может быть уплачена».

Нами выявлено также устойчивое выражение *vieux reître*, имеющее в современном французском языке значение «homme d'expérience, homme rusé»², «un homme qui a vu beaucoup de pays, qui a de l'expérience, de l'astuce», как русский эквивалент приводится выражение «тертый калач»³. В то же время присутствует и ироничное отношение к рейтару как к «старому прожженному ловеласу»: «Vieux reître se dit aussi d'un homme âgé qui court après les femmes»⁴.

Таким образом, начиная с XVI века в сознании французов укоренилось отношение к рейтару, с одной стороны, как к мудрому, бесстрашному и опытному ратнику, с другой – как к грубому воину-наемнику, способному на насилие и грабежи ради своей выгоды, и в этом состояло его разительное отличие от средневекового благородного рыцаря.

В XVI веке для французского монарха ратные качества рейтаров оказались в приоритете: Генрих II, усвоив боевой опыт противника, сначала переманивает к себе на службу рейтаров Карла V, а затем,

в 1558 году, формирует первые французские рейтарские отряды, получившие название «pistolliers» («пистольеры») благодаря новому виду их оружия. Во Франции при короле Генрихе II было около 7 тыс. рейтар-пистольеров. Позднее рейтары служили королю Генриху IV, хотя их численность сократилась, и вся армия Генриха IV насчитывала около 6 тыс. человек, из которых рейтары составляли большинство. Об успехах применения войск рейтаров пишет современник Генриха II и Генриха IV полководец и философ Франсуа де Ла Ну (*François de La Nouë*) в «Политических и военных речах» в 1585 году: «Никогда рейтары не бывают так опасны, как когда они смешались с врагом, ибо тогда они стреляют все разом <...> эскадрон с пистолетами, выполняя свой долг, всегда победит эскадрон с копьями» [Ла Ну, 2003, с. 190].

Французские рейтары за непобедимость в бою получили прозвище «cavaliers du diable» («всадники дьявола»). Их бесстрашие и жестокость нашли отражение в сочинении «Трагические поэмы» («*Les Tragiques*») политика, поэта и историка позднего Возрождения Теодора Агриппы д'Обинье (*Théodore Agrippa d'Aubigné*)⁵, опубликованной в 1616 году:

J'ai vu le Reître noir foudroyer au travers Les mesures de France, et comme une tempête Emporter ce qu'il put, ravager tout le reste (A. D'Aubigné. *Les tragiques*). – Я видел, как черный рейтар пронесется Вдоль хижин Франции и, как буря, Он уносит с собой всё, что может, разоряет всё остальное.

Как можно видеть из рассмотренного фрагмента, автор в традициях господствовавшего тогда стиля маньеризма сравнивает поведение рейтара в бою с действием потусторонних сил.

В то же время у рейтаров был свой негласный кодекс чести и воинский девиз: «*Spernit humilia virtus*» (букв.: «доблесть отвергает ничтожное»), гравированный на клинке рейтарского меча. До наших дней дошел один из старейших образцов холодного оружия рейтаров – меч типа райтшверт

¹ Le Roux de Lincy Antoine. *Le Livre des proverbes français, précédé de recherches historiques sur les proverbes français et leur emploi dans la littérature du Moyen Age et de la Renaissance*. T. 2. Edition 2. Paris: Typographie de Henri Plon, imprimeur de l'empereur, 1842.

² Trésor de la langue française. (Dictionnaire de la langue du XIX–XX-ème siècle). Paris: Editions du centre national de la recherche scientifique, 1988. P. 209.

³ Гак В. Г., Ганьшина К. А. 2000. С. 120.

⁴ Littré P.-E. *Dictionnaire de la langue française: en 4 vol.* T. 2. Paris: Typographie Lahure, 1863. P. 560.

⁵ D'Aubigné A. *Les Tragiques* / éd. Frank Lestringant. Paris: Gallimard, 1995.

(reitschwert – букв. нем. ‘меч всадника’) 1609 года, работы немецкого мастера Йохана Кенкеля (рис. 1). Этот латинский девиз рейтаров впоследствии станет популярным во Франции и будет часто встречаться на клинках XVII–XVIII веков на шпагах французских кавалерии.

Господство французских рейтар на поле боя длилось с середины XVI до конца XVII века, т.е. около ста лет. К началу XVIII столетия их тактика становится архаичной и уступает место постоянным войскам.

ФРАНЦУЗСКИЕ РЕЙТАРЫ В РОССИИ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ

Привлечение иностранных, в том числе и французских, профессиональных военных на службу к русскому царю – явление, восходящее к правлению великого московского князя Ивана III. Именно с деятельностью Ивана III как создателя Российского государства связаны первые серьезные перемены в организации войск. Сознывая недостатки отечественной армии, московские князья наряду с иностранными художниками и мастерами приглашали военных специалистов из Европы – так появились устроенные по западноевропейскому образцу полки иноземной пехоты и конницы. На службе у Ивана III были «немцы» (что на русском языке XV–XVI веков означало не «выходец из Германии», а любой иностранец, иноземец), особенно среди иностранных военных и военных инженеров выделялись «фрязи» (иностранцы романского происхождения) и «французенины» (т.е. именно французы).

Позднее, при правлении Ивана Грозного, путешествовавший по России итальянский аристократ Рафаэль Барберини описал в 1565 году находившихся на царском пиру западноевропейских дворян – «немцев», состоявших на службе у царя. Записки Барберини «*Relazione di Moscovia Scritta da Raffaello Barberino al conte di Nubarola, Anversa li 16 ottobre, 1565*» являются ценнейшим свидетельством присутствия в русской армии западноевропейских, в том числе и французских, офицеров, командовавших иноземными наемными отрядами. Многие из командиров были ранее рейтарами в Ливонской войне, но, попав в русский плен, приняли подданство Московии и стали служить русскому царю.

Начало XVII века стало переломным в истории России и российского военного дела. «Полки иноземного строя» были сформированы по образцу западноевропейских армий. Московские рейтары XVII века представляли собой кавалерию «нового строя». В правление Бориса Годунова в 1600 году на службу был принят французский рейтар Жак

Маржерет (Jacques Margeret), занявший должность капитана кавалерии и начальника личной гвардии (en qualité de Capitaine de Cavalerie et de Commandant de la première Compagnie des Gardes du corps) [Маржерет, 2007]. Известно, что Маржерет был выходцем из гугенотов, в молодые годы служил французскому королю Генриху IV и участвовал в религиозных войнах. При Борисе Годунове в 1605 году во главе кавалерийского отряда «немцев» (иностранных наемников) он отличился в сражении с войсками Лжедмитрия I. Однако после смерти Бориса Годунова Маржерет нанимается в отряд к Лжедмитрию, а после его гибели и воцарения Василия Шуйского покидает Россию. Возвратившись во Францию, Маржерет был принят при дворе Генриха IV, и его рассказы о России впоследствии были опубликованы в Париже в 1607 году как отдельный труд и посвящены французскому монарху: «Состояние Российской империи и Великого княжества Московского» («*Estat de l'Empire de Russie et Grand Duché de Moscovie avec ce que s'y est passé de plus memorable et tragique, pendant le règne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590 jusques en l'an 1606 en septembre*») [Маржерет, 2007]. В России Маржерет был признан изменником, однако переданный им новый опыт ведения боевых действий был усвоен и сформированные им конные отряды продолжали службу государю вплоть до 1613 года.

В эпоху Смуты иноземные ратники, привлеченные возможностью выгоды, активно служили в российских войсках. Новый царь Василий Шуйский пригласил в 1609 году иноземных военачальников в Россию для обучения русских полков. В том же году правительство Василия Шуйского использовало против Лжедмитрия II уже целую наемную армию из Западной Европы. В 1610 году пять тысяч европейских наемников в ополчении Шуйского участвовали в походе из Москвы к Смоленску, осажденному польскими интервентами. Кавалерией в этой экспедиции командовал французский полковник Пьер Делаویل де Домбаль (Pierre de Laville, sieur de Dombasle). Считается, что Пьер Делаویل служил также рейтаром при Генрихе IV, но покинул Францию в годы религиозных войн и через Швецию добрался до России, где прославился на службе благодаря не только воинской отваге, но и новым, непривычным для русских военным хитростям (в чем он имел большой опыт, например, в использовании взрывных устройств на основе пороха). О биографии Делавиля сохранилось мало сведений: единственным документальным источником его пребывания в России является составленное им небольшое сочинение «*Discours sommaire de ce qui est arrivé en Moscovie depuis le*

regne de Ivan Wassiliwich, empereur, jusques à Vassili Ivanovitz Souski. Par Pierre de Laville, sieur de Dombasle», датируемое 1611 годом [Делавиль, 2008].

В XVII веке при первых Романовых рейтарские отряды продолжили службу российским царям. Михаил Федорович Романов, получив титул Царь и великий князь Всея Руси, Imperator terrenus («Повелитель всех держав»), понимал необходимость создания полков, находящихся в абсолютном распоряжении верховной власти, на полном содержании государя, с высокой боеспособностью. Появилась необходимость в надежной регулярной армии, на которую можно опереться во внутренней и внешней политике. Именно поэтому царь и его Боярская дума приступили к формированию войск для охраны государства от внутренней и внешней угрозы и расширения территории царства. Акты Московского государства указывают, согласно грамоте государя, на начало комплектования и формирования в 1630 году полков «нового строя».

Михаил Федорович приказал сформировать первый рейтарский полк, который возглавил французский полковник Самуэль Шарль д'Эберт¹ (Samuel Charles d'Huebert). Элитные войска рейтар, созданные по указу царя Михаила Федоровича 10 июня 1632 года, относились к тяжелой кавалерии. «Рейтарский Полковника Шарля д'Эберта полк» был постоянной конной воинской частью в русском войске, основной тактической единицей, предназначенной для выполнения боевых задач в составе соединений и самостоятельно. Полк насчитывал более 2 тыс. человек личного состава в 12 ротах, имел свое знамя (белое с золотыми кистями и бахромой) и просуществовал с 1632 года по июнь 1634 года [Меньшиков, 2009].

Как и в западноевропейских армиях того времени, служба рейтаров щедро оплачивалась царем, так как они являлись военными специалистами высокого уровня. «Служилые немцы» были либо «кормовыми» (служившими за плату), либо «поместными» (служившими за получение поместий с крепостными), а также делились на «иноземцев старого выезда» (давно живших в России и уже имеющих русские семьи) и «нового выезда» (только что завербованных на царскую службу). Рейтары, жившие в городах, получали равное с городскими дворянами жалование: их социальный статус был очень высок. За высокую оценку их ратных качеств рейтары были в особом почете у российских царей. Постепенно наемники переходили в российское

подданство и служили России уже в качестве ее граждан. Приняв православие, они именовались «новокрещеными» и в понимании русских современников переставали быть «немцами», становясь практически русскими. Для русских полков нового строя стало привычным смешение русской и западноевропейских практик, так как в них под командованием иноземных офицеров служили русские «сыны боярские», которые подчинялись традиционной системе русской военной иерархии, и их служба приближалась к службе в дворянской коннице.

«Рейтарский Полковника Шарля д'Эберта полк» участвовал в 1633 году в Смоленской войне, отправленный царем в помощь воеводе М. Б. Шеину к осажденной крепости в Смоленск. Свидетельством ратных заслуг д'Эберта в тяжелейших боях с польско-литовскими войсками служит дошедшая до наших дней гравюра его современника В. Гондиуса «План осады и обороны г. Смоленска 1632–1634 гг.» со следующим пояснением: «Стан полковника Карла Губерта, родом француза. Он имел под своим началом иностранцев, как-то немец, французов и 600 вооруженных по-немецки Москвитян, всего более 2 000 чел. Сей стан был укреплен весьма искусно» [цит. по: Лебедев, 1998, с. 130]. Но после поражения под Смоленском и заключения Поляновского мирного договора в 1634 году полк был распущен, а Самуэль Шарль д'Эберт уехал из России. Известно, что в 1639 году, находясь в Вене, он писал русским военачальникам и оставшимся в Москве иноземцам письма с просьбой содействовать его возвращению в Россию, чтобы снова поступить на русскую службу, но нет никаких данных об ответе на эти письма. Поражение в войне и расформирование полков нового строя не означали отказа от идеи регулярных войск: обученные воины в большинстве остались в России и встроились в традиционную военную систему русского государства.

Служба рейтаров при российском государе была продолжена уже во времена правления царя Алексея Михайловича (1645–1676). Обозначение «рейтар» стало широко употребляться в русском военном лексиконе. Примечательно, что к середине XVII века войска западноевропейских рейтаров постепенно уходили в прошлое: окончательно они исчезли в Европе после Тридцатилетней войны (1618–1648). Однако в Российском государстве только в 1649–1651 годах был учрежден специальный Рейтарский приказ как особый орган военного управления. Царь Алексей Михайлович, приобретя опыт после столкновения с рейтарами шведского короля, велел снова после длительного перерыва сформировать рейтарские полки в России. Рейтарский приказ организовывал

¹ В русской историографии существует множество вариантов передачи французского имени Samuel Charles d'Huebert: Самуэль Шарль д'Эберт, Самуэль Шарль Эберт, Самуил Шарль Дееберт, Самуил Шарль де Берт, а также на латинский манер Карл Губерт. – Прим. авт.

тяжелую кавалерию, занимался закупками для них огнестрельного оружия за рубежом и приглашал иноземных военачальников для их обучения. Накопленный опыт помог России победить в 1654 году в войне с Речью Посполитой. В то же время Российское государство пошло по собственному пути, не копируя военную модель комплектования армии, существовавшую в ту эпоху в Западной Европе. Хотя еще в течение последующих десятилетий в командовании состояли опытные офицеры – иностранцы, постепенно складывался отечественный институт профессионального военно-служилого сословия. Главным стало не привлечение наемников, а обязательная служба российского населения, что послужило основой комплектования полков нового строя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в рамках нашего исследования документы и письменные памятники XVI–XVII веков свидетельствуют о разностороннем характере многовековых связей России и Франции.

Появление на Руси великокняжеской и позднее царской власти поставило новые задачи в военной сфере и во внешней политике, потребовало усвоения западноевропейского культурного и военного опыта с привлечением для руководства войсками профессионалов новой эпохи.

Отдельно следует отметить, насколько по-разному отразился в сознании народа Франции и

России опыт использования наемников-рейтаров, с учетом специфики национального менталитета. Интересно, что во Франции изначально рейтар воспринимался враждебно, и запечатлелся в памяти народа как грубый чужак, наводящий своим видом ужас и приносящий разорение, что нашло отражение как в пословицах и народных афоризмах, так и в произведениях французских авторов XVI–XVII веков. Лишь со временем рейтары становятся частью французской военной культуры и получают признание благодаря своему бесстрашию и профессионализму. В XVI–XVII веках Россия также имела опыт столкновения с войсками рейтаров, воевавшими на стороне противника. Однако к рейтарам, перешедшим на службу к русскому царю и принявшим российское подданство, в России всегда относились с большим уважением как к представителям элитных войск. Французские рейтары успешно ассимилировались в российском социуме, и некоторые российские дворянские фамилии восходят к именам и прозвищам рейтаров. Этот интересный факт представляется малоизученным и заслуживает отдельного детального исследования.

Восприятие Россией западноевропейского опыта французских рейтаров на протяжении почти полутора столетий и влияние французских офицеров-наемников на создание и развитие российской армии и формирование военной культуры в XVI–XVII веках представляется удачным образцом взаимовлияния двух стран, ставшего определенной базой для последующего диалога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скобелкин О. В. Западные европейцы на русской военной службе в XVI – 20-х гг. XVII в.: дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2015.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. 4. Новое время. СПб.: Наука, 1997.
3. Ла Ну Ф. де. Политические и военные речи // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб.: Алетейя. 2003. Вып. 4. С. 189–217.
4. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях. (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. М.: Языки славянских культур, 2007.
5. Делаویل П. Краткое рассуждение о том, что произошло в Московии со времени царствования Ивана Васильевича, императора, до Василия Ивановича Шуйского. Сочинение Пьера Делавиля де Домбаля. 1611 / пер. с фр. С. А. Мезина // Историографический сборник: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2008. Вып. 23. С. 124–139.
6. Меньшиков Д. Н. Смоленская война 1632–1634 гг. и начальный этап реформирования московской армии: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
7. Лебедев А. Л. Служилые иноземцы в России XVII века, 1613–1689 годы: дис. ... канд. ист. наук, Ярославль, 1998.

REFERENCES

1. Skobelkin, O. V. (2015). Zapadnoevropejcy na ruskoj voennoj sluzhbe v XVI – 20-h gg. XVII v. = Western Europeans in the Russian military service in the 16th – 20s of the 17th centuries. Senior Doctorate in History. Voronezh. (In Russ.)

2. Del'bryuk, G. (1997). Istoriya voennogo iskusstva v ramkah politicheskoy istorii = The history of military art within the framework of political history (vol. 4. New time). St.Petersburg: Nauka. (In Russ.)
3. La Nouë, F. de. (2003). Political and military speeches. Problemy social'noj istorii i kul'tury srednih vekov i rannego novogo vremeni (pp. 189–217): The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
4. Margeret, J. (2007). Sostoyanie Rossijskoj imperii. ZH. Marzheret v dokumentah i issledovaniyah. (Teksty, kommentarii, stat'i) = The state of the Russian Empire. J. Margeret in documents and research. (Texts, comments, articles). Moscow: LRC Publishing Youse. (In Russ.)
5. De Laville, P. (2008). A brief discussion of what happened in Muscovy from the reign of Ivan Vasilyevich, the emperor, to Vasily Ivanovich Shuisky. The work of Pierre De Laville de Dombal. 1611. Historiographical digest (pp. 124–139). Interuniversity collection of scientific work. (In Russ.)
6. Men'shikov, D. N. (2009). Smolenskaya vojna 1632–1634 gg. i nachal'nyj etap reformirovaniya moskovskoj armii = The Smolensk War of 1632–1634 and the initial stage of reforming the Moscow Army: abstract of PhD in History. St.Petersburg. (In Russ.)
7. Lebedev, A. L. (1998). Sluzhilye inozemcy v Rossii XVII veka, 1613–1689 gody = Serving foreigners in Russia of the 17th century, 1613–1689: abstract of PhD in History. Yaroslavl. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сдобнова Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
 декан факультета французского языка
 доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка
 факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

Манухина Алла Олеговна

кандидат филологических наук, доцент
 заведующий кафедрой фонетики и грамматики французского языка
 факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sdobnova Yulia Nikolayevna

PhD (Philology), Associate Professor
 Dean of the Faculty of the French Language
 Associate Professor at the Department of Lexicology and Stylistics of the French language
 Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Manuhina Alla Olegovna

PhD (Philology), Associate Professor
 Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language
 Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	30.08.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	29.09.2023	
	02.11.2023	

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 13 (881)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 13 (881)**

Ответственный редактор

И. А. Семина

доктор филологических наук, доцент

Executive editor

Irina A. Semina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Редактор Н. Г. Павлова

Верстка: А. В. Алымов, Ю. Л. Герасимова

Разработка макета: А. Алымов

Editor N. G. Pavlova

Layout: A. V. Alymov, Yu. L. Guerassimova

Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 27.12.2023

Усл. печ. л. 21,0

Формат 60х90/8

Заказ № 101/23

Signed for print: 27.12.2023

Conventional printed sheets: 21,0.

Layout format 60x90/8

Order 101/23

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023

© FSBEI HE MSLU, 2023

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».